

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

62

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

62

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. Л. ЯНИН

КНЯЖЕСКИЕ ЗНАКИ СУЗДАЛЬСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ

Трудно объяснимая бедность Суздаля и Владимира находками древнерусских печатей¹ является причиной того, что наши сведения о геральдических знаках суздальских князей очень отрывочны и несистематичны. Способствовать определению этих знаков могут печати суздальских князей, занимавших столы в других городах, богатых сфрагистическими находками, например в Новгороде. Однако в сфрагистике этих городов до сих пор также нет должной системы из-за многих пробелов в собранном уже материале, не позволяющих связать знания о древнерусских печатях в компактное целое. Поэтому ясна важность всякого нового экземпляра печати или знака, заполняющего отдельные пробелы и объясняющего обычно целые группы памятников, известных ранее, но до сих пор не понятых.

Открытие так называемых знаков Рюриковичей, сделанное около 50 лет тому назад вятским статистиком П. М. Сорокиным², породило значительную литературу. Однако основная задача, поставленная исследованием этих знаков, — выяснение их принадлежности конкретным древнерусским князьям — до сих пор не может считаться удовлетворительно решенной, хотя бы частично. Основным принципом классификации знаков собственности, как это было показано еще П. М. Сорокиным, является принцип простейшего изменения их при переходе от отца к сыну. Согласно этому принципу, каждый знак должен состоять из двух разнородных частей: знака предшественника и «отпятныша» (одного или нескольких в зависимости от числа наследников). Зачастую отпятнышем могло служить изъятие той или иной части знака отца, и тогда действительное усложнение фигуры принимало вид внешнего упрощения. Несмотря на большую сложность такой эволюции, изучение которой затруднено к тому же неполнотой накопленного материала, формальные основания системы ясны. Необходимо учитывать по крайней мере следующие обстоятельства: 1) связь знаков деда и внука должна быть эволюционно опосредствованной знаком отца; 2) при большом числе наследников знаки младших братьев основываются не только на отцовском, но и учитываются особенности знаков старших братьев, во избежание возможного повторения.

Этот принцип, признаваемый всеми исследователями княжеских знаков, казалось бы, должен был лечь в основу проверки правильности определения. Однако такая формальная проверка никем еще не была проделана.

¹ Единственная в Суздале находка древнерусской свинцовой печати была сделана в 1939 г. См. Л. А. Голубева. Новый образец свинцовой печати из Суздаля. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 109—111.

² А. В. Орешников. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. АИЗ, 1894, т. II, стр. 301—311.

Н. П. Лихачев¹ и А. В. Орешников² вообще не ставили подобного вопроса. Б. А. Рыбаков³ признал, что основной принцип эволюции знаков собственности — от простого к сложному — у Рюриковичей выдержан лишь частично. Последний вывод кажется несколько преждевременным и легшие в основу таблицы княжеских знаков А. В. Орешникова и Б. А. Рыбакова определения печатей, как это будет показано ниже, нуждаются в проверке и уточнении.

Целью настоящей статьи являются проверка и уточнение определения суздальских печатей, несущих изображения княжеских знаков, и попытка построения системы этих знаков в соответствии с основным принципом их эволюции.

* * *

Единственные суздальские княжеские знаки, достоверность локализации которых засвидетельствована датированными памятниками, это открытые Н. Н. Ворониным на камне пьедестала боголюбовского кивория и на камне Золотых Ворот⁴. И Золотые Ворота, и киворий построены в княжение Андрея Юрьевича Боголюбского, поэтому Н. Н. Воронин и Б. А. Рыбаков считали, что оба знака, важные для представления о характере ремесла в домонгольской Руси, принадлежали указанному князю. При определении оба исследователя основывались на представлении о полном тождестве геральдических фигур. Однако при детальном рассмотрении знаки кивория и Золотых Ворот полного сходства не обнаруживают. Первый (рис. 1—1) имеет форму двузубца, левый зубец которого покрыт Г-образной перекладной, правый завершен плавным отрогом наружу, причем левый снабжен в средней части таким же отрогом внутрь. От нижней части двузубца идет отрог, изогнутый влево. Второй знак, детально совпадающий с первым, лишен, однако, Г-образной перекладки на верху левого зубца. Это различие не позволяет относить оба знака к одному князю; только один из них мог принадлежать Андрею Боголюбскому.

Полное тождество со знаком на камне Золотых Ворот имеет не знак кивория, а обнаруженный на трех экземплярах найденной в Новгороде печати с изображением св. Николая (рис. 1—2)⁵. Н. П. Лихачев, издавший этот знак, затруднялся в точной его атрибуции и датировал суммарно домонгольским периодом. А. В. Орешников также колебался в определении, однако искал владельца среди черниговских князей XI—XII вв., зная двух черниговских Николаев: Святослава Ярославича (1026—1076 гг.) и Святослава Давидовича (упоминается с 1099 г. по 1142 г.)⁶. Не говоря уже о том, что оба черниговских Николая не могут претендовать на описанную печать — первый в силу хронологической отдаленности, второй — потому, что имя Николай было его монашеским, а не крестильным именем⁷, — находка знаков Золотых Ворот и кивория тесно связала печать Николая с суздальской ветвью Рюриковичей. Это, однако, не облегчило задачу опре-

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, Л., 1930 (в дальнейшем сокращено — Материалы...)

² А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. Изв. АН СССР, Отд. гуманитар. наук, 1930, № 2, стр. 87—112.

³ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 231.

⁴ Н. Н. Воронин. Памятники владимиристо-суздальского зодчества XI—XIII вв. М.—Л., 1945, рис. 22; его же Боголюбовский киворий, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 65; его же. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 210; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 232.

⁵ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 202; его же. Сфрагистический альбом, табл. XI, 4.

⁶ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет..., стр. 106 и сл.

⁷ ПСРЛ, I, 120; II, 287; III, 3; VII, 20 (под 6614 г.).

деления печати, ибо среди суздальских князей летопись, вообще скупая на христианские имена князей, не называет ни одного Николая. Все же указанная печать не позволяет считать, что знак на камне Золотых Ворот принадлежал Андрею Юрьевичу.

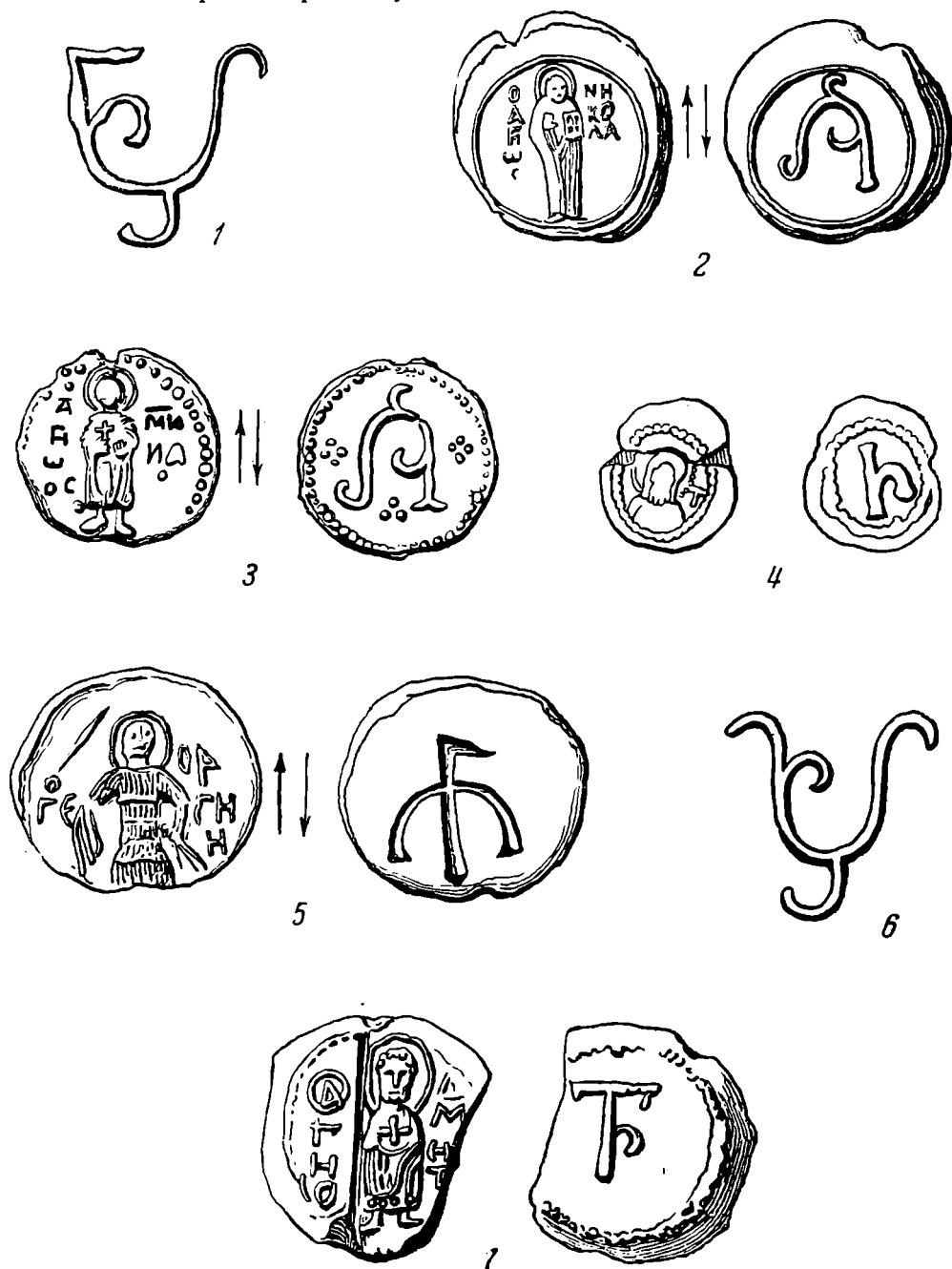

Рис. 1. Княжеские знаки.

1 — знак на камне боголюбовского кивория; 2 — печать с изображением св. Николая; 3 — печать с изображением св. Мины; 4 — печать с изображением св. Василия; 5 — печать Юрия Долгорукого; 6 — знак на печати с изображением св. Иоанна; 7 — печать с изображением св. Дмитрия.

При разборке коллекции печатей Новгородского музея в 1952 г. мне удалось обнаружить неизданную свинцовую печать с изображением знака, очень близкого описанным выше. Единственное отличие его от знаков Андрея и Николая заключается в том, что его левый зубец наверху раздвоен. На оборотной стороне печати изображен св. Мина (рис. 1—3)¹.

¹ Новгородский музей, инв. № 4061. Обломок такой же печати, найденный в Новгороде, воспроизведен Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме (табл. VII, 13), но имя там отсутствовало, и знак также не поддавался восстановлению.

Чрезвычайное сходство всех трех знаков заставляет предполагать их генеалогическое единство, а всесторонняя близость печатей Мины и Николая — их близость во времени.

Поскольку имя Николай было распространено в древнерусской княжеской семье, ключом к определению должна служить печать с именем и знаком Мины. Это имя было в такой степени малоупотребительным, что летопись, например, не упоминает ни одного князя Мины в домонгольское время. Тем не менее такой князь стал известен и оказался князем суздальским.

Писатель второй четверти XVI в.¹ инок суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Григорий в житии Евфросинии Суздальской сообщает: «Во времена же та бысть Суждальское княжение держащему благоверному великому князю Мине Ивановичу, и бысть же той благоверный при всем благочестив, отгребаяся от всякого зла, той един преодолевая всех саном и гордостью величества отечества своего. Род же его влечашеся от Варяг, от Шимона князя Африкановича. Африкан же бе брат Якуна слепого, иже от Златыя Орды. Род же их от Клавдия Кесаря Римского, от того убо корени род Суждальских князей»².

Евфросиния, в миру Феодулия, дочь Михаила Всеволодовича, князя черниговского, была обручена с Миной Иоанновичем, который «умоли дарами великими родителя блаженной откровицы вдати ю жене ему»³, но, прибыв в Суздаль в 1227 г.⁴, не нашла его в живых и приняла монашество в Ризположенском монастыре. Дальнейшая ее просветительная деятельность хорошо известна.

Имя князя Мины сохранилось в суздальской топонимике. Известна пустошь Менино Селище на окраине Суздаля, по дороге во Владимир, которая по духовному завещанию черницы Марины отказана в 1252 г. суздальскому Васильевскому монастырю на помин души князя Дмитрия Константиновича⁵. Название пустоши в XVIII в. объяснялось следующим образом: «От Суждаля на полдень, по большой ныне Владимирской дороге, в полевой пашне есть место, именуемое Менино Селище, от града три версты, на котором был двор загородный великого князя Мины Иоанновича Суздальского»⁶.

Таким образом, позднейшие письменные источники знают князя Мину, пользовавшегося в первой четверти XIII в. почетом со стороны современных ему князей, но не попавшего на страницы летописи, которая очень занята в это время борьбой Всеволодовичей за суздальское наследство.

Поскольку среди потомков Юрия Долгорукого нет ни одного Мины, единственно правильным будет предположение, что под христианским именем Мины скрывается какой-то князь, известный истории под другим — мирским — именем.

Этим князем не может быть ни один из сыновей Юрия Долгорукого, — все они были не Иоанновичами, а Георгиевичами.

Не может им быть и ни один из его внуков. Из одиннадцати сыновей Юрия шесть (Иван, Василько, Михаил, Ярослав, Святослав, Борис) умерли

---

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 283—286.

² Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII века, изданное В. Георгиевским. Труды Влад. уч. арх. ком., кн. I, Владимир, 1899, стр. 88.

³ Там же, стр. 89.

⁴ К. Тихонов. Археологические заметки о городах Суздале и Шуе. ЗОРСА, т. I, СПб., 1851, стр. 86.

⁵ Там же.

⁶ Анания Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Временник ОИДР, т. 22, стр. 96.

бездетными¹. Многочисленные дети Всеволода Большое Гнездо были Дмитриевичами (см. генеалогическую таблицу суздальских Рюриковичей), трое сыновей Андрея — Андреевичами, двое сыновей Глеба — Глебовичами или Давидовичами. Единственный сын Мстислава — Ярослав умер еще в 1199 г. Сыновья Ростислава — Мстислав и Ярополк также умерли в XII в.

Все правнуки Юрия умерли позднее даты, указанной в житии Евфросинии, за единственным исключением. Речь идет о Святославе Мстиславиче.

Святослав Мстиславич упоминается в летописи по поводу очень важных событий. В 1175 г. его отец Мстислав Ростиславич, новгородский князь, после смерти во Владимире Михалко, был позван боярами в Ростов, а в Новгороде оставил князем своего малолетнего сына Святослава. Вскоре князь потерпел неудачу и бежал в Новгород, но теперь уже новгородцы не захотели его принять и «показали ему и его сыну путь»². Святослав — единственный суздальский князь домонгольской поры, обстоятельства жизни и смерти которого, в силу молчания летописи, загадочны.

Свидетельства о существовании в Суздале в первой четверти XIII в. другого загадочного князя, пользовавшегося авторитетом, но, повидимому, не участвовавшего в политической жизни, и анализ родословной потомства Юрия наталкивают на мысль о тождестве этих двух князей. Действительно, характеристика, данная князю Мине иноком Григорием, вполне объясняет и отсутствие Святослава на страницах летописи и почет, которым он был окружен. Благодетель, забывший свое мирское имя, «отгребающийся от всякого зла» Святослав-Мина не был опасен наследникам Всеволода. Мизерная политическая фигура — Святослав-Мина не появляется на страницах летописи за отсутствием каких-либо деяний. «Святость» жизни Мины, закономерно отраженная житийной традицией, не была, в соответствии с характером русского летописания, достаточным основанием, чтобы воспоминание о ней было сохранено. Большой интерес представляют слова о преодолении «всех саном и гордостью величества отечества своего». В них нельзя не видеть указания на происхождение Мины; при отождествлении Мины и Святослава эти слова прекрасно расшифровываются, ибо Святослав был единственным представителем старшей ветви Юрьевичей, происходя по прямой линии от старшего сына Юрия Долгорукого — Ростислава Юрьевича. Отец Святослава, Мстислав — старший сын Ростислава. Следовательно, Святослав-Мина был старшим по сану среди суздальских князей первой четверти XIII в., и сообщение о его гордости «величества отечества своего» вполне обосновано. Кроме того, по возрасту он был много старше Всеволодовичей, решавших тогда суздальские дела: в год смерти ему должно было быть за шестьдесят лет, тогда как самые старшие из современных ему суздальских князей были моложе его лет на двадцать. Да и инертность его в политических делах не могла не способствовать проявлению почета к нему со стороны воинственных Всеволодовичей.

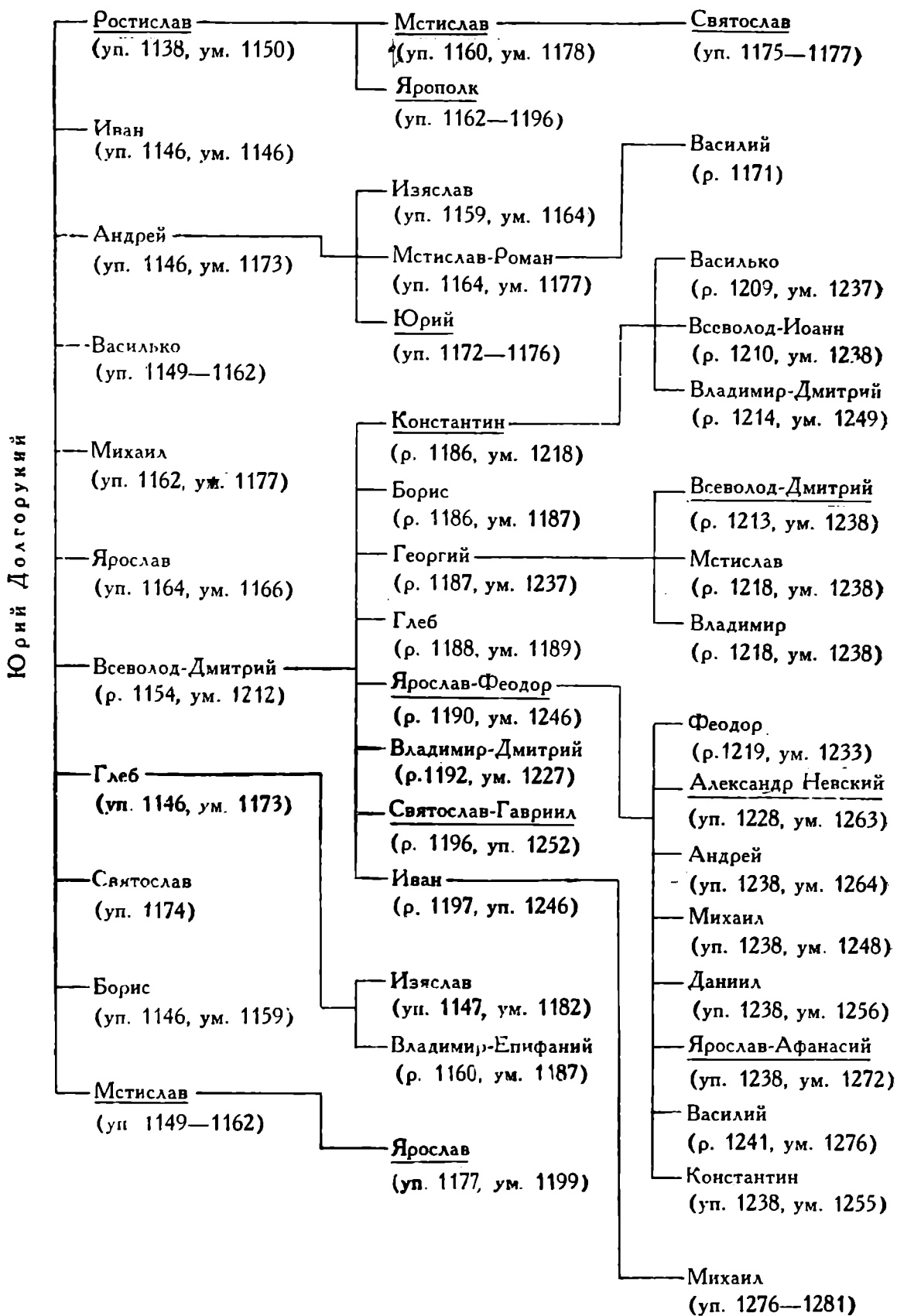
Инок Григорий выводил родословную Мины от Шимона Африкановича, племянника варяжского князя Якуна. Некоторые подробности родословной потомков Африкана сообщает Киево-Печерский патерик. Шимон, изгнанный Якуном, пришел к Ярославу, и тот принял его и «в чести имаше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будет старей у него: приа велику власть от Всеволода.» Сын Всеволода Георгий был кормильчиком Юрия Долгорукого и занимал впоследствии пост тысяцкого в Суздальской земле. Генеалогическая связь Шимоновичей с суздальскими князьями

¹ В том числе Иван, в котором с известной натяжкой можно было бы еще предполагать отца Мины, умер в 1146 г. (ПСРЛ, II, 29; VII, 38), т. е. за 81 год до смерти Мины.

² ПСРЛ, III, 16, 126; IV, 13, 14; V, 155, 156; VII, 92, 93.

Генеалогическая таблица суздальских Рюриковичей¹

¹ Обозначения: р. — родился; ум. — умер; уп. — упомянут в летописи; подчеркнуты имена князей, занимавших новгородский стол.

могла осуществиться по женской линии, однако в источниках нет упоминаний об этой связи. Важна оговорка в сообщении Григория: «иже от Златыя Орды». Упоминание Золотой Орды в родословной князя начала XIII в. является анахронизмом, но если при этом имеется в виду связь просто с каким-либо кочевническим княжеским домом, то в сообщении есть зерно истины: Святослав Мстиславич был внуком Ростислава, родившегося от первого брака Юрия с дочерью половецкого хана Аепы Осенева.

Определение знака на печати с изображением св. Николая представляется делом более трудным, так как ни летописи, ни другие источники в числе суздальских князей не называют ни одного Николая. Однако привлечение ряда сфрагистических памятников делает это определение возможным.

Рис. 2. Золотая печать с изображением св. Николая и св. Василия.

Интересна в этом отношении уникальная золотая печать, найденная в 1952 г. при раскопках в Новгороде на Неревском конце в слое середины XIII в. Печать (рис. 2) несет на одной стороне погрудное изображение св. Николая, на оборотной — такое же изображение св. Василия. По стилю работы и по композиции сторона с изображением Николая чрезвычайно близка лицевой стороне разбираемой печати Николая с княжеским знаком. Золотая печать позволяет установить, что Николай и Василий были в ближайшем родстве по восходящей линии, однако она не дает возможности выяснить, кто из них был отцом, а кто сыном. Вопрос решается привлечением многочисленных найденных в Новгороде печатей небольшого диаметра с изображением св. Василия на одной стороне и княжеским знаком в виде вертикальной черты с плавным отрогом вправо — на другой (рис. 1 — 4)¹. Сравнение позволяет установить, что знак Василия является простым производным от знака Николая. Он образован путем изъятия основной части знака Николая и сохранения только его левого зубца с отрогом (рис. 3). Таким образом, есть основания говорить о существовании среди суздальских князей князя с христианским именем Василий Николаевич. Более того, многочисленные находки печатей Николая и Василия в Новгороде свидетельствуют о том, что оба они занимали новгородский стол. Из всех суздальских князей, которые сами княжили в Новгороде и отцы которых княжили в Новгороде, только двое неизвестны по христианским именам и отчествам: Ярополк Ростиславич, младший сын старшего Юрьевича (княжил в Новгороде в 1178 г., в Торжке — в 1177 г. и в 1180—1181 гг.) и Ярослав Мстиславич, сын младшего Юрьевича (княжил в Новгороде в 1176 г., в Волоке Ламском — в 1177—1178 гг.). Повидимому, более правильным является отождествление Василия Николаевича с Ярополком

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 24; VIII, 21—25; XXVII, 2, 17. Одна печать была найдена в Новгороде при раскопках в 1952 г.

Ростиславичем, так как знак Николая, который, таким образом, механически отождествляется с Ростиславом Юрьевичем, более прост, чем знак Андрея. Большая его близость к известному знаку Юрия (рис. 1—5)¹ вполне закономерна, ибо Ростислав был старшим братом Андрея. При отнесении знака Николая к Мстиславу Юрьевичу эта близость была бы необъяснимой.

Еще один памятник позволяет проверить правильность определения знаков Николая, Василия и Мины Иоанновича. В Новгороде в разное время найдено восемь свинцовых пломб с изображением княжеского знака, очень близкого знакам Николая и Мины и отличающегося от них только тем, что его левый зубец завершен плавным изгибом наружу (рис. 1—6)². Шесть пломб несут на обороте буквы Т. Это роднит их с печатями Василия, где такая же загадочная буква изображена на стороне со святым. Два экземпляра посредственной сохранности на обороте содержат изображение бородатого святого без словесных пояснений³. Однако массивность фигуры, указывающая на не совсем обычное облачение, позволяет предполагать в нем св. Иоанна Предтечу, всегда изображавшегося одетым в шкуры. К сожалению, левые части изображения на обеих пломбах не попали в поле, и это не дает возможности убедиться в наличии при изображении креста — необходимого атрибута Иоанна.

Считать, что знак на пломбах, найденных в Новгороде в таком большом количестве, принадлежал второму сыну Юрия Долгорукого — Иванку, нельзя, так как этот князь известен лишь тем, что умер в ранней молодости в год получения от отца в княжение Курска с Посемьем; зато вполне закономерным является отнесение этого знака к отцу Мины-Святослава — новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу, которого, судя по отчеству Мины, звали Иоанном. Знак на приведенных нами пломбах полностью исчерпывает генеалогическую таблицу старшей линии суздальских князей и вместе с тем эволюционно связывает знаки Николая и Мины.

Отождествление Николая с Ростиславом Юрьевичем позволяет и знак на камне Золотых Ворот отнести к этому князю. Хронологическое несоответствие (Ростислав умер в 1150 г., а постройка Золотых Ворот начата, повидимому, в 1158 г.) указывает на то, что при строительстве владимирских оборонительных сооружений использованы какие-то ранее заготовленные блоки.

* * *

Знак Василия-Ярополка отличается от всех остальных разобранных выше суздальских княжеских знаков. Он другой — производной — группы, характер которой определяется знаком на иконе Дмитрия Солунского из Успенского собора г. Дмитрова, объясняемой обычно как героизированный портрет Дмитрия-Всеволода III Большое Гнездо. Знак на иконе, подновленный в XVI в., имеет форму римской двойки, подчеркнутой и покрытой горизонтальными черточками, с плавным отростком вправо (рис. 4)⁴. Неискаженный вариант передан на одной свинцовой печати, оборот которой содержит изображение св. Дмитрия Солунского⁵. Знак этот — верти-

¹ На печати, воспроизведенной Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме, табл. VII, 2.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 15, 16, 23; VIII, 1—4; XXIX, 16.

³ Там же, табл. VII, 15, 16.

⁴ А. Анисимов. Домонгольский период древне-русской живописи. Вопросы реставрации, № 2, М., 1928, стр. 138; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 235; В. И. Антонова. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII века из г. Дмитрова. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 85—98.

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, рис. 189; его же. Сфрагистический альбом, табл. VII, 5; А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет..., стр. 101 и 108; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 232 и 236.

кальная черта с Т-образным покрытием и плавным отрогом вправо; покрытие снабжено с обоих концов небольшими вертикально опущенными крыльями (рис. 1—7).

На древнерусских свинцовых печатях и особенно пломбах можно указать целый ряд княжеских знаков подобных типов:

1. Очень близкий знаку Дмитрия, но с горизонтальным покрытием, лишенным крыльев, обнаружен на трех печатях, найденных в Новгороде¹. Все они — одной матрицы, оборот содержит изображение архангела Гавриила (рис. 5—1). На двух экземплярах печатей (также из Новгорода) с изображением на одной стороне архангела Гавриила, на другой — Дмитрия Солунского (рис. 5—2)², встречен такой же знак. Он в виде лигатуры из Т и Р вкомпонован в слово «Дмитрий», сопровождающее изображение святого.

2. Зеркальный вариант знака Василия известен на пломбе, оборот

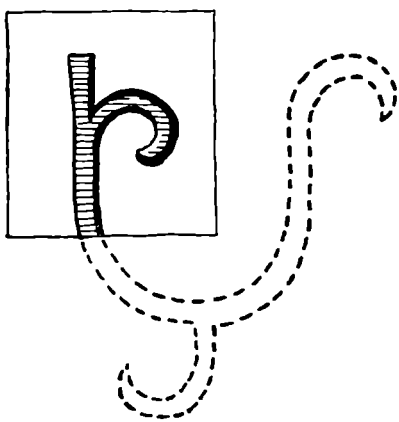

Рис. 3. Схема образования знаков производной группы.

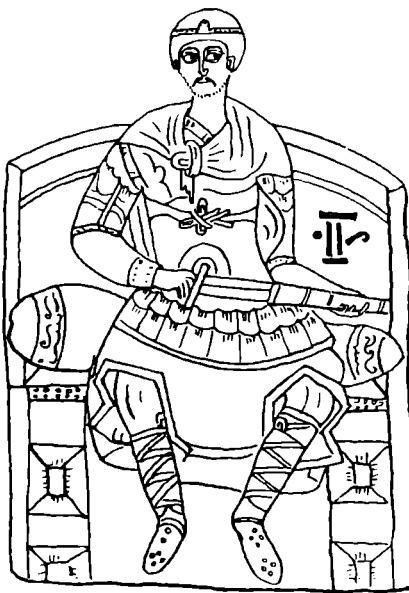

Рис. 4. Изображение св. Дмитрия и знака на дмитровской иконе.

которой содержит изображение святого³. Есть все основания думать, что этот святой — царь Константин; несмотря на плохое клише издания, на голове заметны остатки изображения венца (рис. 5—3).

3. Такой же знак, но с усложненным отрогом встречен на небольшой печати, оборот которой содержит трехстрочную надпись: ГЕОРЪГН (рис. 5—4)⁴.

4. Подобный знак, но снабженный горизонтальным покрытием верхней части, обнаружен на пломбе, на обороте которой — погрудное изображение Иоанна Предтечи с крестом у плеча (рис. 5—5)⁵.

5. Наконец, еще один знак, очень близкий знаку Дмитрия, есть на пломбе, на обороте которой помещено изображение зеркального варианта знака Николая⁶. Знак лицевой стороны состоит из вертикальной черты, снабженной плавным отрогом вправо и Г-образным покрытием наверху. Правый конец покрытия завершён небольшим вертикально опущенным крылом (рис. 5—6).

¹ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, стр. 209, рис. 190; е го же. Сфрагистический альбом, табл. VII, 4, 6, 7.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVI, 2. Второй экземпляр найден весной 1953 г. (Новгородский музей, инв. № 12327).

³ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, стр. 86, рис. 71, с.

⁴ Там же, стр. 207, рис. 185.

⁵ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 14.

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, стр. 209, рис. 191.

Конструктивная близость всех шести знаков типа знака Дмитрия, свидетельствующая об эволюционной близости, требует их совместного рассмотрения.

Из всех этих знаков определение дано лишь одному (знак Дмитрия), который А. В. Орешниковым был предположительно отнесен к Всеволоду III Большое Гнездо. Определение аргументировано автором следующим

Рис. 5. Княжеские знаки на печатях и пломбах.

1 — печать с изображением архангела Гавриила; 2 — печать с изображением Дмитрия Солунского и архангела Гавриила; 3 — свинцовая пломба с изображением царя Константина; 4 — печать с надписью «Георгия»; 5 — печать с изображением Иоанна Предтечи; 6—8 знаки на пломбах; 9 — перстень-печать из Галича.

образом: «Необычная форма знака, непохожая ни на один из предыдущих знаков, ставит меня в затруднение, какому князю его отнести. Имя Дмитрий носил князь черниговский Святослав Владимирович; в Любецком Синодике он отнесен к XI колену от Рюрика, но, повидимому, князья XI колена уже не изображали родовых знаков на печатях, так как все изданные родовые знаки принадлежат князьям с V по VIII колено включительно. Какая причина прекращения родовых знаков на печатях, сказать затрудняюсь. Случайность ли это, или она имела связь с нашествием

татар, которое произошло, когда княжили князья X колена от Рюрика? Кроме Святослава Владимировича, то же имя Дмитрия носил великий князь Всеволод Георгиевич Большое Гнездо, относящийся к XI колону, которому я предположительно и отношу знак»¹.

Аргументация А. В. Орешникова не может считаться убедительной хотя бы уже потому, что, кроме указанных им двух князей, имя Дмитрий в домонгольское время, по сообщению летописи, носили также Владимир Рюрикович (сын в. к. Рюрика Ростиславича, род. в 1187 г., ум. в 1239 г.)², Владимир Всеволодович (сын Всеволода III, род. в 1192 г., ум. в 1227 г.)³, Всеволод Юрьевич (внук Всеволода III, род. в 1213 г., ум. в 1238 г.)⁴ и Владимир Константинович (внук Всеволода III, род. в 1214 г., ум. в 1249 г.)⁵, не говоря уже об Изяславе Ярославиче (1024—1078 гг.) и возможных носителях этого имени, не оговоренных летописями и синодиками. Все эти данные проанализированы не были.

Против определения А. В. Орешникова следует возразить, основываясь на изучении конструкции знака. Его тип далек от знака Юрия Долгорукого. Как это было показано на примере знака Василия-Ярополка, связь таких знаков с долгоруковским опосредствована знаками типа Николая, Андрея и т. п. Описанная выше пломба с двумя княжескими тамгами несет на обороте еще один вариант такого посредствующего знака. Эти соображения заставляют искать владельцев знака Дмитрия (и близких по строению знаков) не среди сыновей, а среди внуков Юрия Долгорукого.

Печать с изображением Гавриила и Дмитрия может быть вполне основательно отнесена к князю Святославу Всеволодовичу, седьмому сыну Всеволода III, носившему христианское имя Гавриил Дмитриевич. Многочисленность находок печатей Святослава в Новгороде хорошо объясняется тем, что этот князь дважды занимал новгородский стол, в 1199 г. и в 1207—1209 гг.⁶ Анализ родословной суздальских князей показывает, что, кроме него, ни один из князей не мог иметь имени Гавриил Дмитриевич или Дмитрий Гавриилович.

Остальные печати и пломбы со знаками, несущие изображения и имена Константина, Георгия, Дмитрия и Иоанна, очевидно, могут принадлежать другим сыновьям Всеволода III: Константину (род. в 1186 г., ум. в 1218 г.), Георгию (род. в 1187 г., ум. в 1237 г.), Владимиру-Дмитрию (род. в 1192 г., ум. в 1227 г.), Ивану (род. в 1197 г., ум. в 1246 г.).

Передатировка знака, приписывавшегося ранее Всеволоду III, направляет на поиски действительно принадлежащего ему знака среди подобных знакам Андрея, Николая и т. п. В числе их, кроме уже описанных, известно еще три:

1) на пломбе, неоднократно упоминавшейся выше, — зеркальный вариант знака Николая;

2) на пломбе, изданной Б. А. Рыбаковым, — знак в виде двузубца с отогнутыми наружу верхушками зубцов, плавным отрогом влево от основания и отрогом внутрь от середины правого зубца (рис. 5—7)⁷;

3) на свинцовой пломбе, оборот которой занят большой буквой В, — зеркальный вариант знака Андрея (рис. 5—8)⁸.

Хотя они не заполняют всех пробелов в цепи знаков сыновей Юрия, однако дают возможность определить знак Всеволода. Действительно,

¹ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет..., стр. 108.

² ПСРЛ, II, 136, 321.

³ ПСРЛ, II, 141, 142, 323.

⁴ ПСРЛ, VII, 118; I, 185.

⁵ ПСРЛ, I, 185; VII, 119.

⁶ ПСРЛ, III, 25, 127; IV, 18; V, 171; I, 175; VII, 107; I, 183; VII, 115; II, 330; VII, 116.

⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 246, рис. 51.

⁸ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 19.

установленный выше княжеский знак Константина Всеволодовича должен быть наименее простым производным от знака Всеволода, так как Константин был старшим сыном. В таком случае знак Всеволода III должен иметь плавный изгиб внутрь на правом зубце, а сам зубец должен быть в виде вертикальной черты без дополнительного завершения. Всеми этими признаками обладает знак на пломбе, оборот которой содержит изображение другого знака. Сочетание двух знаков, по аналогии с изображением двух святых на печатях, должно, повидимому, восприниматься как передача имени и отчества. Если лицевой приписать Всеволоду III, то знак оборотной стороны может быть отнесен только Ярославу-Феодору Всеволодовичу, так как из всех восьми сыновей Всеволода Борис и Глеб умерли в возрасте одного года, а знаки остальных выше уже выяснены. Эти наблюдения подтверждаются сравнением знака, предположительно относимого мною к Ярославу-Феодору, и знаков остальных Всеволодовичей. Знак Ярослава, пятого сына Всеволода, более сложен по форме, чем Георгия, его третьего сына¹. Он является зеркальным вариантом знака первого Всеволодовича — Константина, усложненным Г-образным покрытием, которое, нужно думать, потребовалось для того, чтобы отличить вновь образованный знак Ярослава от принадлежавшего Ярополку-Василию; знак же Георгия — чуть усложненный позитивный вариант знака Константина. В то же время принадлежавший Ярославу более прост, чем знак Владимира-Дмитрия, шестого сына Всеволода, снабженный уже Т-образным перекрытием. Таким образом, отнесение этой пары знаков к Всеволоду и Ярославу взаимно подтверждается.

Знак, приписанный мною Всеволоду III, известен, кроме того, по пломбе², содержащей на обороте изображение креста, и еще по одной очень интересной находке. Э. А. Володченко в 1951 г. был издан перстень-печать XII в., найденный на территории древнего Галича Южного (рис. 5 — 9)³. На щитке перстня изображен знак, абсолютно сходный с разобранным нами знаком Ростислава-Николая. Э. А. Володченко приписала перстень Андрею Боголюбскому. Однако изображение на печати — негатив истинного знака. Позитив же его точно совпадает с определенным выше знаком Всеволода Юрьевича. В истории Галича есть объяснение дальних связей города с суздальскими князьями и именно с Всеволодом III. В 1190 г. галичский князь Владимир Ярославич, захвативший свой стол после двухлетнего изгнания, чувствуя непрочность своего положения, обратился к Всеволоду III, отдаваясь ему под начало и обещая навсегда быть в его воле со всем Галичем. Такие отношения Суздаля и Галича существовали до смерти Владимира в 1198 г.⁴ К этому времени, вероятно, и следует относить перстень. Необходимо заметить попутно, что о связях Галича с Суздалем в это время свидетельствует еще один сфрагистический памятник: в коллекциях Львовского музея имелась печать с формулой «Днеслово» и изображением св. Мины⁵.

Что касается остальных двух знаков, не имея дополнительных материалов к их определению, я ограничиваюсь следующими соображениями. Знак, изданный Б. А. Рыбаковым (рис. 5 — 7), по строению нижней части более близок знаку Юрия, чем тот, который приписан мною Всеволоду III; поэтому он с большим основанием может принадлежать одному из старших братьев Всеволода. Другой знак (рис. 5 — 8) принадлежит скорее одному

¹ Четвертый сын Всеволода Глеб, умерший в возрасте одного года, знака иметь не мог.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, 12.

³ Э. А. Володченко. Перстень-печать XII в. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 62—67.

⁴ ПСРЛ, II, 139, 322.

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы... вып. 2, стр. 28.

из младших братьев Всеволода, ибо он является зеркальным вариантом знака Ростислава — первого сына Юрия.

В заключение необходимо остановиться еще на одном важном вопросе. Передатировка знака, приписывавшегося ранее Всеволоду III, предложенная в настоящей статье, заставляет меня возражать против принятого мнения о том, что дмитровская икона является портретом Всеволода Большое Гнездо. Это мнение настолько распространено, что не остановиться на датировке самой иконы невозможно. Наиболее аргументированная работа, специально посвященная этой иконе, принадлежит В. И. Антоновой¹. В. И. Антонова, развивая мысль о связи изображения с Всеволодом III, подкрепляет датировку художественно-историческими параллелями, но опирается в основном на определение знака. История изучения иконы излагается ею следующим образом: «Суждение об иконе Дмитрия Солунского из Дмитрова, как о героизированном портрете, высказано впервые И. Э. Грабарем в 1929 г. Надо полагать, что оно возникло на основании домыслов коллекционеров, вывезших икону из Дмитрова. Впоследствии эта традиция, подкрепленная случайными наблюдениями и произвольной, зачастую ненаучной аргументацией, получила широкое распространение. После определения Б. А. Рыбаковым родового знака Всеволода Большое Гнездо, обнаруженного мною на правой части спинки трона (письма XVI в.), суждение о дмитровской иконе-портрете попало на страницы ученой литературы»².

В качестве параллелей, необходимых для подкрепления датировки иконы второй половиной XII в., В. И. Антоновой привлечены русские художественные памятники XIII—XIV вв. и печати, среди которых она называет печати Юрия Долгорукого и Всеволода III, изображающие св. Георгия и св. Дмитрия в рост с обнаженным мечом, и целый ряд неизученных памятников с таким же изображением. Изучение изображений Дмитрия на русских печатях позволило мне придти к выводу, что тип этого святого с полуобнаженным мечом появляется только в XIII в.

В настоящее время известны следующие печати с изображениями такого типа:

1. Печати с изображением св. Дмитрия и св. Георгия, найденные в Новгороде. Дмитрий изображен в рост³. Обе печати относятся не к Всеволоду III, как считает В. И. Антонова, а к Всеволоду IV, княжившему в Новгороде в 1221—1222 и в 1224 гг.

2. Печати с изображением св. Гавриила и св. Дмитрия, принадлежащие сыну Всеволода III — Гавриилу-Святославу Дмитриевичу (род. в 1196 г., уп. в 1252 г., рис. 5—7).

3. Печать с тронным изображением св. Дмитрия, обнажающего меч, на одной стороне, и крещения — на другой⁴. Печать принадлежит сыну, Всеволода III — Ивану Дмитриевичу (род. в 1197 г., уп. в 1246 г.).

4. Печать с изображением св. Дмитрия и св. Александра грубой работы⁵. Принадлежит великому князю Дмитрию Александровичу (род. ок. 1250 г., ум. в 1294 г.)⁶.

Из остальных печатей, указанных В. И. Антоновой, одна изображает св. Георгия и прямо к делу не относится, другая приведена ошибочно⁷, так как на ней изображен не Дмитрий, а Феодор Стратилат и в совсем другой композиции — в «чуде о змии» (печать Ярослава Всеволодовича).

¹ В. И. Антонова. Указ. соч.

² Там же, стр. 96.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. I, 25; XXVI, 9.

⁴ Там же, табл. XII, 12.

⁵ Там же, табл. XV, 1; II, 10.

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 1, Л. 1928, стр. 93.

⁷ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIV, 11.

Наиболее близки иконе изображения на печатях детей Всеволода III — Святослава и Ивана, живших в одно время с Владимиром-Дмитрием Всеволодовичем, знак которого и помещен на иконе. Не будучи специалистом в области истории искусства, я не могу подвергнуть критике более отдаленные аналогии, однако не могу не процитировать замечание самой В. И. Антоновой, что икона Дмитрия выделяется среди всех домонгольских русских икон «светлозеленой карнацией лица, подобной „белому вохрению“, распространившемуся на Руси в XIII—XIV вв.»¹. Думаю, что приведенных материалов достаточно, чтобы показать неубедительность принятой ранее датировки дмитровской иконы².

Помещаю реконструированную таблицу княжеских знаков суздальских Рюриковичей (рис. 6). Необходимые объяснения к ней даны в тексте.

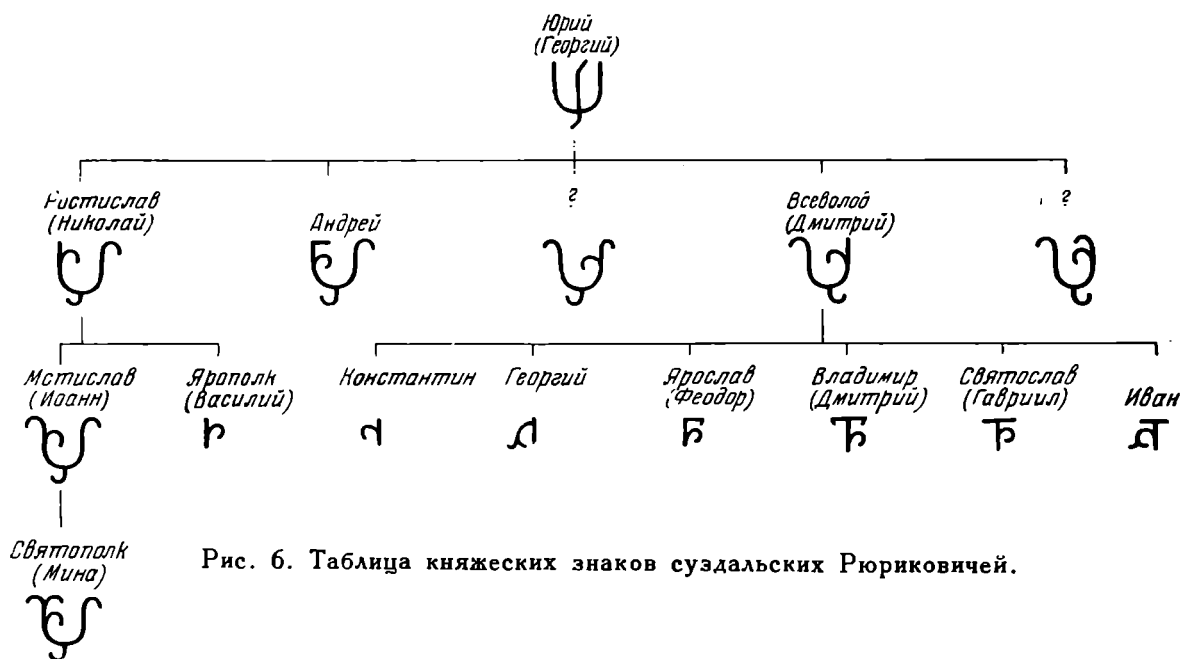

Рис. 6. Таблица княжеских знаков суздальских Рюриковичей.

Здесь же обращаю внимание на более полное сохранение отцовских знаков старшими представителями потомства Ростислава Юрьевича. На мой взгляд, эта традиционность объясняется старшинством в княжеском роде.

При помощи этой таблицы можно, повидимому, разрешить и недоумение А. В. Орешникова по поводу исчезновения обычая употреблять геральдические значки в первой половине XIII в. К этому времени схема знака в результате длительной эволюции упростилась настолько, что утратила способность создавать варианты с достаточно ярко выраженными признаками индивидуальной принадлежности. Этот своеобразный кризис русской княжеской геральдики лишил княжескую тамгу ее личного характера и в дальнейшем придал ей родовой или территориальный характер, который ярко проявляется на примере рязанской тамги XIV—XV вв., уже не претерпевающей изменений при смене князей. То, что этот кризис совпадает с упадком личного значения древнерусского князя, обнаружившимся к началу XIII в., только подчеркивает его закономерность.

¹ В. И. Антонова. Указ. соч., стр. 90.

² Пользуюсь случаем возразить также Н. Н. Воронину, который видит портрет Всеволода Большое Гнездо в одном из рельефов Дмитровского собора (во Владимире), изображающем человека в окружении пятерых детей. (Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 137—139). Н. Н. Воронин аргументирует свое мнение тем, что у Всеволода к моменту постройки собора было как раз пять детей. Однако в действительности к этому моменту у него было лишь четыре сына: Константин, Георгий, Ярослав Феодор и Владимир-Дмитрий. Борис умер в 1187 г., а Глеб — в 1189 г. Следующий сын Всеволода — Святослав родился только в 1196 г.

Н. Н. ВОРОНИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*(Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии
27 января 1955 г.)*

В настоящей заметке мы публикуем несколько вещей из новых поступлений музеев и несколько — из старых коллекций, не привлечших до сих пор внимания исследователей. Они пополняют наши знания о прикладном искусстве древней Руси или позволяют сделать более широкие выводы об отдельных сторонах русской культуры XII—XIII вв.

I. НАХОДКИ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ВО ВЛАДИМИРЕ

В 1951 г. при прокладке канала калориферного отопления в северном нефе (галерее) Успенского собора 1158—1189 гг., проводившейся под наблюдением архитектора А. В. Столетова и А. Д. Варганова, было найдено несколько металлических вещей, представляющих немалый интерес для истории прикладного искусства и культуры XII в.

1. Часть бронзового паникадила (рис. 7)¹. Это обычная форма «ветви» из фигурного изогнутого круглого дрота, заканчивающегося головкой дракона и несущего на изгибе диск подсвечника с шипом для установки свечи. Подобные фрагменты бронзовых паникадил известны и из ряда других городов², но ценность находки во Владимире состоит в том, что она дает реальное представление об осветительных приборах прославленного владимирского храма, о которых мы знали лишь из гиперболического описания летописи, говорившей о «многих паникаделах золотых и серебряных»³.

2. Очень интересна полукруглая тонкая пластина красной меди (150 × 75 мм) с рисунком, нанесенным приемом золотой наводки (рис. 8)⁴. Края пластины обработаны каймой из мелких чеканных рубчиков. В основании — орнаментальный бордюр из кружков, ограниченный золотой полосой, из которой развертываются симметричные растительные побеги, а в центре расположены две геральдически сопоставленные птицы, обернувшие головы к сплетенным в стилизованный растительный побег хвостам. Это по существу вариант композиции «древа жизни» или евхаристической виноградной лозы с двумя птицами по сторонам. Золотой рисунок ярко выступает на темном, черно-зеленом фоне.

¹ Владимирский областной краеведческий музей (ВОКМ), № 1328.

² См. например, В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. IX, рис 238; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 64 и др.

³ ПСРЛ, II (изд. 1908 г.), стб. 582.

⁴ ВОКМ, № 1318.

Как доказано Ф. Я. Мишуковым, прием золотой наводки состоял в следующем: медную пластину сперва покрывали темным лаком особого состава, который плотно соединялся с медью при прогревании; затем тонкой иглой намечался рисунок и выскабливались контуры, «пробела» и световые участки изображения; наконец, пластину промывали и амальгамировали золотом, соединившимся с освобожденной от лакового покрова медной поверхностью рисунка¹.

Эта техника, достигшая высокого совершенства в знаменитых суздальских вратах XIII в., на владимирской пластине очень далека от закончен-

Рис. 7. Ветвь паникадила, XII в. Успенский собор.

ности и выдает еще робкую ученическую руку. Выскабливание рисунка на поверхности темного лака произведено неумело, края изображения — с царапинами и заусеницами, как бы «мохнатые» — инструмент художника срывался, делал лишние движения или не доходил до нужной границы. Контур фигур птиц, их глаза, ошейники и перехваты крыльев описаны глубокой пунктирной линией, сделанной, вероятно, зубчатым колесиком. Однако мастер не продумал своего приема: чтобы выделить глаза, ошейники и оперение крыльев, нужно было сохранить часть черного фона; он этого не сделал, и фигуры птиц остались, хотя и выразительными, но лишенными детализировки «золотыми силуэтами». Все эти особенности свидетельствуют о том, что перед нами не памятник периода расцвета искусства золотой наводки в Северо-восточной Руси XIII в., а произведение времени первых опытов местных художников. Эти опыты связаны, вероятнее всего, со строительством Андрея Боголюбского в 60-х годах XII в., которое потре-

¹ Ф. Я. Мишук о в. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. КСИИМК, XI, 1945, стр. 111—114.

бовало и организации разнообразных художественных мастерских, способных насытить драгоценными «узорочьями» андреевские белокаменные храмы. На этом основании мы относим описанную пластину к середине XII в., т. е. к имуществу Успенского собора 1158—1161 гг.

Каково назначение пластины? По ее краям сохранились отверстия для прикрепления к какой-то основе. Летопись сообщает, что «многоценные иконы» собора были украшены золотом, драгоценными камнями, жемчугом, «различными цятами и аспидными цатами»¹. Главная святыня собора — икона Владимирской богородицы была украшена особенно пышно: князь

Рис. 8. Медная золоченая цата, XII в. Успенский собор.

Андрей «вкова в ню боле трии десят гривен золота, кроме серебра и камня драгаго и женчюга...»². Возможно, что пластина является «золотой» наголовной «цятной» с какой-либо «окованной золотом» иконы. По форме и нижней кайме золотых кружков пластина напоминает богато расшитую шапочку с крупной жемчужной «обнизью» на голове св. Варвары на фреске Спаса-Нередицы³.

3. Наиболее интересна третья находка, сделанная в тех же слоях строительного мусора под полом северного нефа собора. Это пластинка красной меди 7 × 5 см и толщиной 1,5 мм (рис. 9)⁴; первоначально она была больше — ее края обкрошились. На сохранившемся фрагменте — обрывки глубоко тисненой уставной надписи в 5 строк. По палеографическим признакам надпись можно датировать XII в. и, точнее, — его серединой: еще сохранен юс малый, исчезающий во второй половине века; для середины XII в. характерна замена юса большого двумя буквами ОУ; иотированное Е сохраняет геометрическую правильность и перекладину посредине

¹ ПСРЛ, II, стб. 581.

² ПСРЛ, I, стб. 346.

³ Н. Кондаков и И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, рис. 177.

⁴ ВОКМ. № 1328.

мачты¹; буква М по начертанию близка к надписи на нерльском кресте середины XII в., но без горизонтальных черточек на концах мачт²; характерны для XII в. «накрытия» букв М, А, Д; буква Ц (в первой строке) — с крючком, продолжающим по прямой мачту³.

Вероятнее всего, надпись связана с оборудованием интерьера собора 1158—1161 гг. Очень интересно и содержание надписи, часть которой восстанавливается с достаточной точностью⁴. Верхняя и нижняя строки

Рис. 9. Вотивная надпись Андрея Боголюбского, XII в.
Успенский собор.

читаются плохо, у нижней от последней буквы сохранилась лишь верхушка — это был Ъ. Строки 2—5 представляют конец вотивной формулы (в скобках даны дополнения):

[греш] НОМОУ
[раб] ОУ ТВО
ЕМОУ А
НЪДРЪ [ю].

Реконструкция текста показывает, что правый край пластинки сохранился почти в первоначальном виде — все слова здесь кончаются, обломан лишь угол, где помещалось Ю. Левая сторона обкрошилась сильнее — исчезли 4 буквы второй и 3 буквы третьей строки; впрочем, часть начальных букв второй строки могла находиться и в конце первой. Следовательно, обломок

¹ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 137, 138.

² Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940, стр. 311.

³ М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913.

⁴ Приношу сердечную благодарность М. В. Щепкиной за помощь в прочтении этой надписи.

сохранил первоначальную ширину. Первая строка не читается; на ней уцелели части слов, которые не связываются со второй строкой. Очевидно, она была длиннее. Можно предположить, что надпись была крестообразной формы с длинной средней частью, как, например, в резной на камне надписи «похвалы кресту» конца XII в. в Суздальском соборе¹. Повидимому, и самая пластинка была крестообразной формы. Тогда следует думать, что в целом виде надпись представляла какую-либо молитву, заканчивающуюся обращением о помощи Андрею. Пластина — с достаточно крупным текстом, вероятно, была рассчитана на ее чтение и, следовательно, прикреплялась около какой-либо из икон собора, чтобы молящиеся могли ее прочесть. Кто же был «грешный раб Андрей»? Нет сомнения, что это сам строитель собора князь Андрей Юрьевич Боголюбский, по чьему распоряжению и выполнена владимирским медником пластинка с надписью.

В конце прошлого века И. Е. Забелин опубликовал сохранившийся лишь в поздних списках памятник — «Сказание об установлении праздника Спасу и богородице»², в ряде рукописей включавшееся в «Сказание о чудесах Владимирской иконы»³. Здесь сообщалось, что праздник Спаса 1 августа «оуоставлен бысть худым и грѣшным рабом божиим Андрѣем князем, сыном Георгиевым, вноука Мономахова, именем Володимера царя и князя всея Руси». В конце же «Сказания» о празднике Спаса помещалась молитва к Спасу и богородице, заканчивающаяся обращением об их помощи: «Тако и мнѣ грѣшному и недостоинному рабоу твоему Андрею приложена не изреченныя милости...» и пр.⁴ На основании этих данных И. Е. Забелин выдвигал предположение о причастности князя Андрея к литературной деятельности владимирских церковников по созданию культа Владимирской иконы. Для нас существенно, что как в надписи на пластине из Успенского собора, так и в «Сказании» налицо одна и та же уничиженная формула «грешный раб Андрей» без княжеского титула. Если приведенные тексты «Сказания» могли вызывать сомнения как привнесения позднейшего времени, то публикуемая пластинка — вещь XII в., бесспорно связанная с княжеским заказом. Она поднимает доверие к владимирским церковно-литературным памятникам и делает весьма правдоподобной гипотезу И. Е. Забелина.

Если справедливо наше предположение о том, что пластинка с молитвенной надписью прикреплялась около какой-то иконы, а это, вероятно, так и было, то возникает вопрос — у какой иконы? Соблазнительно думать, что у главной храмовой святыни — иконы Владимирской богородицы. Отметим, что и в празднике Спаса 1 августа, судя по молитве в «Сказании», главное внимание уделялось не Спасу, а богородице — особой «покровительнице» Владимирской земли. Княжеская молитва, изложенная резцом на металле, очевидно, и помещалась около главной иконы.

Назначение пластины ясно — она была своеобразным «пособием»; молившийся перед иконой мог читать молитву⁵. Этот штрих лишний раз свидетельствует, сколь детально была продумана и разработана церковно-политическая пропаганда в недавно крещенной Залесской земле. Существенно, что в этом тексте крупнейший владыка феодальной Руси с демонстративным смирением именовался всего лишь «грешным рабом Андреем», что подчеркивало стремление носителей княжеской власти предстать

¹ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в., стр. 312.

² И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. АИЗ, 1895, № 2—3, стр. 44 и сл.

³ Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. СПб., 1878, стр. 21—28.

⁴ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 47.

⁵ В этом смысле пластинка с надписью отлична от вотивных надписей, делавшихся на штукатурке в алтарной части древних храмов. См., например, Б. А. Рибак в. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі. «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 53.

в глазах простого народа в качестве его «представителя». находка свидетельствует также и о росте культуры и, в частности, о распространении грамотности, так как молитва была рассчитана на ее чтение рядовым посетителем собора — горожанином или крестьянином.

II. НАХОДКИ НА КЛЯЗЬМЕ

В 1954 г. коллекции Владимирского областного музея пополнились интересными находками, собранными при работах землесосного снаряда на песчаной отмели правого берега Клязьмы под Владимиром, против Успенского

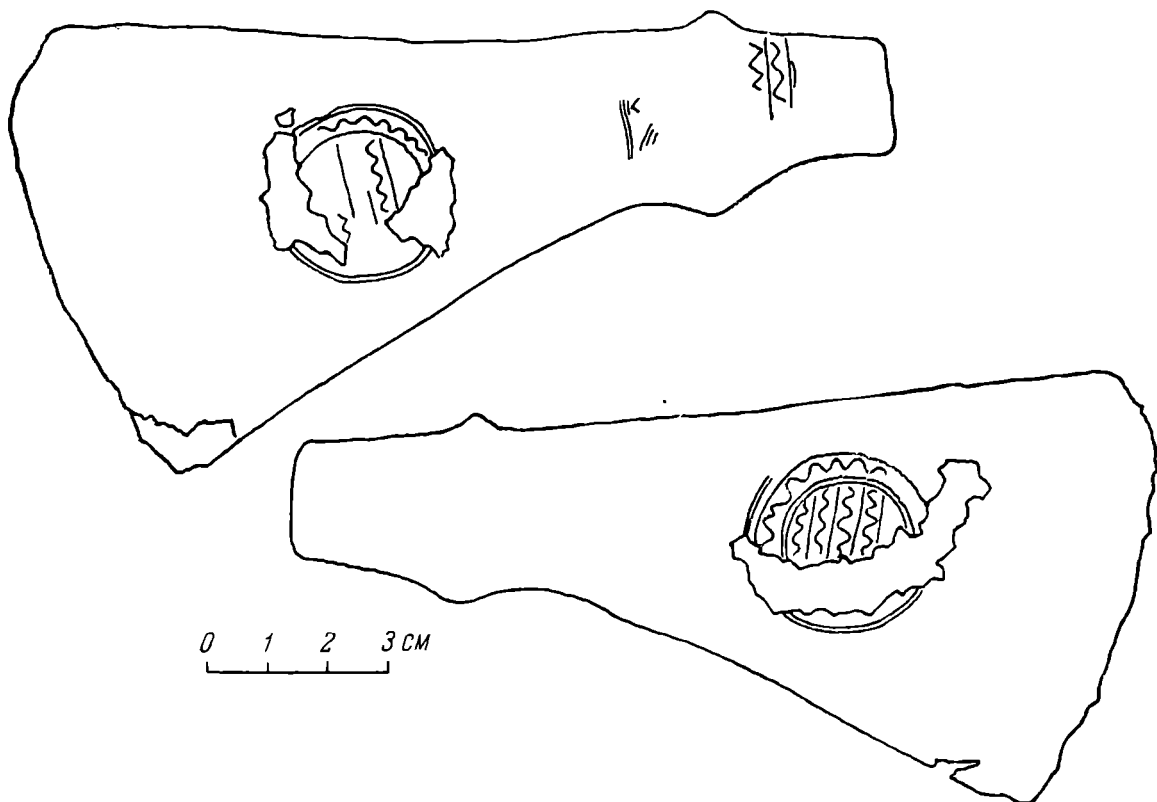

Рис. 10. Инкрустированный топор, XII в. (найден на дне р. Клязьмы).

собора. Здесь обнаружены расколотая плита крышки белокаменной гробницы с гнездами от железных штырей, залитых свинцом, железная пешня и четыре топора (два из них — с характерными бородками — относятся к XVI—XVII вв.).

Один топор (рис. 10) особо интересен¹. По форме он относится к XII—XIII вв.; характерны горизонтальная верхняя линия, сильно опущенная нижняя, идущее под углом к рукояти лезвие, щековицы с отростками². Топор может служить образцом боевого оружия: на обеих его сторонах инкрустированы золотом (?) круглые монетовидные медальоны, украшенные волнистым и параллельным орнаментом, сходным с орнаментацией гончарной посуды этого времени. Такая же кайма украшала щековые части обушка топора.

Видимо, все эти предметы XII—XVII вв. попали на речное дно случайно при каких-либо авариях (плита) или просто уронены в воду (то-

¹ ВОКМ, № 5624.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 388, 390—397; А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 108, 109.

поры, пешня) при переправе через реку с Муромской дороги к Волжским воротам столицы. Возможно, что перед городом на противоположном берегу Клязьмы в древности было пристанище судов.

III. НАХОДКИ В СУЗДАЛЕ

В музеях хранится несколько предметов, происходящих из Суздаля и характеризующих прикладное искусство этого города в XII—XIII вв., прославленное такими шедеврами русских «златокузнецов», как знаменитые врата Суздальского собора.

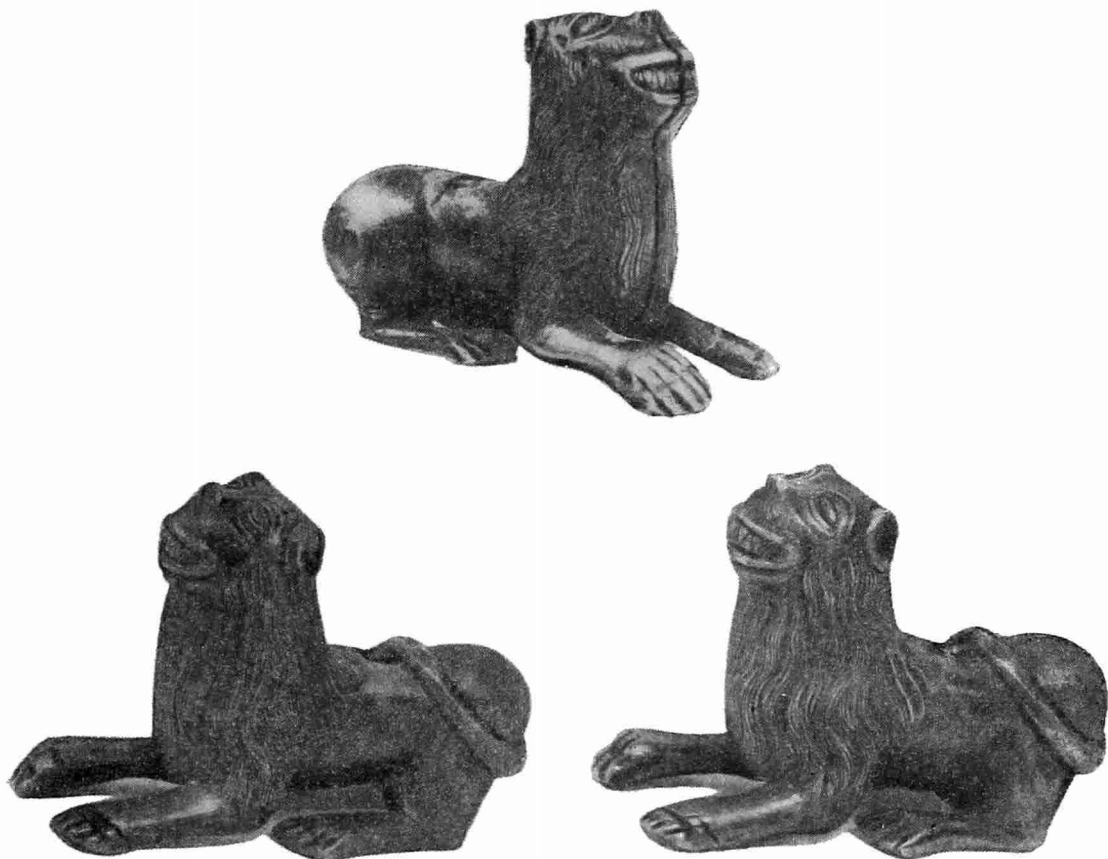

Рис. 11. Бронзовые львы — подножки подсвечников, XIII в. Суздальский собор.

1. С Суздальским собором связаны хранящиеся во Владимирском и Суздальском музеях и в ГИМ шесть бронзовых литых фигурок львов, лежащих с поднятой мордой и захлестнутым на спину хвостом (рис. 11)¹. Размеры фигурок: длина (по низу) — 13,5 см, высота спереди — 9 см, сзади — 5 см, ширина между лапами — 5 см. Каждая фигурка сварена из двух литых половинок (на некоторых шов разошелся, образовав большую трещину). Отливка производилась в нескольких формах, так как размеры фигурок немного разнятся, а некоторые детали не совпадают. Отделка морд и гривы сделана дополнительно резцом и также по-разному; так, например, зрачки глаз сделаны одним или двумя контурами, шерсть на морде передана или прямыми, или скобковидными насечками; также детализированы пряди гривы, основные объемы которой давала отливка.

Назначение фигурок как подножек какого-то, покоившегося на них, предмета — совершенно очевидно. Нижние плоскости старательно обрабо-

¹ В Суздальском музее — три фигурки (№ 401, 1—3), во Владимирском — одна (№ 4435), в ГИМ — две (№ 52709).

таны напильником, чтобы придать устойчивость. Напильником и зубилом спина и круп стесаны в горизонтальную плоскость; в ее середине — сквозной прямоугольный вырез, в который вставлялся четырехгранный стержень; у двух фигурок сохранились и железные стержни, расклепанные снизу и теперь срубленные сверху. Задние части фигурок почти лишены детальной отделки — они были закрыты. Любопытно, что оскаленные морды львов подняты кверху на вытянутых шеях — звери как будто рычат, пытаясь вырваться из-под придавившего их сооружения. Это, при всей примитивности моделировки львиных морд, придает изображениям сильную экспрессию.

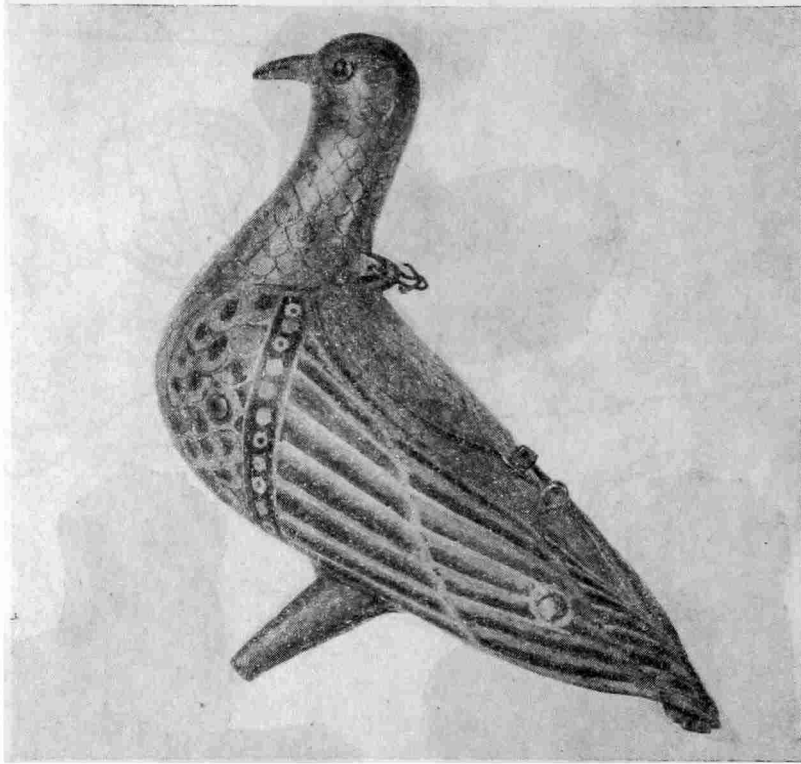

Рис. 12. Дарохранильница. Золоченая бронза с эмалью. Лимож, XIII в. Из Суздальского собора.

Фигуры львов часто встречаются и в монументальной пластике Европы XI—XIII вв., и в мелкой скульптуре, связанной с мебелью и утварью. Часто они образуют подножия колонн храмовых порталов, парадных тронов, различных подсвечников, пюпитров, подставок под выносные кресты; в последних фигурка зверя нередко заменяется звериной лапой¹. Обычно в композицию включены три фигуры².

Суздальские бронзовые львы, вероятно, служили подножками двух парных монументальных бронзовых подсвечников; на спинах укреплялся на штырях круглый или иной формы поддон, выше шел металлический стояк канделябра. Полагаем, что это вещи местной русской работы. Морды львов находят аналогии во владими́ро-суздальской монументальной пластике; особенно характерна передача оскала зубов в виде входящих треугольников. Вероятно, литье подобных подсвечников производилось теми же мастерами,

¹ См., например, Ch. R. de Fleury. La messe. Vol. VI, Paris, 1888, pl. CDXLVIII—CDLVII, CDLXXXII; A. Didron. Manuel des oeuvres de bronze et d'or févrière du moyen âge. Paris, 1859, стр. 51; H. Luer. Kunstgeschichte der unedelen Metalle. Stuttgart, 1904, стр. 295—297, 302; M. Hautmann. Die Kunst des frühen Mittelalters. Berlin, 1929, стр. 505, 520, 524, 617 и др.

² H. Otte. Handbuch der kirchlichen Kunst-Archeologie, Bd. I, Leipzig, 1883, стр. 164.

которые изготовляли массивные львиные головы для ручек «золотых врат» Суздальского и Ростовского соборов.

2. При разборке различной церковной утвари в «палатке» при Суздальском соборе известный владимирский краевед прошлого века К. Н. Тихонравов сделал замечательную находку — медную дарохранительницу в виде голубя. Вот как он описывает этот предмет: «Голубь — медный литой, вызолоченный, в натуральную почти величину, с сложенными крыльями, обозначенными по бокам финифтяными полосками и кружками

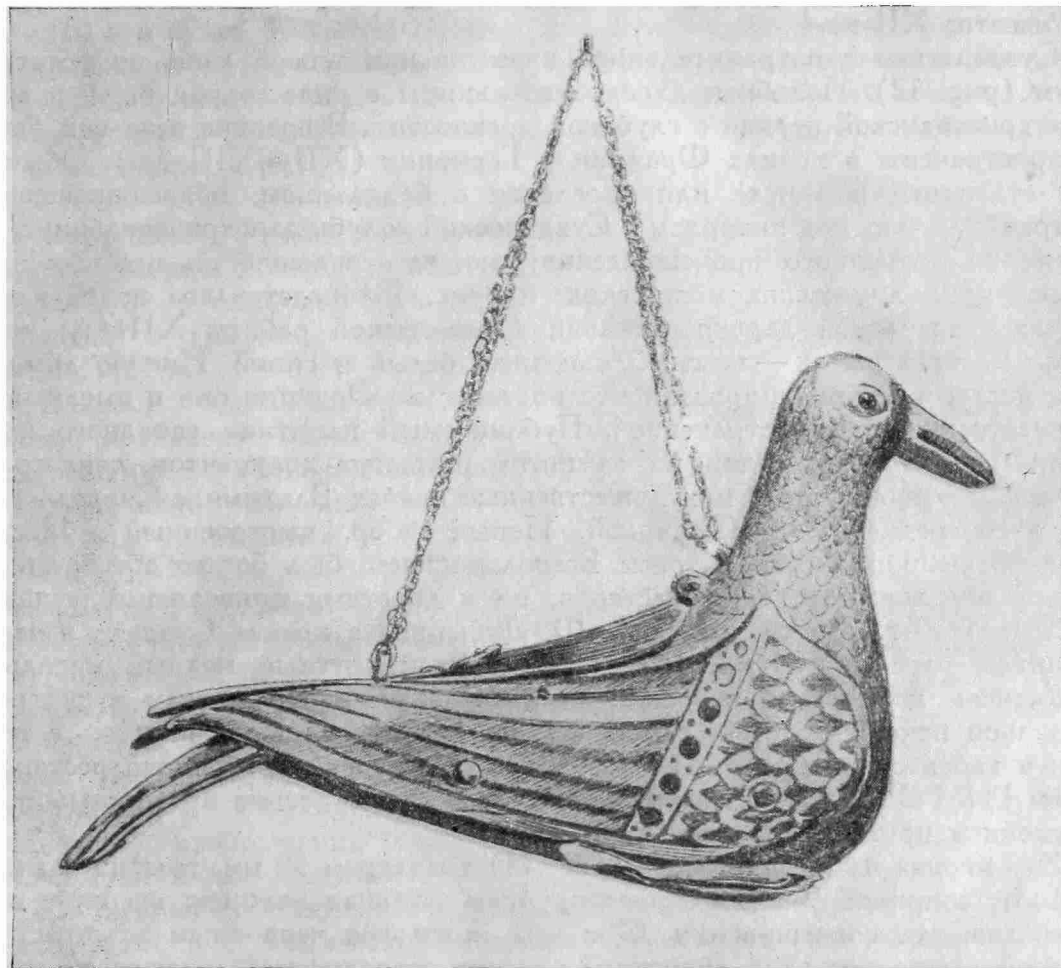

Рис. 13. Дарохранительница. Лимож, XIII в. (по Е. Molinier).

зеленой и красной поливы. На спине голубя, с левой стороны, открывается впадина (углубление), для вложения запасного агнца; ноги голубя стояли, как видно, на блюде, но отломаны и приделаны уже железные». Автор, сославшись на М. Комона, указал на сходство суздальского голубя с подобной фигуркой из Амьенского музея и привел данные описи собора 1683 г., по которой в ризнице был «голубь медный, а преж сего клали в него запасной агнец», а над престолом в алтаре висел уже «голубчик белый деревянный»¹.

Находка была сдана в Московский исторический музей², где хранилась в 90-х годах прошлого века и описана в печатном указателе музея: «Медный голубь почти в натуральную величину, полый внутри; глаза вставные, из темного камня; голова, шея, спина, грудь, покрыты позолотой и

¹ К. Н. Тихонравов. Археологическая находка в Суздале. «Древности», МАО, вып. VI, стр. 86.

² Книга поступлений 1890 г., № 19725.

гравированным изображением мелкого оперения; приставные крылья плотно прижаты к телу и украшены разноцветной финифтью в перегородках, изображающей перья. На спине голубя — ложчатое, золоченое внутри углубление, прикрываемое крышкой на вертлюге и петли для привешивания; хвост и ноги голубя утрачены; последние в позднейшее время заменены железными ножками грубой работы. Подобного вида сосуды употреблялись в древние времена для хранения запасных даров как в Восточной, так и в Западной церкви; они или привешивались к надпрестольной сени (кивирию), или ставились на самом престоле. Описанный голубь — западного художества XII в.»¹.

Суздальская дарохранительница известна нам теперь лишь по фотографиям (рис. 12). Подобные дарохранительницы в виде голубя были в обиходе христианской церкви с глубокой древности². В средние века они были распространены в храмах Франции и Германии (XII—XIII вв.). Обычно они ставились на диске или тарелочке с балдахином, подвешивавшейся на трех цепочках под киворием³. Суздальский голубь-дарохранительница, — бесспорно, западного происхождения; по изготовлению он принадлежит к продукции лиможских мастерских: на рис. 13 представлена почти идентичная суздальской дарохранительница лиможской работы XIII в.; тона эмали на этих вещах — зеленый, красный, белый и синий. Именно лиможские мастерские продуцировали эти изделия; во Франции они и имели преимущественное распространение⁴. Публикуемый памятник западного прикладного искусства — один из немногих реальных документов, свидетельствующих о культурных и художественных связях Владимиро-Суздальской земли со средневековой Францией. Новый собор, выстроенный в 1222—1225 гг. великим князем Юрием Всеволодовичем, был богато обеспечен не только изделиями русских мастеров, но и дорогими привозными вещами.

3. В 1939 г. при раскопках А. Ф. Дубынина в кремле Суздаля в перекопанном слое на глубине 0,9—1,1 м найден круглый медный медальон с надписью по борту и поврежденным эмалевым изображением в центре⁵. Медальон покрыт толстым слоем патины, так что надпись читалась с трудом, а характер изображения был неясен. Мастерски очищенный реставратором ГИМ С. И. Скопинцевой, медальон оказался весьма интересным произведением прикладного искусства.

Это иконка из красной меди (рис. 14) диаметром 59 мм, толщиной 2 мм; по борту шириной 9—10 мм идет крупная уставная надпись; сверху — два отверстия для подвешивания. Фон был позолочен червонным золотом; на гладкой слегка вогнутой оборотной стороне сохранились следы серебрения. Надпись и углубление силуэта изображения отлиты в форме и затем заполнены эмалью. В ямках букв сохранились следы темносиней эмалевой массы. Эмалевая роспись фигуры исполнена в выемчато-перегородчатой технике. В углублении силуэта напаяны тонкие медные ленточки деталей и контуров. Эмаль трех тонов: синяя (одежда и нимб), сургучно-красная (перекрестья нимба, губы, белки глаз), бело-зеленоватая (евангелие)⁶; лицо, видимо, было также белым, теперь оно сероватое.

¹ Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 583, 584.

² П. Л а ш к а р е в. Киворий. Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 202.

³ E. Viollet le Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, vol. I. Paris, 1858, стр. 248—249; Н. О т т е. Указ. соч., стр. 237—238.

⁴ E. Molinier. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Paris (без года), vol. IV, стр. 190; E. Rupin. L'oeuvre de Limoges, vol. II, Paris, 1890, стр. 223—234; J. Braun. Der christliche Altar in seiner geschichtlichen Entwicklung, Bd. II. München, 1924, табл. 353—355, стр. 608—616.

⁵ Ивановский областной краеведческий музей № И. $\frac{С3}{39}$ 485.

⁶ Зеленоватый оттенок белого цвета, по мнению С. И. Скопинцевой, возможно, является результатом окисления меди.

Фигура изображает Спаса-Эммануила с благословляющей правой рукой и евангелием с крестом на переплете — в левой. Детали выполнены довольно грубовато: благословляющие пальцы подобны двум когтям; круглое лицо с крупными губами и грушевидным носом посажено на тонкой шее.

Вверху под отверстиями — четырехконечный крест на Голгофе, по сторонам его инициалы IC—XC с геометрически четким круглым C; инициалы отделены от остальной надписи крупными разделительными значками в форме титла; нижнюю половину каймы занимает фраза: АЗЪ ЕСМЕ СВѢТ (евангелие от Иоанна, VIII, 12)¹. В конце фразы не хватило места для Ъ, а в букве Ъ мастер опустил нижнюю линию кузова, так что буква стала похожа на Л с «накрытием». По надписи, выполненной очень красиво, медальон может быть датирован XII в., скорее, — его концом. Характерны широкое А с «накрытием»; Э с маленьким хвостом; треугольный кузов у Ъ; «развалистое» М с «накрытием»; неудавшаяся буква Ъ, перекладина которой лежит на строке². У последних букв есть сходство с графикой нерльского креста XII в.³

Близкой аналогией суздальскому медальону может служить происходящий из Киева бронзовый позолоченный энколпий XII—XIII вв., хранящийся в ГРМ в Ленинграде⁴. Изображение Спаса-Эммануила выполнено также в технике выемчато-перегородчатой эмали; тона эмали те же: лик зеленоватый, губы — красные, волосы — коричневые, нимб — синий с красными перекрестьями и желтыми крестиками, но в отличие от суздальского изображения перегородки поставлены золотые.

По сравнению с энколпием суздальский медальон примитивнее и с художественной, и с технической стороны. Напомним, замечательные клады (1837, 1865 и 1896 гг.) ювелирных изделий, в том числе с драгоценной эмалью из Владимира XII в.⁵ Можно думать, что местной же продукцией являлись более грубые бронзовые литые вещи, как энколпий с распятием, выполненным в технике выемчатой эмали, из раскопок детинца во Владимире⁶ и сходные с ним створки энколпиев с изображением Оранты (ГРМ). Возможно, что к этой же группе памятников можно отнести медный золоченый колт (ГИМ), выполненный в технике выемчато-перегородчатой эмали, близкой по тонам (синий, красный, белый) эмалям суздальского медальона; издатель колта колебался в его отнесении к мастерским Киева, Рязани или

Рис. 14. Медный золоченый образец выемчато-перегородчатой эмали, конец XII в. Суздаль.

¹ Н. П. Кондаков. Иконография... Христа. СПб, 1905, стр. 60.

² И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб, 1885, стр. 159—161; М. И. Михайлов. Указ. соч.

³ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в., стр. 311.

⁴ ГРМ, № 1023. Приношу благодарность Г. Ф. Корзухиной за указание этого предмета.

⁵ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. Л., 1954, стр. 145—147; А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, стр. 69—75, табл. XVI—XXI.

⁶ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в., МИА, № 11, 1949, стр. 229—230.

Владимира. Думаем, что сходство с суздальским медальоном позволяет связать колт с Владимирской землей¹.

Можно, следовательно, думать, что суздальский медальон — изделие местного владими́ро-суздальского мастера. Однако суздальский художник достиг в целом большого художественного эффекта: на золотом фоне торжественно рисовались крупные синие буквы надписи и цветной силуэт Спаса. Медный медальон выглядел как пышная драгоценная вещь, не уступавшая по общему впечатлению дорогим эмалям на золоте.

IV. НАХОДКА В РОСТОВЕ

При рытье огорода на участке к югу от стен Ростовского кремля, около церкви Григория, была найдена примечательная костяная поделка (рис. 15).

Рис. 15. Статуэтка из кости, XII—XIII вв.
Ростов Ярославский.

Это небольшая (8,5 см высотой) статуэтка, изображающая женскую фигуру в фас². На голове — зубчатая корона, украшенная глазковым орнаментом, характерным для русского костерезного дела XI—XII вв.; из-под короны на лоб выходят подстриженные черные волосы, спадающие по сторонам головы. Выразительно сделано круглое, простоватое лицо с небольшим носом, длинным разрезом глаз, пухлыми щеками и как бы застывшими в улыбке губами. На плечах — платок или нечто вроде пелерины, из-под которой длинными прямыми складками спускается до пола платье. Из-под пелерины выступает грубо моделированная кисть правой руки, как бы державшей какой-то предмет (крест?); непропорционально маленькая левая рука, повидимому, придерживает концы пелерины. При общей грузности пропорций фигуры (4½ головы) она производит впечатление большого изящества. Изображение по существу барельефно: тыльная часть фигуры не обработана; она прикреплялась

гвоздиками к какой-то основе, для чего по сторонам сделаны специальные зубчики.

¹ С. Г. Матвеев. Медный колт Государственного исторического музея. ТСА РАНИИОН, вып. II, 1928, стр. 113—116 и табл. VII; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1955, стр. 514—516 «... Очень соблазнительно и начало эмалирного дела во Владимире связывать с уводом части киевских мастеров в 1169 г.» — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 498.

² Ростовский краеведческий музей, № 22630.

Что представлял собой предмет, украшенный подобными барельефными накладными фигурками, — с уверенностью сказать трудно. Вернее всего, статуэтка происходит с богатого реликвария, какие были широко распространены в Западной Европе XII—XIII вв., где изготовлялись резчиками по кости в Кёльне и других городах. Шкатулки украшались накладными аркатурно-колончатými поясами из костяных пластин, а в интерколумниях ставились резные отдельно фигурки святых или библейских персонажей¹. Здесь же мы найдем подобные ростовской большеголовые фигурки, не лишённые, однако, своеобразной стройности и изящества. Единичные аналогии можно указать и в монументальной романо-готической скульптуре, например на восточном портале Шартрского собора и др.² Особенность ростовской фигурки — ее зубчатая корона, редкая в обиходе средневекового Запада³.

Ростовская статуэтка представляет большой интерес как новый пример тех разнообразных «образцов» прикладного искусства, которые были в распоряжении русских резчиков и зодчих и обогащали их художественные вкусы и навыки.

V. НАХОДКИ В ГРОДНО И ВОЛКОВЫЙСКЕ

1. При ремонтных работах по консервации Нижней церкви в Гродно, во время расчистки цоколя алтарной части, в 1954 г. найден круглый медальон из красной меди (диаметром 57 мм и толщиной 2,5 мм) с погрудным изображением святого в нимбе⁴. Изображение (рис. 16) выполнено в технике выемчатой эмали, однако медальон пострадал от огня, эмаль выкрошилась, оставив лишь углубления рисунка, а сама медная основа в верхней части оплавилась. По сторонам сохранились заполненные раньше эмалью углубления от букв надписи: слева — А в круге И (О) и справа — АНЪ (агиос Иоанъ). Судя по иконографии, — это Иоанн Креститель. По краю идет углубленная линия обрамления, тоже, вероятно, заполненного эмалью. Выемчатые эмали на меди представляли вид массовой продукции киевских эмальеров⁵; возможно, что эти изделия упрощенной техники могли изготовляться и местными ювелирами⁶. Борт гродненского медальона оформлен мелкими округлыми зубчиками в подражание зерни или обниси из мелкого жемчуга или бисера. По борту сохранилось 5 отверстий для маленьких гвоздиков, которыми медальон прикреплялся к какой-то основе, — возможно, богатому переплету богослужебной книги. Дата медальона — не позже 1183 г., года пожара Нижней церкви. находка пополняет наши сведения о богатом художественном оформлении богослужебного инвентаря храма Всеволодки гродненского⁷.

2. Очень ценен для характеристики искусства гродненского княжества XII в. найденный Г. И. Пех на Волковийском городище медный образок с изображением св. Димитрия (рис. 17). Образок круглый, диаметром

¹ A. Goldschmidt. Die Elfenbeinskulpturen aus der romanischen Zeit (XI—XIII), Bd. III. Berlin, 1923, стр. 23 и сл., табл. XXI и сл.

² M. Hautmann. Указ. соч., стр. 512; R. de Lasteyrie. L'architecture religieuse en France à l'époque romaine. Paris, 1929, стр. 358.

³ V. Gau. Glossaire archéologique du moyen âge et de renaissance, t. I. Paris, 1887, стр. 465; A. Goldschmidt. Указ. соч., Bd. III, стр. 33, табл. XL—XLII, Bd. IV, табл. XI, XIX.

⁴ Гродненский музей, № 24402.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 378 и сл.

⁶ См., например, энколпий XII в. из Владимира. Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира, XII в., стр. 229.

⁷ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 117 и сл.

35 мм с треугольным ушком сверху для подвешивания. Нужно отметить, что это не специально изготовленная круглая иконка, а фрагмент большей по размерам гравированной пластины, из которой образец довольно неискусно вырезан. Об этом можно судить по неровному зазубренному правому краю медальона и особенно по его ушку, сохранившему слева орнамент из зигзагов, явно продолжавшийся по сторонам; ушко — неправильной формы, в нем пробито отверстие, раньше не существовавшее. Перед нами лишь часть первоначальной вещи. Какой она была и какой цели служила, — мы не знаем. Возможно, что на пластине был ряд медальонов с изображениями святых.

Изображение и надпись исполнены глубокой гравировкой, образующей черный контурный рисунок на блестящем фоне золоченой меди. Принцип

Рис. 16. Медный образец выемчатой эмали, XII в. Гродно, Нижняя церковь.

исполнения тот же, что и в медных гравированных пластинах XII в. с изображениями святых и орнаментов из Нижней церкви в Гродно¹. Соответственно меньшему размеру волковийской иконки ее гравировка тоньше.

По сторонам изображения — надпись: слева — ДИ, справа — МИТРИ. Из характерных признаков XII в. укажу на написание буквы И в виде современного Н — с горизонтальной перекладиной на середине мачт (в XIII в. перекладина становится косой и поднимается кверху)². Интересно, что, не рассчитав места, гравер соединил букву Р с левой мачтой Н, применив своеобразную «вязь». Однако этот прием не противоречит ранней дате вещи³. Надпись выполнена, несомненно, тем же мастером, который делал изображение; все элементы

медальона взаимно связаны — для помещения надписи нимбу придана овальная форма, сжатая с боков. Техническое сходство медальона с гродненскими пластинками и начертания букв позволяют датировать иконку XII в.⁴

Иконографический извод изображения Димитрия совершенно необычен. Он представлен по грудь в трехчетвертном обороте на зрителя; в левой руке — прикрывающий часть фигуры корытообразный щит, в правой, — закрытой щитом, — меч, замахнутый за правое плечо; его клинок виден за спиной воина. Впрочем, может быть, — это копье, нижний конец которого опущен; если это так, то на иконке представлен по грудь ко н н ы й воин. Свободный и живой разворот фигуры обнаруживает независимую от иконографических канонов трактовку образа, только нимб указывает на то, что

¹ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 117 и след.

² Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 136—138.

³ См., например, подобные лигатуры на каменном стерженском кресте 1133 г. Иванки Павловича (М. И. Михайлов. Указ. соч., стр. 15) и суздальских вратах.

⁴ Прием черного гравированного рисунка был широко распространен в прикладном искусстве XI—XII вв. См., например, золотую гравированную оковку походного алтаря немецкой работы конца XI в.—начала XII в. из музея в Ключи с изображениями в медальонах и орнаментом (Е. Molinier. Указ. соч., стр. 130, табл. VI); в той же технике выполнена медная вызолоченная рипида XII в. новгородского Софийского собора. Сходная и по принципу изображения святых в медальонах в окружении орнамента (М. И. Михайлов. Указ. соч., стр. 30—32).

изображен святой, а не просто воин; к тому же в надписи отсутствует обычное начальное А (агиос — святой).

Однако этим не ограничивается своеобразие волковыйской иконки.

Предметы воинского снаряжения Димитрия свидетельствует с полной ясностью, что перед нами довольно характерное изображение не византийского и не русского, а западноевропейского рыцаря. На его голове конический шлем со слегка загнутым вперед острым верхом. Такой шлем, но с длинным наносником, бывал в Западной Европе в X—XII вв.¹ Голова под шлемом прикрыта кольчужным капюшоном, закрывающим подбородок и рот; капюшон составляет одно целое с кольчужной рубахой. Это черта западного защитного снаряжения той же поры²; русская же кольчуга делалась с открытым воротом, а голову прикрывала кольчужная сетка, прикрепленная к шлему. Также характерен для западного рыцарского снаряжения той же поры большой корытообразный щит со скругленными углами, вероятно, имевший заостренный нижний конец³. Сама поза Димитрия, прикрывшегося этим щитом и замахнувшегося мечом, обнаруживает сходство с позой конного воина на миниатюре из рукописи конца XII в. «Песни о Роланде»: он также прикрылся большим изогнутым щитом и замахнулся мечом (шлем у него иной; всадник повернут на зрителя в профиль)⁴. Подобное же снаряжение имели польские конные воины во второй половине XII в., судя по изображению всадника на печати Мешки Старого; здесь воин также в кольчужной рубашке с капюшоном (но без шлема), а в левой руке его — корытообразный щит, закрепленный заплочным ремнем⁵.

Рис. 17. Медный золоченый медальон с гравированным изображением св. Димитрия, Волковыйск.

Таким образом, перед нами очень любопытное явление — мастер, хотевший изобразить св. Димитрия, видимо, не имел под руками необходимого иконографического образца и представил его в образе западного рыцаря, снабдив его русской надписью, удостоверяющей, что это Димитрий, и окружив голову воина нимбом. Несомненно, что в Гродненском княжестве, как в Галиче или на Волыни, хорошо знали вооружение западных соседей, с которыми сталкивались в боевой или мирной обстановке. Поэтому художник и смог столь реалистично передать облик воина, показав его к тому же в свободном ракурсе, далеком от скованности и условности иконографиче-

¹ E. Viollet le Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. Vol. V, Paris, 1874, p. 78; vol. VI, Paris, 1875, p. 105—106; A. Demmin. Die Kriegswaffen. Lpz., 1893, S. 500, F. 5. G. Dehio. Geschichte der deutschen Kunst. Lpz., 1921, B. 1—1, S. 359, B. II, F. 341 (Hortus deliciarum)..

² E. Viollet le Duc. Vol. VI, p. 83; A. Demmin. S. 361, 371, 379; W. Bocheim. Das Waffenwesen. Lpz., 1890, S. 130, 131, 133.

³ A. Demmin, S. 558, F.6; S. 559; F.10; E. Viollet le Duc. Vol. V, p. 348.

⁴ A. Demmin. S. 378.

⁵ A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem polskim w X—XIII w. Łódź, 1954, str. 103.

ских канонов. Эти особенности волковскийского образка, столь резко обособляющие его, не случайны. Мы отмечали¹, что своеобразная декоративная система гродненских храмов XII в. с их сказочно цветистым и жизнерадостным убором фасадов, вставками цветных камней и майолики могла сложиться лишь вдали от непосредственного контроля духовных властей — митрополита и епископа. Тою же свободой художественного мышления характеризуется и издаваемая волковскийская иконка — миниатюрный, но драгоценный памятник изобразительного искусства XII в. западнорусских княжеств.

---

¹ Н. Н. Ворониц. Древнее Гродно, стр. 202.

С. А. ТАРАКАНОВА

ПСКОВСКИЕ ГОРОДИЩА

Многочисленные и разнообразные археологические памятники Псковской земли¹ представляют большой интерес не только для изучения древней истории этого края, но и для разрешения общих вопросов истории северных племен восточного славянства, для выяснения их связей с соседними прибалтийскими племенами. К сожалению, псковские памятники изучены еще крайне слабо.

О псковских городищах было известно лишь по «Материалам к археологической карте Псковской губернии»², составленным далеко не полно и не всегда на основании достоверных данных.

Автору данной статьи известны 12 городищ, расположенных в северной части Псковской земли, и только на двух из них (Псковском и Камно) произведены раскопки. Работы по изучению псковских городищ еще не закончены, однако, публикация материалов представляется целесообразной, так как на основании их можно заполнить «белое пятно» на археологической карте поселений 1 тысячелетия н. э. в лесной полосе Восточной Европы. Собранные сведения могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

По типу псковские городища делятся на две группы: 1) городища-поселения и 2) городища-убежища. Среди первых особенно интересны городища I тысячелетия н. э. и феодального времени — остатки пригородов древнего Пскова, заслуживающие специального изучения.

Как показали археологические обследования, в среднем и нижнем течении р. Великой и на побережье Псковского и Чудского озер древние городища расположены крайне редко. Рельеф местности отдельных районов Псковской земли не везде способствовал возникновению укрепленных поселений. Но и там, где эти условия были наиболее благоприятными, городищ мало (рис. 18). В I тысячелетии н. э. основная масса населения жила в открытых поселках (селищах).

Восточное побережье Псковского и Чудского озер и бассейн р. Плюссы были удобны для возникновения укрепленных поселений. О плотности заселения этой территории в I тысячелетии н. э. свидетельствуют многочисленные длинные и круглые курганы с трупосожжением. Однако, кроме двух поселений феодального времени (Гдова и Кошкина городка), здесь известны только три городища. Одно из них находится близ дер. Большое Крюково на р. Толбе, впадающей в Псковское озеро. По берегам ее отмечены также длинные и круглые курганы с трупосожжением. Городище

¹ Древняя Псковская земля занимала бассейн всего течения р. Великой, земли вокруг Псковского озера, по восточному берегу Чудского озера и в бассейне р. Плюссы.

² Н. Окулич-Казарин. Материалы для археологической карты Псковской губернии. Труды Псковского археолог. об-ва, вып. 12, Псков, 1916, стр. 131—292.

занимает треугольный в плане мыс, образуемый слиянием рр. Дроздихи и Толбы. В шурфе (размером 1 кв. м), заложенном в северной части (близ мыса), прослежен культурный слой мощностью 10—12 см, состоящий из

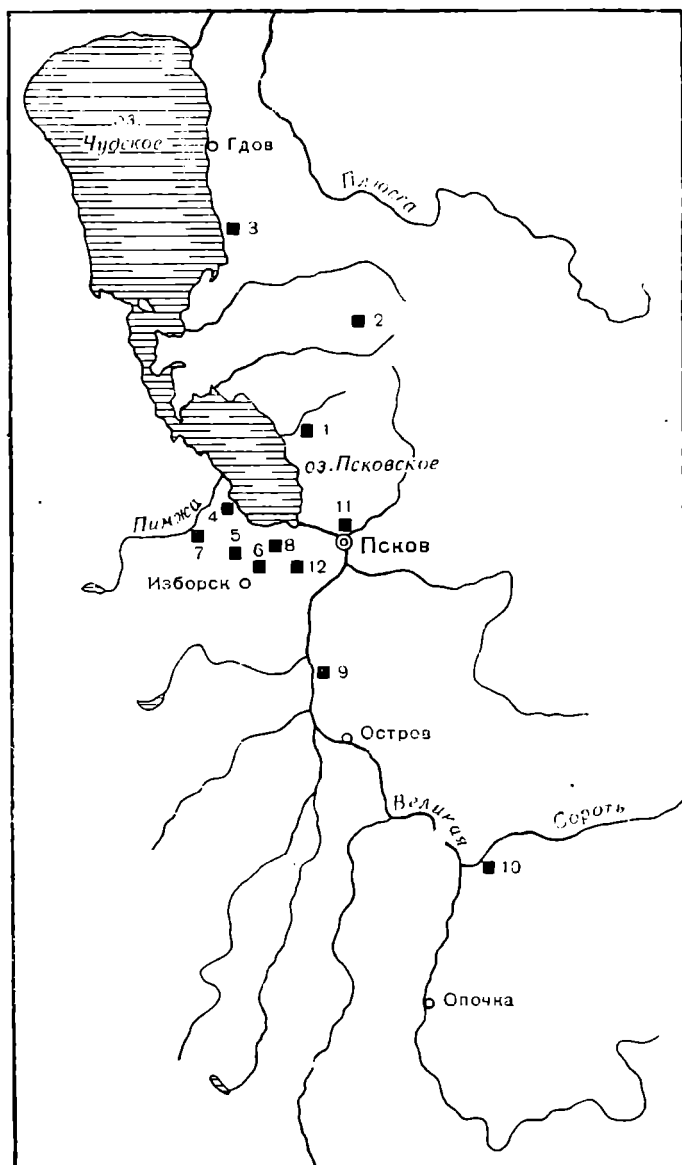

Рис. 18. Карта псковских городищ.

1 — Большое Крюково; 2 — Люботежь; 3 — Лукевщина;
4 — Лисья; 5 — Митковицы; 6 — Зяново; 7 — Городище;
8 — Лезги; 9 — Турова гора; 10 — Савкина горка; 11 — Псковское; 12 — Камно.

На западном побережье Псковского озера городища расположены несколько чаще. Одно из них находится у дер. Лисьей, на высоком продолговатом мысу западного берега озера⁵.

¹ См. отчет о работах. Архив ИИМК, № 124, 1929 г.

² Архив ИИМК, № 124, 1929 г.

³ Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 101, 102 и личные обследования автора.

⁴ Обследовано автором.

⁵ Обследовано О. Пармас. Материалы находятся в Археологическом музее Института истории Академии наук ЭССР (инв. № 1213). Другие городища этой территории обследованы в 1951 г. Славяно-эстонской экспедицией ИИМК и Института истории Академии наук ЭССР. В экспедиции принимала участие и автор настоящей статьи.

темной земли с вкраплением мелкого угля¹. Судя по характеру культурного слоя и мощности укреплений, городище являлось убежищем.

Другое городище находится близ дер. Люботежь Середкинского района Псковской области. Оно занимает высокий и узкий мыс на берегу р. Лочкиной, ограниченный глубокими оврагами. Мыс вытянут с юго-запада на северо-восток. Городище защищено с напольной стороны двумя валами до 2 м высотой, двумя рвами по 4 м шириной. Культурный слой отсутствует². Сразу же за внешним рвом находится круглый, конусообразной формы, курган высотой 1,5 м, диаметром 12 м.

В 2 км от дер. Люботежь, по дороге в дер. Будиху, в лесу расположена курганная группа, состоящая из 4 длинных и 11 круглых курганов, диаметром 12—14 м и высотой 3—3,5 м³.

На восточном берегу Чудского озера, близ дер. Лукевщина, на высоком мысу находится городище овальной в плане формы, площадь которого — около 2500 кв. м. С напольной стороны оно ограничивается глубоким рвом и высоким, но коротким (длиной 15 м) валом, напоминающим по виду большой курган. Культурный слой отсутствует⁴.

Городище «Городачек», впервые обнаруженное в 1935 г., находится на расстоянии 1 км от дер. Митковичи Печорского района Псковской области. Оно расположено на холме, имеющем форму усеченного конуса с высокими и крутыми во всех направлениях склонами (рис. 19—1). Площадка его (60 × 30 м) — овальная в плане. Культурный слой сохранился только по

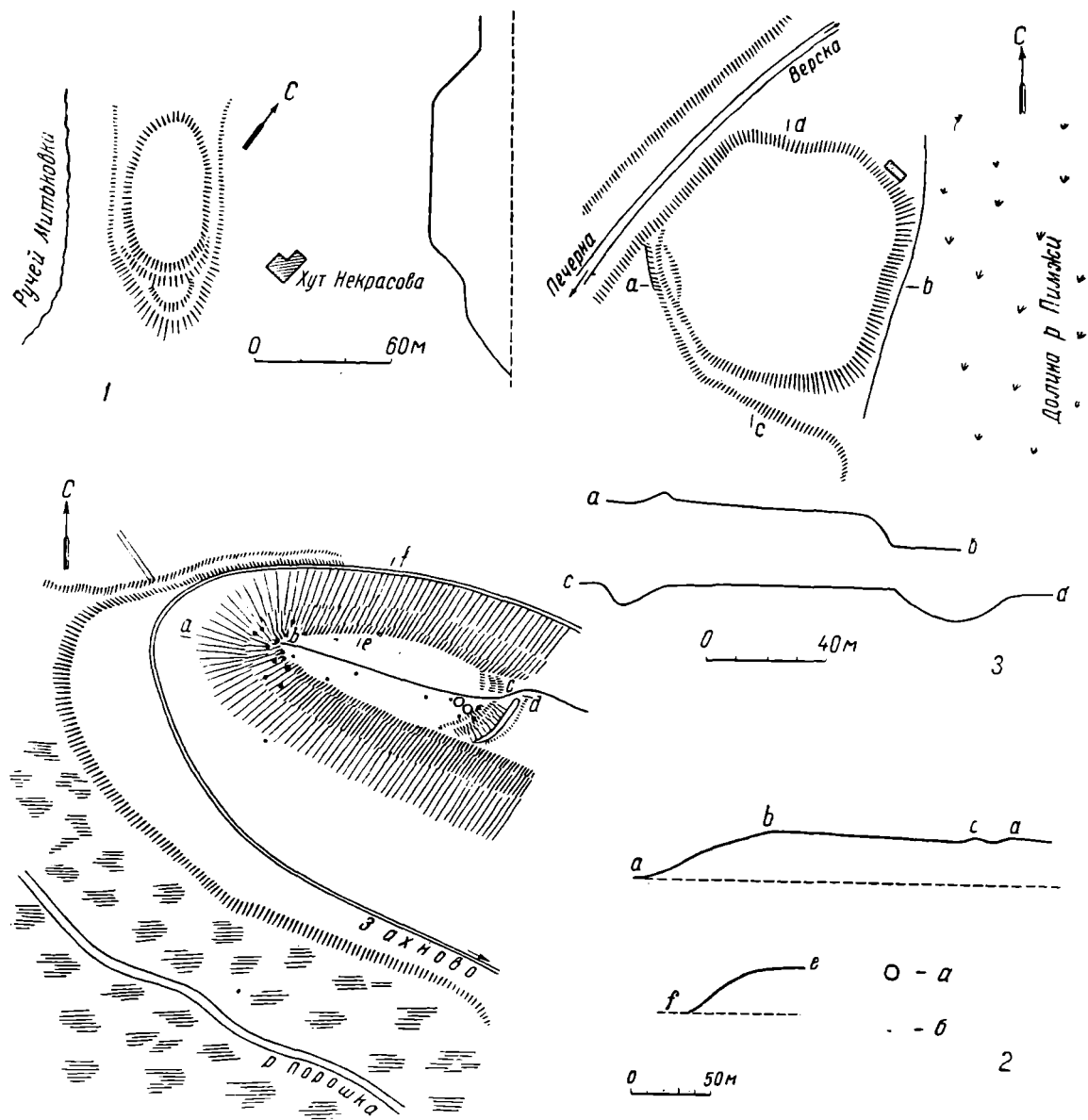

Рис. 19. Планы городищ.

1 — у дер. Митковичи; 2 — у дер. Захново; 3 — у дер. Городачек; а — шурфы; б — находки.

краю площадки; он сполз и на склоны холма. В середине площадки, на ее слегка выпуклой поверхности, выступает материковая глина¹. В заложенном в северной части городища шурфе (размером 0,5 кв. м) обнаружен культурный слой мощностью 0,8 м, лежавший на материковом суглинке. На глубине 0,4—0,5 м в слое черного цвета прослежена прослойка толщиной 5—7 см, в которой найден кусок металлического шлака, а в вышележащем слое — фрагменты лепной керамики и кости животных. По ха-

¹ Площадка городища много лет распахивалась под посев.

рактору керамики городище можно датировать второй половиной I тысячелетия н. э.

На известняковом мысу северо-восточного берега Мальского озера, в 2 км на северо-запад от дер. Захново, Псковской области, расположено овальное в плане городище размером 130×45 м с выпуклой в середине площадкой; крутые склоны его достигают 30 м высоты. С напольной стороны городище защищено дугообразным валом (до 5 м высоты) и рвом (рис. 19—2). В двух шурфах (размером в 1 кв. м каждый), заложенных на площадке городища, прослежен культурный слой мощностью 0,2—0,3 м, состоящий из черной или коричневатой, местами глинистой земли с примесью плитняковой щебенки. Во втором шурфе найдены три фрагмента лепной керамики. Это городище также можно рассматривать как убежище.

На возвышенном берегу р. Пимжи, впадающей в Псковское озеро, между двумя оврагами близ дер. Городище, есть городище (74×70 м) округлой в плане формы. С напольной стороны оно защищено валом и рвом, в настоящее время сильно распаханными (рис. 19—3). В заложенном на площадке шурфе ($0,8 \times 0,5$ м) обнаружен культурный слой мощностью 25—30 см, состоящий из песчаной серой земли с примесью мелких угольков, в котором найден один фрагмент лепного сосуда. Два фрагмента лепной керамики обнаружены на поверхности городища. На берегах р. Пимжи зафиксировано большое число славянских длинных и круглых курганов с трупосожжением. Здесь же встречаются и эстонские каменные могильники с оградками.

На р. Бдехе близ дер. Лезги, на высоком береговом мысу расположено городище овальной формы (площадью 1600 кв. м), с остатками окружавшего его вала. Культурный слой отсутствует. На расстоянии около 1 км от городища находится курганная группа.

В 30 км ниже г. Острова, на высоком правом берегу р. Великой близ дер. Турова гора, известно городище без валов, площадью 100×70 м. Культурный слой его, мощностью около 0,4 м, состоит из черной земли с углями и золой. На городище найдены каменные орудия¹.

Другое городище, известное под названием «Савкина горка»², находится на левом берегу р. Сороти — большом правом притоке р. Великой, на расстоянии 1 км от с. Михайловского — Пушкинского заповедника Академии Наук СССР. Оно занимает высокий береговой холм с крутыми склонами. В центре площадки, округлой в плане, размером около 4000 кв. м, — небольшая выпуклость. Далее поверхность городища заметно понижается в северном направлении; в южной части она горизонтальна. Валов и рвов нет. С западной стороны сохранился вход. В разрезах поздних ям прослеживается культурный слой 0,4—0,5 м толщиной, состоящий из черной земли с включением углей. Найдена лепная керамика.

В нижнем течении р. Великой известны два городища — Псковское и Камно³.

Псковское городище расположено на территории Псковского кремля. В северной части этой территории было заложено 6 раскопов общей площадью 1800 кв. м⁴. Установлено, что поселение здесь возникло на

¹ Архив ИИМК № 265, 1911 г. и № 117, 1928 г.

² Обследовано автором. В центре площадки городища сохранилось подножие каменного креста. На нем имеется надпись: «Лета 7021 (1513) постави сей крест Сава поп». Отсюда — название городища «Савкина горка».

³ Подготавливается полная публикация материалов из раскопок этих городищ, поэтому здесь дается лишь краткое их описание.

⁴ Раскопки производились в 1946—1949 гг. Материал этих раскопок частично опубликован: С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле, КСИИМК, XXI, 1947, стр. 140—147; е е же. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 104—112; е е же. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 48—62.

рубеже нашей эры¹. Сохранившиеся культурные напластования² мощностью до 2 м по характеру найденного материала расчлениются на 4 слоя³.

Наиболее древний — четвертый — культурный слой, мощностью 25—30 см, лежащий на материке, покрывает не всю территорию кремлевского мыса, а лишь восточную его часть, располагаясь по берегу р. Псковы. Этот слой датируется от рубежа нашей эры до III в. н. э. Находки в нем немногочисленны: костяные острия и наконечники стрел, в том числе полуобработанные, железный нож, каменные пряслица и другие вещи. Здесь же найдена, вместе с гладкой лепной керамикой, сетчатая дьяковского типа, которую можно разделить на две группы, аналогичные группам керамики двух стадий древнейших городищ Верхнего Поволжья⁴. Датировку слоя подтверждают находки: маленькая бронзовая лунница типа лунниц из погребений гальштатского времени в Западной Европе⁵, булавки — железная с завернутой в трубочку головкой и бронзовая с маленькой дискообразной головкой и тремя рельефными выступами под ней; обе датируются по другим памятникам I тысячелетием до н. э.⁶

Эти находки, а также группа сетчатой керамики, датируемой III в. до н. э. — рубежом нашей эры⁷, хотя и дают некоторое основание считать, что поселение на кремлевском мысу возникло в конце I тысячелетия до н. э., но, учитывая, что гладкая лепная керамика в четвертом слое преобладала и здесь же встречалась сетчатая, датируемая от рубежа нашей эры до III в. н. э.⁸, — правильнее будет датировать четвертый слой этим же временем.

В четвертом слое вскрыты остатки жилища полуземляночного типа⁹. Найденные кости домашних и диких животных и рыб свидетельствуют о занятиях жителей древнего поселка скотоводством, охотой и рыболовством, причем преобладающее значение имело скотоводство (92% костей домашних животных и 8% — диких животных). Ведущее место в стаде по количеству принадлежало крупному рогатому скоту, затем шли свиньи, мелкий скот и лошади.

Третий слой, наиболее мощный из всех изученных здесь слоев (более 1 м толщиной), покрывает всю территорию северной части кремлевского мыса. В западной части, по берегу р. Великой, он лежит на материке (т. е. является древнейшим), в восточной — перекрывает четвертый культурный слой¹⁰. Никаких разделительных прослоек между четвертым и третьим слоями не обнаружено.

¹ Прежде говорилось, что поселение на кремлевском мысу возникло в первые века нашей эры (Раскопки древнего Пскова, стр. 108). Новые данные позволяют уточнить эту дату.

² Верхние горизонты культурного слоя были срезаны при земляных работах времен Петра Первого.

³ Счет культурным слоям ведется сверху вниз. Деление на 4 слоя дается по всем 4 раскопкам. В процессе раскопок деление культурных слоев производилось по каждому раскопу в отдельности, например, раскоп № 2 (С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле, стр. 144—146) или раскоп № 5 (е е же. Новые материалы по археологии Пскова, стр. 48, 49).

⁴ П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, IX, 1947, стр. 64.

⁵ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова, стр. 110, рис. 39—15; архив А. А. Спицына, № 312.

⁶ М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 71, рис. 23; О. Н. Мельниковская. Могилище у села Долинское Черниговской области. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 73, рис. 20—8.

⁷ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 64.

⁸ Там же.

⁹ С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле, стр. 145—146.

¹⁰ Материковая поверхность кремлевского мыса понижается от берега р. Великой в сторону р. Псковы.

Третий слой датируется от III до VIII в. н. э. Он содержит исключительно лепную керамику. По характеру керамики и другого материала слой делится на два горизонта: нижний, датируемый III—VI вв. н. э., и верхний — VII—VIII вв. н. э.

В нижнем горизонте найдена лепная керамика двух типов.

1. Фрагменты сосудов баночной, чаще конусовидной формы с вертикальным венчиком и прямо срезанным краем. Венчик отделяется от стенок небольшим ребристым выступом. В глиняном тесте сосудов заметна незначительная примесь дресвы или песка. Обжиг сравнительно слабый. Заглаженность стенок хорошая. Орнамент отсутствует. Керамика этой группы немногочисленна. Она встречалась в третьем слое близ материка. Так же типа керамика найдена и в четвертом слое, а также в длинном кургане Северик, близ Пскова¹.

2. Фрагменты грубых на вид сосудов, различных размеров, баночной формы (несколько суженные в нижней своей части) и конусовидные. Верхний край их слабо профилирован, вертикальный венчик с прямо срезанным краем отделяется от стенок небольшой их выпуклостью. Глиняное тесто, из которого изготовлены сосуды, — пористое, с большой примесью дресвы. Поверхность стенок шероховатая и бугристая (от вдавлений пальцев). Керамика этого типа наиболее многочисленна; она найдена как в нижнем, так и в верхнем горизонте, где встречалась и тонкостенная лепная посуда с хорошо заглаженной поверхностью, вертикальным, иногда немного отогнутым венчиком и прямо срезанным краем.

Датировка третьего слоя основывается на находках: бляшки-скорлупки со скобочками, датируемой первыми веками нашей эры²; стеклянных позолоченных бус южного происхождения; фибулы прибалтийского типа V—VI вв. н. э.; браслетов с утолщенными концами, датируемых VI—VII вв.³

Находки в нижнем горизонте третьего слоя многочисленнее и разнообразнее, чем в четвертом. Но и здесь встречались примитивные костяные изделия в виде различных проколов и наконечников стрел. Вместе с тем обнаружен материал, свидетельствующий о больших сдвигах в развитии хозяйства обитателей городища.

Костяные изделия становятся разнообразнее по назначению и сложнее по технике обработки. Появляются гребни с закругленной спинкой — типа гребней из Черняховского могильника⁴. Они изготовлялись на месте, о чем свидетельствуют находки полуобработанных экземпляров⁵. Чаще попадались каменные и глиняные пряслица различной формы, иногда украшенные мелкочечным орнаментом⁶. Находки бус из янтаря, голубого и синего стекла свидетельствуют о наличии у населения городища обменных связей. Разнообразнее становятся железные изделия. Два железных серпа из нижнего горизонта и обломки жерновов ручных мельниц доказывают, что земледелие в системе хозяйства местного населения занимало видное место и было достаточно развитым.

---

¹ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954, стр. 106.

² Там же, стр. 102, 103.

³ При датировке третьего слоя следует также учитывать, что он лежит непосредственно на четвертом и перекрывается вторым, который датируется, как это будет показано ниже, IX—X вв.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 161; С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова, стр. 111, табл. 39, в.

⁵ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова, стр. 57, рис. 27.

⁶ Там же, стр. 53, рис. 25.

Жилища обнаружены двух типов. Полуземлянка размером $3,5 \times 2,8$ — $2,3$ м, углубленная в материк на $0,4$ — $0,6$ м¹. В отличие от полуземлянки, вскрытой в четвертом слое, в ней был каменный очаг, сложенный полукругом у западной стенки. На уровне $0,4$ — $0,5$ м выше материка вскрыты остатки наземных жилищ с глинобитными полами. К сожалению, плохая сохранность не позволяет судить о конструкции сооружений.

В нижнем горизонте третьего слоя обнаружены остатки разрушенных производственных очагов, около которых найдены тигли, льячки, куски железных шлаков и криц.

Еще разнообразнее оказался материал в верхнем горизонте. Найдены каменные пряслица, обработанные на токарном станке, мозаичные и глазчатые бусы. Среди костяных изделий, кроме гребней с высокими резными спинками, появляются костяные конусы и цилиндры, ручки для ножей². Увеличивается состав железных изделий. Часть изделий из меди и бронзы была привозной.

Особенно важно открытие в верхнем горизонте остатков сыродутных горнов и языческих жертвенников³.

В VII—VIII вв. в Пскове появляется новый тип наземного деревянного жилища с деревянными полами⁴, типа старолadoжских жилищ.

Второй слой, лежащий непосредственно на третьем, датируется IX—X вв. Мощность его на сохранившихся от разрушения участках составляет $0,3$ — $0,4$ м. Слой содержит лепную керамику, преимущественно тонкостенную, и керамику, изготовленную на ручном гончарном круге; это сосуды с профилированным верхним краем и разнообразным орнаментом, покрывающим иногда всю внешнюю поверхность⁵.

Второй слой датируется саманидским диргемом 940—955 гг., круглой бляшкой с плетеным орнаментом (скандинавского типа)⁶, гребнями-расческами с узкими ободками и другими находками.

Материал, полученный из этого слоя, характеризует дальнейшее развитие хозяйства поселения. Больше найдено костяных и каменных предметов, изготовленных с помощью токарного станка (пряслица, конусы, цилиндры, ручки для ножей, гребни). Разнообразнее становится состав бронзовых предметов (кольца, перстни, браслеты, подвески, бубенчики). Появляются новые типы железных изделий (скобель, ключи, замки, сошники, тесла, кузнечный молоток и др.). Чаще встречаются привозные вещи: разнообразные бусы, пряслица из розового шифера, скандинавские бляшки, прибалтийские спиральные перстни.

Во втором слое также вскрыты остатки сыродутных горнов и жертвенников. Жилища в это время были деревянные с деревянными полами и печками-каменками, но меньшего размера, чем такого же типа жилища, вскрытые в верхнем горизонте третьего слоя.

Первый слой, датируемый XI—XII вв., сохранился лишь частично на $0,2$ — $0,3$ м. Он содержит керамику, выделанную на круге, представленную главным образом сосудами конусовидной формы, с приподнятыми плечиками, резко отогнутым наружу венчиком и пухлым краем. По плечикам проходит орнамент в виде пояска резных линий. Из датирующих предметов здесь найдены: монета фрисландского графа Эгберта II (1068—1090 гг.), витой проволочный браслет без петель, стеклянные позолоченные и посеребренные бусы боченкообразной и цилиндрической формы, крест-энколпион киевского типа.

¹ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова, стр. 55.

² Там же, стр. 57, рис. 27.

³ Там же, стр. 57—61.

⁴ С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле, стр. 142, 143.

⁵ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова, стр. 51, рис. 24.

⁶ Там же, стр. 54, рис. 26.

Предметы из кости, камня, железа отличаются еще большим разнообразием и лучшей техникой обработки. Среди железных изделий отметим серпы, близкие по форме к современным, зубила, топоры, дверные крючки, пробой, скобы.

Находки монет, частей маленьких весов и весовой гирьки свидетельствуют о развитии торговых связей.

Остатки различных сооружений в первом слое немногочисленны; это главным образом груды перекаленных камней¹.

Изучение материалов раскопок Псковского городища дало возможность сделать вывод, что древнее поселение на территории Псковского кремля являлось племенным центром псковских кривичей. На базе поселения в VIII в. возникает город Псков².

Городище Камено находится в 8 км на северо-запад от Пскова на р. Каменке — левом притоке р. Великой, впадающем близ устья последней. Оно занимает каменистый мыс с высокими и крутыми склонами и отделяется от плато глубоким рвом и валом. Городище (площадью около 3600 кв. м) имеет в плане форму вытянутого овала. Раскопки производились в нескольких местах на самой площадке (всего было вскрыто 434 кв. м) и на валу, как оказалось, насыпанном из плитняковой щебенки, скрепленной мощными пластами плотной глины и деревянными конструкциями.

Культурные напластования городища, мощностью до 1,4 м, обильно насыщены находками, остатками разрушенных очагов и других сооружений. Только в нижнем, предматериковом слое темной плотной земли (20—25 см толщиной) находки были редки.

По характеру найденного материала культурные напластования разделяются на два слоя. Первый (верхний) датируется периодом от IX в. до начала XII в., второй (нижний) — от III—IV вв. до IX в.

В верхнем слое найдена лепная и изготовленная на круге керамика типа псковской IX—X и XI—XII вв. Датировка слоя подтверждается находками в нем арабского диргема 813 г., гребней-расчесок с узкими ободками и др.

Нижний слой, залегающий непосредственно под первым, датируется находкой (на уровне 0,4 м выше материка) бронзового браслета без орнамента с незначительно утолщенными концами, сделанного из овального в сечении прута. Такого типа браслеты известны в рязанских могильниках, где они датируются IV—V вв. н. э.³, и среди латгальских древностей этого же времени⁴. В этом же слое найдены блоковидные камни, известные в памятниках I—V вв. н. э. в Скандинавии и Прибалтике⁵. Керамика второго слоя — исключительно лепная, подобная лепной посуде из третьего слоя Псковского кремля.

Раскопки вскрыли интереснейшую картину развития жизни на поселении. Если в первые века его существования хозяйство обитателей, судя по найденному в нижнем горизонте нижнего слоя материалу, отличалось некоторой примитивностью, то уже в VII—VIII вв. городище являлось крупным ремесленным поселком.

В верхнем горизонте нижнего слоя найдено свыше 60 каменных литейных формочек (целых и в обломках) для отливки мелких украшений (рис. 20). Находки большого количества каменных плиток — заготовок для

¹ Первый слой неоднократно перекапывался под огороды.

² С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 18—29.

³ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, 1926.

⁴ Latviēšu kulturā, senatnē, табл. XI и XII.

⁵ O. Almgren und B. Neuman. Altere Eisenzeit in Gotlands. Stockholm, 1923, табл. 23; ИАК, вып. 38, СПб., 1911, стр. 34, 35; H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, табл. XII и XIII.

формочек, а также полуобработанных формочек, доказывают изготовление их на поселении. Часть найденных формочек имеет ремесленный знак мастера — резное изображение маленькой трапециевидной подвески.

Развитие литейного производства характеризуется также находками большого количества льячек и тиглей и остатками разрушенных очагов.

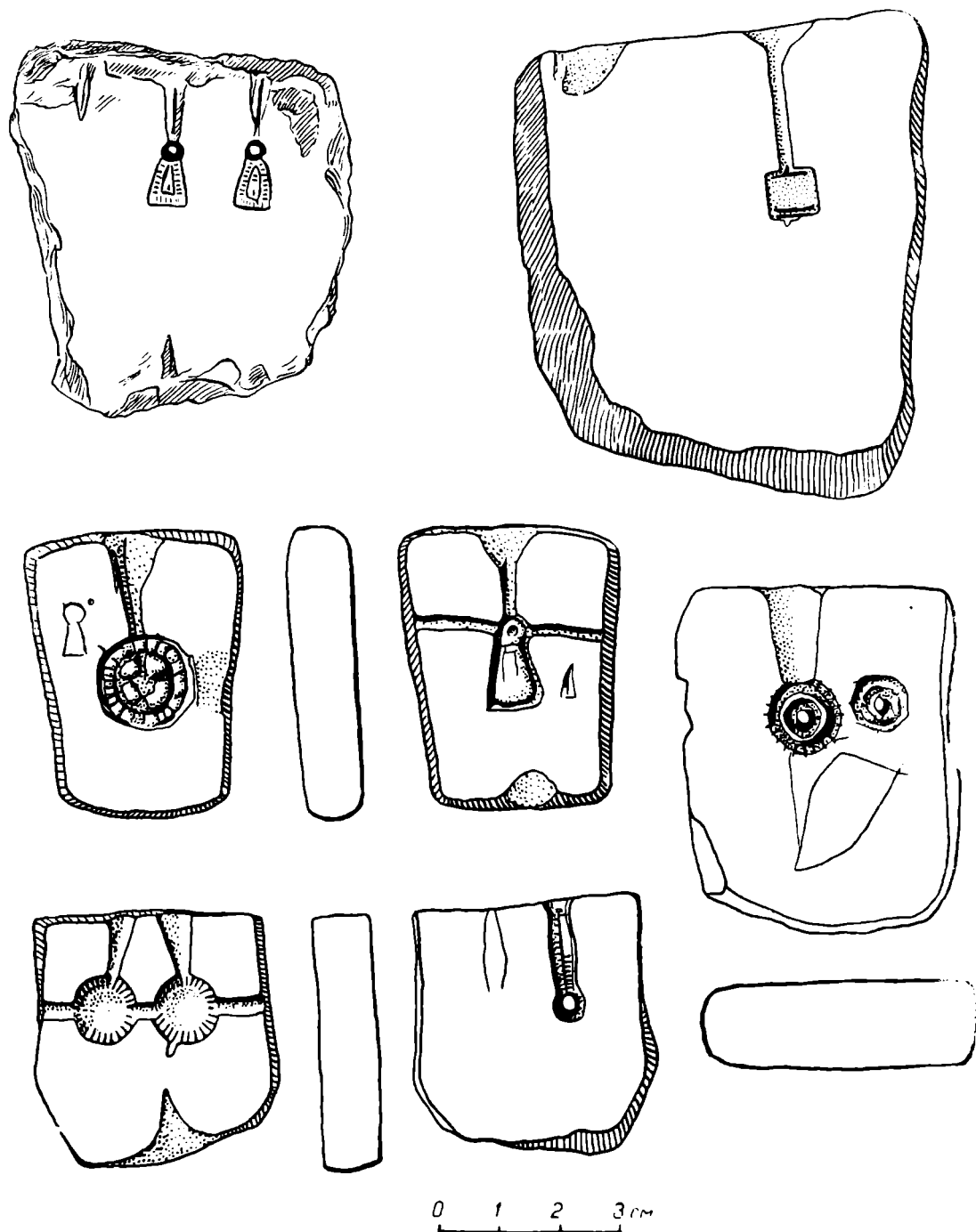

Рис. 20. Каменные литейные формочки с городища Камно.

Основная масса литейных формочек, льячек и тиглей была сосредоточена на трех участках, где обнаружены и разрушенные горны. Все это можно рассматривать как остатки трех литейных мастерских, относящихся к VII—VIII вв. Предметы отливались из привозной меди и бронзы.

Широкое развитие получила обработка кости и камня. Гребни, фибула с ажурной резьбой, булавки, острие и другие вещи свидетельствуют

о большом мастерстве и художественных вкусах мастеров-костерезов (рис. 21 и 22). К VIII в. относятся каменные пряслица с concentрическим рельефным орнаментом, обработанные на токарном станке.

В VIII—IX вв. большое развитие получили добыча и обработка железа. Появляются сыродутные горны, сложенные из глины на каменном основании (типа псковских). Они располагались главным образом по краю

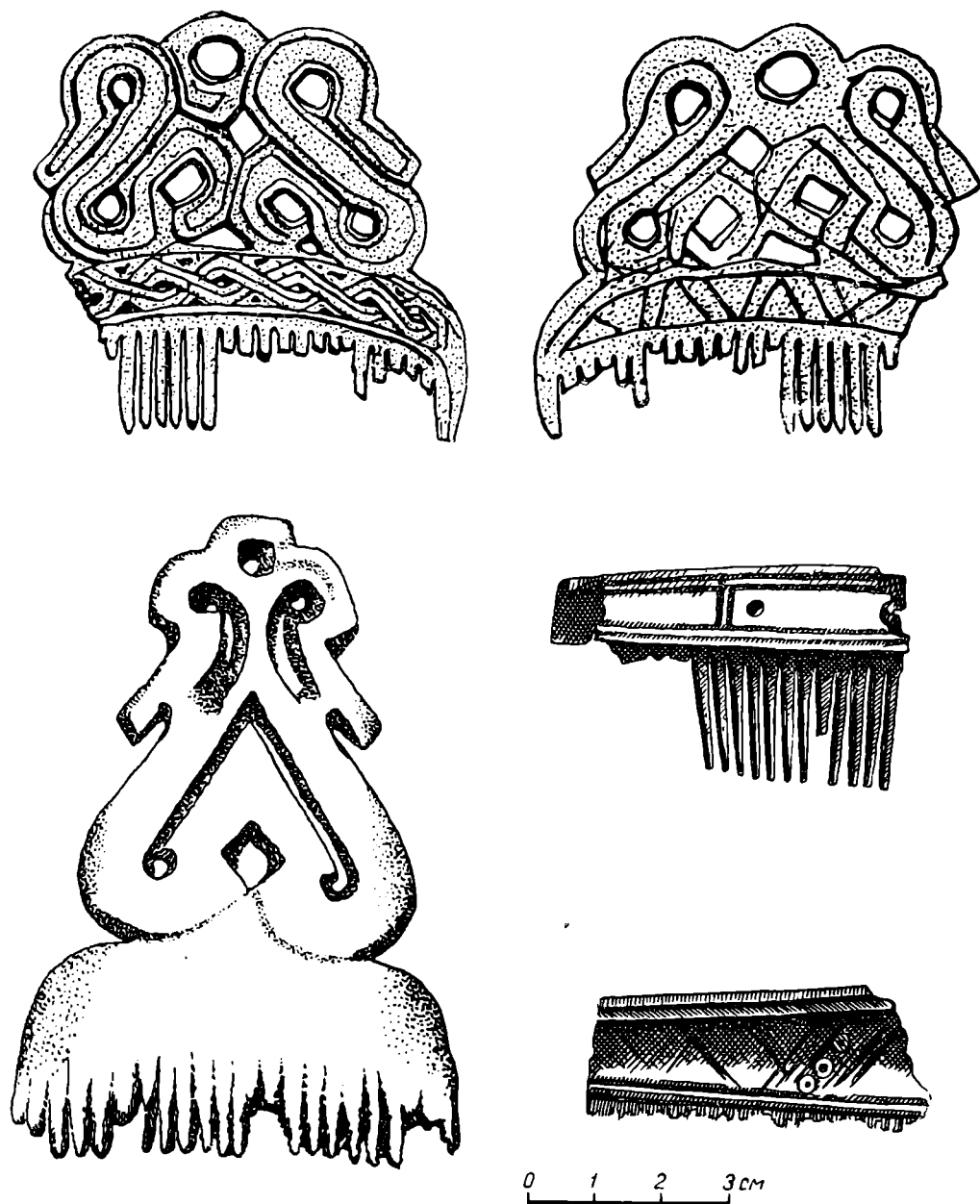

Рис. 21. Костяные гребни с городища Камно.

городища. В основании некоторых горнов найдены куски шлаков и криц. Поблизости от горнов обнаружены жертвенники. Железные изделия этого времени весьма разнообразны (ножи, серпы, наконечники копий и стрел, замки, скобы).

Значительные достижения наблюдаются и в области развития сельского хозяйства. Земледелие еще в первые века существования городища занимало видное место, о чем свидетельствуют находки зерен пшеницы, гороха и конских бобов в нижнем горизонте нижнего культурного слоя. Найдены

и жернова ручных мельниц. Развитие ремесленного производства обеспечивалось развитым состоянием земледелия.

Скотоводство, как и у жителей Псковского городища, преобладало над охотой, которая вместе с рыболовством служила подсобным промыслом населения.

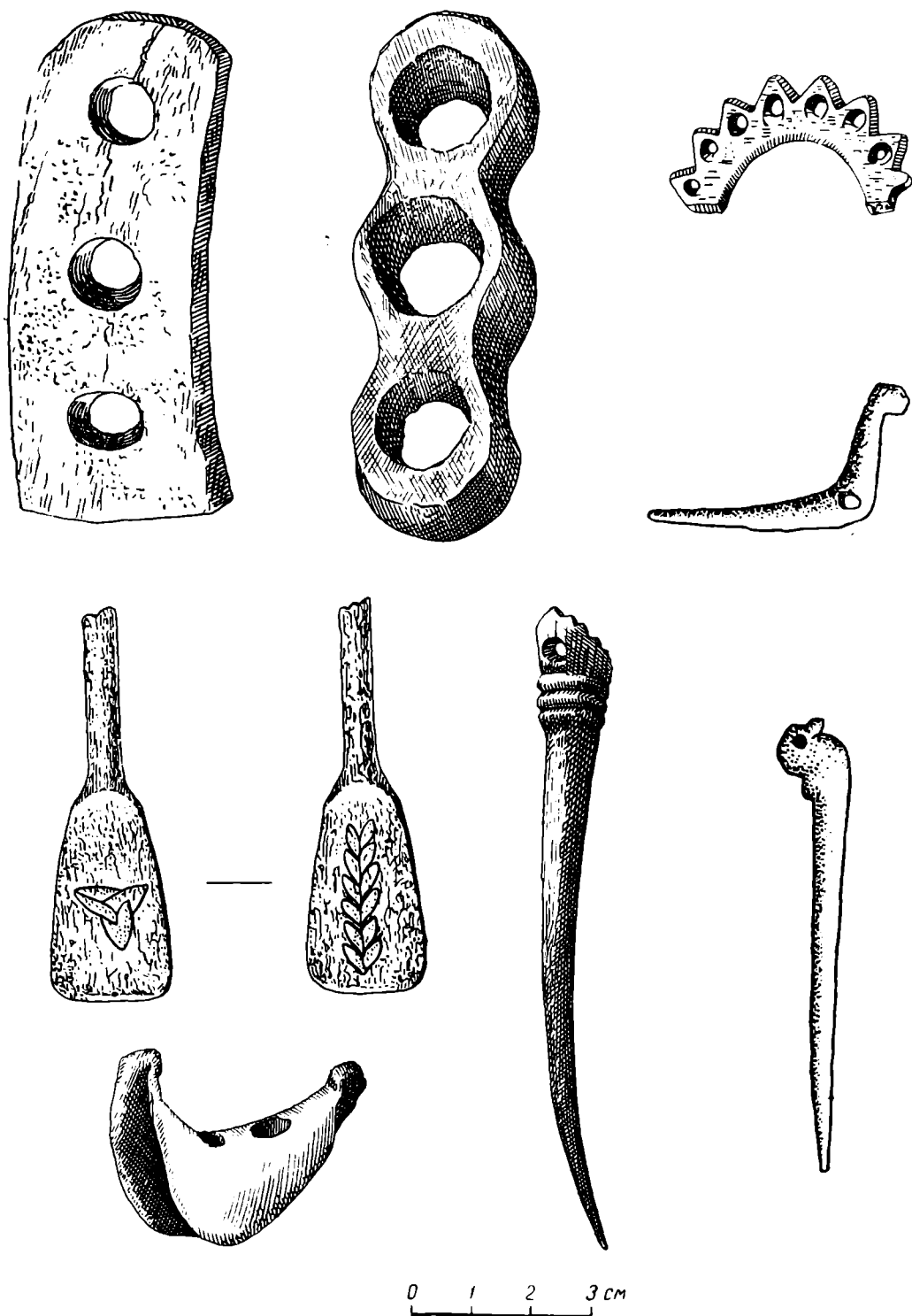

Рис. 22. Костяные изделия с городища Камно.

Сравнивая материалы раскопок двух близко расположенных друг к другу городищ, Псковского и Камно, можно сделать вывод, что оба они, являясь в I тысячелетии н. э. крупными ремесленными поселками, представляли собой зародыши древнерусских городов. Но судьба каждого из них оказалась различной.

На базе Псковского городища, расположенного на большом водном торговом пути, ведущем в Балтийское море, в VIII в. возник город Псков. Городище Камно, удаленное от водной магистрали — р. Великой, — не превратилось в город и в начале XII в. прекратило свое существование¹. Одной из причин этого следует признать сравнительно быстрый экономический рост Пскова.

---

¹ С. А. Тараканова. К вопросу о происхождении города в Псковской земле. КСИИМК, XL1, 1951, стр. 30, 31 (тезисы).

И. Г. СПАССКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТОВАРОВЕДЕНИЯ

Для изучения чрезвычайно своеобразного пути развития денежного обращения в древней Руси исключительно большое значение имеют письменные источники. Очень долго изучение этого процесса опиралось вообще только на памятники письменности: до 20—30-х годов XIX в. нумизматика еще не располагала многими, хорошо известными теперь материалами (слитки, древнейшие русские монеты), а достаточно многочисленные уже в те годы находки древних иноземных монет еще не были осознаны как памятники русского денежного обращения.

Драгоценный фонд летописных сведений о древнем денежном обращении нашей Родины, без использования данных исследования памятников материальной культуры, открывал широкие возможности для различных, порой прямо противоположных толкований. К тому же при отборе и попытках создать связное «повествование» из отрывочных сообщений различных по происхождению и даже по времени составления и редактирования летописей и актов стирались своеобразные, местные черты экономики и денежного обращения различных частей древней Руси; частным явлениям придавался общий характер, а отбор сведений и толкования многочисленных неясностей поневоле приобретали субъективный характер. Поэтому еще в XVIII в. произошел раскол русских историков на сторонников металлического и сторонников мехового и кредитного «кожаного» обращения в древней Руси.

Наряду с отечественными письменными источниками очень большой вес получили у нас «сказания иноземцев о России». В условиях острой полемики они порой приобретали в глазах историков значение наиболее «объективного свидетельства», разъясняющего темные места нашего летописания.

Первыми в распоряжении русских историков оказались сочинения нескольких западных авторов, тесно связанные между собой литературной традицией. Некоторые из них, как, например, записки Герберштейна, стали известны в России еще в XVI в., а в XVII в. переводы западных сочинений исторического характера (например, «Космография») вошли в фонд русской рукописной литературы¹. Многие сообщения этих источников, в частности и касающиеся прошлого России, основывались отнюдь не на личном наблюдении, а переходили из книги в книгу в силу литературно-компилятивной традиции, приобретая обманчивый, но соблазнительный характер «засвидетельствованного многими» факта.

¹ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. XXXI.

Появление только в позднем русском летописании XVII в. некоторых существенных «уточнений» и дополнений более древних текстов, касающихся обращения платежных ценностей¹, вероятно, находится в связи с существовавшей в западноевропейской историографии точкой зрения на денежное обращение не только древней Руси, но и античного мира. В «Алфавите иностранных речей» 1681 г., составленном на основе толкового лексикона византийского писателя X в. Свида, сообщается о существовании кожаных денег... в древнем Риме: «Нума, первый царь римский по Ромуле, повеле зделати (деньги) из железа и меди; пред тым бо денги глиняные и коженые были в Риме»². Таким образом, для русской учености XVII в. писания иноземцев о древней Руси опирались на известного рода «анalogии» в античной истории.

Историки второй половины XVIII в. прибегали к свидетельствам западных авторов широко, но не очень разборчиво, хотя еще М. В. Ломоносов предостерегал против «грубых прегрешностей» иностранных писателей и считал их сообщения «ненадежными». Протестом против слепого доверия к любым иностранным источникам прозвучали слова П. П. Бекетова в программной речи при открытии Общества истории и древностей российских при Московском университете в 1811 г.: «Естли мы... прочтем повествования о России иностранных (авторов), то увидим бездну невежества, лжи и неясностей, которые они бесстыдно выдавали за истину и которые легковверные люди принимали в этом виде». Призывая к осторожности, Бекетов отнюдь не отрицал огульно значения западных источников для истории России³.

В XIX в. русские ориенталисты постепенно открыли для исторической науки многие замечательные свидетельства восточных авторов о древней Руси и, в частности, о ее денежном обращении. Было засвидетельствовано платежное значение мехов и серебряных слитков, обращение на Руси восточной монеты и другие явления. Однако и здесь, наряду с не вызывающими сомнений сообщениями, содержалось немало неясностей, открывавших возможности для любых толкований. Теория кожаных денег, несколько перестроенная после того, как нумизматика стала вносить свой вклад в разработку вопроса, находила и здесь доказательства своей правоты.

Следует сказать, что доверие к письменному источнику порой вовсе снимало совершенно необходимые предосторожности при его использовании. Забывались, с одной стороны, специфика памятников письменности с возможными грубыми искажениями смысла написанного и значение литературной традиции, а с другой стороны, некритически принимались однажды опубликованные переводы, без учета их качества.

Достаточно привести как пример известное свидетельство Рубрука о платежных единицах древней Руси. Средневековая латынь Рубрука была «раз навсегда» переведена во Франции в 1634 г. де-Бове для бержероновского издания. Его перевод, оставаясь в силе с XVII в. по начало XX в., сыграл основополагающую роль в развитии теории о кожаных деньгах: в нем говорилось о разноцветных кусочках кожи, обращавшихся у русских вместо денег. И только в 1910 г. появился новый перевод А. И. Малеина, из которого выяснилось, что Рубрук говорит о различных шкурках пушного зверя, и ни о чем ином⁴.

¹ И. И. Толстой. Монеты Великого Новгорода, СПб., 1884, стр. 7; В. К. Трутовский. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI в. Нумизматический сборник, т. I, М., 1911, стр. 409.

² Нумизматический сборник, т. III, М., 1915, стр. 309 (протоколы); Svidas. Nonne primum integer latinitate... etc, Coloniae. MDCXIX, стр. 453.

³ Записки и труды ОИДР, ч. I, М., 1817, стр. 17.

⁴ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1910, стр. 135; см. также В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 464, прим. 4.

Интересен пример и с толкованием персидского сочинения XII в. «Чудеса творения».

Не обладая никакими познаниями в восточных языках, нелегко взять на себя смелость подвергнуть сомнениям достоверность перевода восточного сочинения, хотя бы предлагаемая поправка касалась только одного слова. Наша настоящая заметка стала возможной благодаря консультациям, полученным у Л. Т. Гюзальяна, Н. Д. Миклухо-Маклая и О. И. Смирновой. Изложим здесь соображения об истинном смысле часто упоминаемого и цитируемого русскими историками и нумизматами, но остающегося темным и загадочным, сообщения о торговле древней Руси. Автором «Чудес творения» до самого последнего времени считался Ахмед Тусский; недавно Н. Д. Миклухо-Маклай убедительно доказал, что сочинение в действительности принадлежит другому писателю XII в. — Наджибу Хамадани¹.

Содержащий сведения о русских отрывок из такой персидской рукописи (по Н. Д. Миклухо-Маклаю — «Диковинки сотворенного») впервые опубликован в 1827 г. вместе с переводом на французский язык И. Хаммером. «Au lieu d'argent courant ils se servent de peaux épilés, mais ayant encore les pattes et pieds, car s'il en manque une partie, cette peau n'a pas de cours (comme monnaie). Ils ne peuvent pas porter ces peaux hors du pays, ils les donnent timbrées (portant le Tamgha)»², т. е. «Вместо ходячей серебряной монеты они пользуются шкурами, лишенными волос, однако, имеющими лапы и когти; если же чего-либо из этого недостает, такая шкура непригодна для обращения (как монета). Они не могут вывозить эти шкуры за границу и употребляют их клейменными (имеющими на себе тамгу)».

Хаммер довольно смело обошелся с текстом. В примечании он высказал догадку, что речь идет о «кожаных ассигнациях», по существу и предопределившую смысл, вложенный в перевод. Что касается слова «сенджаб» (белка, беличья шкурка), находившегося в персидском тексте, то в том же примечании Хаммер признал, что оно включено по ошибке, и не поместил его в переводе.

Несмотря на суровую критику книги Хаммера в целом³, изданный им текст прочно вошел в научный обиход. Неудовлетворительная транскрипция Хаммера и его перевод постепенно уточнялись и изменялись. С. И. Шодуар изложил сообщение персидского историка со ссылкой на издание Хаммера, но в новом переводе, сделанном для него Френом: «Беличьи или векшины (веверицы) шкурки (сенджаб) составляют ходячую монету у русских, не имеющих денег (серебро, argent) в собственном значении. Такие шкурки без шерсти мягки (енбан), но с передними и задними лапками и с когтями. Если же чего-либо недостает у сих шкурок, то они считаются ложной монетой. Вне страны своей не могут их употреблять за деньги, а вывозят за границу только в виде товара»⁴. Осторожный Френ, в свое время уклонившийся от какого бы то ни было научного редактирования книги Хаммера, которую он сам издавал по поручению Н. П. Румянцева⁵, внес очень существенные поправки в перевод. Оказалось, что лишенные шерсти шкурки все же вывозятся за границу и, следовательно, пользуются там спросом.

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке Уч. зап. Института востоковедения, IX, 1954, стр. 186—189.

² Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux par m-r J. de Hammer. St.-Petersbourg, 1825 (1827), стр. 101 и 57 (сама рукопись не сохранилась)

³ См. П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. Зап. РАО, т. VI, 1855, стр. 366, 367.

⁴ S. de Chaudoir. Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères etc. 1, St.-Petersbourg, 1836, стр. 9, прим. 53; С. де Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Перевод с франц. В. А., т. I, СПб., 1837, стр. 10 и прим. В53. Переводчик (В. Анастасевич) неточно перевел примечание и искажил смысл сообщения об авторе нового перевода.

⁵ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 366, 367.

А. К. Марков опубликовал часть персидского текста из издания Хаммера со своими толкованиями неясных слов и свой перевод: «И у русских кожаные деньги шкуры белок (серых), а не диргемы и кожи без меха (шерсти) с передними и задними лапками и когтями; если что-либо из этого недостает у кожи, то она считается испорченной и отсюда они вывозятся как товар»¹. Таким образом, А. К. Марков ввел в перевод понятие «кожаные деньги» и, в отличие от Френа, усматривавшего в тексте рассказ об одном особом виде беличьих шкурок, говорит о двух видах платежных ценностей — шкурках белки и о «кожах без меха».

В 1911 г. В. К. Трутовский, почему-то адресуя свои упреки Хаммеру, а не А. К. Маркову, признал перевод последнего неудовлетворительным и отметил ряд неточностей; в частности, не оспаривая перевод начала текста, отделяющий шкурки белок от шкур без меха, он указал, что вместо «считается испорченной» нужно переводить «считается негодной для вывоза»². Переводы А. К. Маркова и В. К. Трутовского пользуются наибольшим признанием в нашей исторической литературе.

Наконец, в 1937 г. к интересующему нас тексту обратился Н. П. Бауер. «Ввиду многих неясностей в цитате, касающейся древнерусского обращения, изучение этого автора было бы весьма ценно», — указывает он. Перевод очень небольшого, но наиболее интересного для нас отрывка все того же изданного Хаммером текста был сделан по просьбе Н. П. Бауера, Е. Э. Бертельсом и Ф. А. Розенбергом: «На Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с когтями»³. Таким образом, наиболее авторитетный перевод, правильность которого подтвердили и Л. Т. Гюзальян и О. И. Смирнова, снова относит отсутствие шерсти (волос) к беличьим шкуркам, которые (как это видно из почти всех вариантов перевода) предназначались для вывоза за границу. Последнее обстоятельство ставит в тупик, и даже самых убежденных сторонников кожаных денег лишает возможности признать эти шкурки «кожаными ассигнациями», так как допускать вывоз «ассигнаций» за границу, пожалуй, никто не решится.

Представляется наиболее правильным для раскрытия темного смысла рассматриваемого сообщения обратиться к другим известиям о древнерусском меховом экспорте. Наиболее обширный материал по этому вопросу содержат документы, связанные с другим направлением древнерусской внешней торговли — западным. Ряд авторов, занимавшихся изучением русско-ганзейской торговли, обращал внимание на многочисленные упоминания в ганзейских документах о фальсификации некоторых товаров, вывозившихся из России (воска, мехов) или ввозившихся (главным образом сукна) ганзейскими купцами, причем в первом случае не всегда ясно, кто занимался фальсификацией. «Вследствие большого спроса меха, как и воск, подвергались разнообразной подделке. . . В скре Полоцкой конторы, данной из рижского рата, запрещено покупать меха подстриженные, выщипанные (подчеркнуто мною. — И. С.), подкрашенные и не целые; в скре Новгородского двора также запрещается покупать вообще всякие фальшивые меха (falch Werk)», — указывал М. Н. Бережков⁴. Вопрос о «фальшивых»

¹ Русская нумизматика. Конспект лекций А. К. Маркова, изд. 1-е, СПб., 1905, стр. 13; изд. 2-е, Пгр., 1915, стр. 13 (по Маркову, шкуры без меха — ногаты).

² В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 441, 442. В двух других статьях Трутовский доказывал, что шкуры без меха, не ногаты, а долги.

³ Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937, стр. 184, 185.

⁴ М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, стр. 172. См. Русско-ливонские акты, собр. К. Е. Напьерским СПб., 1868, стр. 89, 90, № 117: «Прежде покупки меховой товар должно брать с собой домой и там его тщательно рассмотреть; не должно покупать мехов испорченных, как то: подстриженных или повыщипанных. . .» (документ 1393 г.; М. Н. Бережков. Указ. соч., стр. 107).

мехах очень остро стоял в торговой практике Ганзы: понятие «поддельный мех» было вполне сложившимся; немецкие купцы должны были даже при- сягать в том, что не будут торговать поддельным мехом¹.

«К сожалению, мы лишены возможности ближе знать, в чем заключа- лась тогда подделка мехов и кожи», — указывает далее М. Н. Бережков. «Попытки Сарториуса объяснить их вышли у него неудовлетворительны, что и сам он признает»². Однако одно из указаний Сарториуса помогает постигнуть, к чему стремились подделыватели: «Не подделанный мех зверя, пойманного осенью, можно было купить дешевле . . . вероятно потому, . . . что мех зверя, пойманного зимой, гораздо пышней и прочнее»³.

Отмечая огромный вывоз наиболее дешевого меха — белки, получившего даже название *pulchrum opus*, М. Н. Бережков указывал: «О лучших сортах мехов — собольих, куньих, бобровых и лисьих в скре нет упоминания, быть может, потому, что в этих сортах было меньше подделки. . . Но не подлежит сомнению, что наряду с дешевыми немцы покупали и дорогие меха; мол- чание о них скры ничего не доказывает, потому что мы ее имеем не в полном виде. . . Что торговля Новгорода мехами была обширна, доказывает уже факт их разнообразных подделок; скорнячество было весьма развитым про- мыслом в древней Руси; русские поселенцы в Риге также занимались в ней этим промыслом»⁴.

М. Н. Бережков вполне резонно указывает, что уяснение характера под- делки мехов следует искать у скорняков. Но есть еще одно сообщение о стар- инной русской меховой торговле — Герберштейна. Он описывает, как пытался избежать обмана при покупке некоторых сортов мехов в Москве⁵, а затем подробно рассказывает о меховой торговле: «Стоимость их (собо- лей) увеличивается, если они будут пойманы в надлежащее время, что наблюдается одинаково и при других мехах. . . Шкурки горностаев привозятся. . . из нескольких местностей и притом вывороченные; однако большинство покупателей вводится этими шкурками в обман. Они имеют какие-то знаки вокруг головы и хвоста, по которым можно узнать, в надлежащую ли пору они пойманы. . . Если какое животное не будет поймано в свое время и потому мех его будет лишен надлежащего и природного цвета, то (как сказано) они вырывают и извлекают из головы и хвоста некоторые волосинки, как признаки, чтобы нельзя было узнать, что он пойман не в надлежа- щее время, и таким образом обманывают покупа- телей»⁶.

Хотя все сказанное относится к горностаю, не исключена возможность подобного рода фальсификации каких-либо других мехов, равно как и пу- таница с названиями и сортами мехов в более ранних источниках. Такая путаница длительное время имела место именно в отношении горноста и белки⁷.

Возвращаясь к рассматриваемому тексту, нужно указать, что слово *موی* (му, муй) вовсе не обязательно должно переводиться как мех или шерсть: в переводе Бертельса и Розенберга оно и передано словом «волосы» («без

¹ Первоначальное образование и распространение Немецкого двора в Новгороде (пе- ревод с нем. С. Строева изданного Лаппенбергом соч. Сарториуса «Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse». ЖМНП, ч. 17, СПб., 1838, стр. 610; продолже- ние — ч. 22, СПб., 1839, стр. 145 и сл.).

² М. Н. Бережков. Указ. соч., стр. 179.

³ ЖМНП, ч. 17, стр. 610, текст и примечания.

⁴ М. Н. Бережков. Указ. соч., стр. 174.

⁵ Барон Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч., стр. 94.

⁶ Там же, стр. 95. (Все подчеркивания текста мои. — И. С.).

⁷ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846, стр. LXXVII—LXXVIII.

волос»). Следует добавить, что это слово допускает отнюдь не только собирательное значение, но может относиться и к весьма ограниченному количеству — вплоть до отдельного волоска, так как форма множественного или единственного числа в данном случае не выражена. Следовательно, возможен и допустим перевод «без волосков», «без шерстинок», придающий ясность тексту и переводящий содержание его в разряд вполне понятных товароведческих рассуждений¹.

В настоящее время известно еще несколько списков «Чудес творения». Два находятся в Институте востоковедения Академии Наук СССР². Как сообщил Н. Д. Миклухо-Маклай, список А-453 сделан, несомненно, в Индии. Сколько-нибудь точной датировке не поддается; предположительно относится к концу XVII в. Интересующее нас место (лл. 259—260) в общем повторяет уже знакомое: «... И на Руси ходячей монетой является белка, не дирхемы (и это), есть шкура без волоса, с передними и задними конечностями и когтями»... (перевод Л. Т. Гюзальяна). Относительно второго списка (Д-129) Н. Д. Миклухо-Маклай указал, что он сделан в городе Куч (Восточный Туркестан). По внешним данным и по позднейшей приписке с датой 1114 г. х. (1702/1703 г.) датируется XVII в. В интересующем нас месте (л. 180) есть весьма существенные разночтения по сравнению с изданным у Хаммера текстом; будь список известен только один, без корректировки по другим текстам, он вполне способен был бы сыграть роль прямого свидетельства об обращении кожаных «ассигнаций»: «... И монетой на Руси является белка без волоса, хвоста, передних и задних конечностей...»; а далее можно переводить: «и без головы» или «голова соболя (или куницы)». Сделавший перевод Л. Т. Гюзальян указывает, что текст списка вообще очень сильно испорчен³.

Наиболее интересным и перспективным для изучения рассматриваемого вопроса представляется неопубликованный список XIV в., принадлежащий Парижской национальной библиотеке, о котором упоминает Н. Д. Миклухо-Маклай⁴.

Делом востоковедов является отыскание наиболее достоверной редакции и создание вполне научного перевода этого отрывка, столь важного для истории древнерусского денежного обращения.

---

¹ Попытки установить связь между рассматриваемым сообщением и повествованием Низами о ветхих, вытертых шкурах, служивших у русов деньгами, встречаются препятствие в том, что Наджиб Хамадани, все же писал о пушине — товаре, вывозимой за границу (см. Низами. Искандер-Намэ. Пер. К. Липскерова, М., 1953, стр. 420).

² Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 186.

³ Иной перевод этого текста списка Д-129 — см. А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ибн-Фадлана. Чувашгосиздат, 1954, стр. 46 («Дирхемы русов это шкурки белки и соболя, без шерсти, но с хвостом, передними и задними лапами, когтями и головой. Если чего-нибудь недостает, то от этого шкурка становится бракованой. Их (эти деньги) оттуда вывозить нельзя, — их отдают за товары»).

⁴ См. также W. Pertsch. Die persischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha, I, Wien, 1859, стр. 58—61.

Л. А. ДАВИД и Б. А. ОГНЕВ

ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК МОСКОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XV в.

Раннемосковское зодчество конца XIV в. — первой половины XV в. представлено ныне только четырьмя сохранившимися соборами — в Звенигороде, в б. Саввином-Сторожевском, Андрониковом и Троице-Сергиевом монастырях; пятый памятник — церковь Рождества богородицы в Московском Кремле — сохранил лишь свои нижние части. Значение этого этапа в развитии русского зодчества очень велико, и всякое новое пополнение наших знаний о нем представляет большой научный интерес. Есть все основания думать, что к группе перечисленных памятников может быть присоединено еще одно древнее здание — церковь в с. Каменском Наро-Фоминского района Московской области.

Село Каменское расположено примерно в 70 км на юго-запад от Москвы и в 18 км к югу от Наро-Фоминска, при впадении р. Каменки в Нару.

Никольская церковь выстроена на левом, возвышенном берегу Нары, на западной окраине села. В настоящее время она состоит из древнего белокаменного, кубического, одноглавого с трехапсидным алтарем храма и позднейших частей: кирпичной с белокаменными цоколем и карнизом трапезной, двух приделов и трехъярусной кирпичной колокольни, примыкающей к западной стене трапезной.

В конце XIX в. академик архитектуры М. Т. Преображенский обследовал храм и опубликовал свои наблюдения¹. Им было высказано предположение о существовании здесь Никольско-Наросского монастыря, упоминаемого в писцовых книгах XVI в. В 1633 г. с. Каменское принадлежало Троице-Сергиеву монастырю². Дату храма автор не установил. Он привел предание (бытующее у местного населения до сих пор) о существовании церкви еще до польской интервенции начала XVII в., во время которой она якобы пострадала, утратив главу, почему и называлась затем «Микола безглавый»³. Этим исчерпываются исторические данные о памятнике. Материалы и конструкции здания позволили М. Т. Преображенскому отнести его построение ко времени не позже XVI в. После его публикации церковь не привлекала к себе серьезного внимания исследователей. Задачей настоящей заметки является предварительная характеристика этого примечательного памятника⁴.

¹ М. Т. Преображенский. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб, 1891.

² М. Т. Преображенский. Указ. соч., стр. 42.

³ Там же.

⁴ Обследование произведено авторами при участии Б. Л. Альтшуллера, С. С. Подъяпольского и Е. Н. Добромысловой осенью 1952 г.

Древний храм (рис. 23—1, 2) представляет собой кубический основной объем с сильно выступающими на восток, несколько пониженными тремя апсидами. Внутреннее пространство имеет в плане форму равноконечного креста с короткими ветвями, образованного квадратными опорами в углах четверика. Эти ветви перекрыты арками параболического очертания, постепенно наклоняющимися кверху, к центральной оси здания. Расположенные

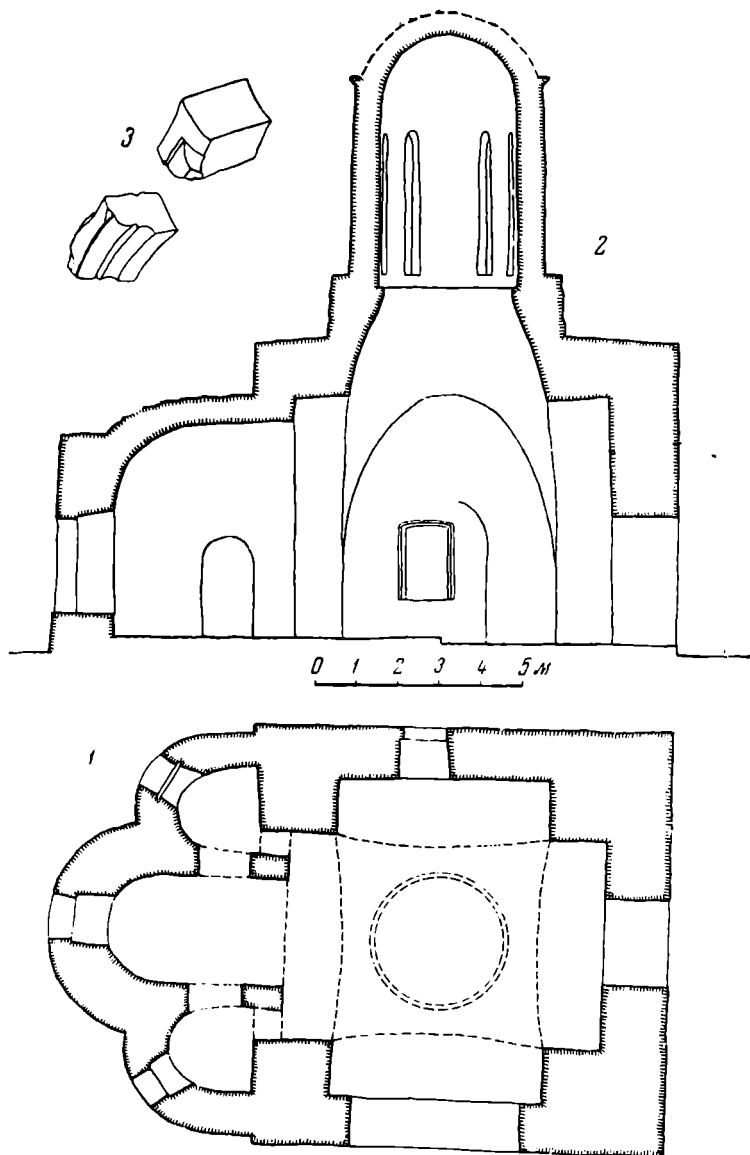

Рис. 23. Церковь XV в. в с. Каменском.

1 — план; 2 — разрез; 3 — детали кокошника.

в углах между арками паруса выше уровня шельг арок переходят в своеобразный конический свод, оканчивающийся кольцом светового отверстия барабана.

Апсиды сообщаются с храмом тремя арочными проемами. Средний проем по ширине и высоте совпадает с поперечным сечением главной апсиды. Своды, перекрывающие апсиды, так же как и подпружные арки храма, по очертаниям близки к параболическим. При обмерах выяснилось, что в чертежах М. Т. Преображенского есть несоответствия с натурой. Так, средняя арка, соединяющая алтарь с храмом, у него изображена значительно ниже и уже, чем в действительности; арочные проемы из средней в боковые апсиды в натуре более сдвинуты к востоку.

Кубический объем храма завершается мощным световым барабаном, покрытым довольно плоским куполом (рис. 24). Барабан имеет 8 узких щелевидных окон, оси которых не совпадают с осями плана, что отметил и М. Т. Преображенский. Над куполом в позднейшее время надстроена кирпичная шейка с барочной главкой. В южной стене храма сделано прямоугольное окно на месте первоначального, заложенного кирпичом, проема портала. С западной стороны окна внутри храма вскрылись остатки проема этого портала с частью арочной перемычки. Три окна алтарных апсид сильно расширены и также утратили свою первоначальную форму. Северная стена храма вынута почти во весь просвет северной подпружной арки при устройстве прохода в придел. Посредине западной стены также сделан широкий проем, уничтоживший следы первоначального портала.

Храм сложен из крупных квадров белого мраморовидного «подольского» известняка. Форма лицевых граней в преобладающем большинстве приближается к квадрату, но встречаются и более широкие — постелистые блоки. Камень сильно разрушается от атмосферных воздействий, отслаивается и выкрашивается, производя впечатление «грубой обработки». Система кладки — полубутовая: стены снаружи и изнутри выложены из каменных квадров, а промежутки заполнены обломками камня на известковом растворе.

Кладка в нижних частях стен носит более правильный характер, чем в верхних: ряды ее горизонтальны, соблюдена перевязка вертикальных швов. В кладке верхних частей порядовка местами нарушена, особенно на западной и северной стенах (неправильные швы, включения кирпича). Кладка апсид — смешанного характера: в старой, первоначальной, заметны включения явно позднейшего происхождения, резко отличающиеся по форме и размерам камней от коренных частей. Довольно правильная кладка барабана (рис. 25) близка по характеру кладке нижних частей стен.

Стены основного четверика и апсид имеют довольно значительный наклон внутрь и энтазис, так что объем храма заметно сужается кверху. Барабан и проемы его окон также немного сужены кверху.

Фасады — без лопаток и лишены какого-либо декора.

На чердаке храма под барабаном сохранился четырехугольный постамент, длина и ширина которого примерно на 83 см превышают нижний диаметр барабана, образуя с каждой из четырех сторон уступы по 38—45 см. Углы постамента скруглены, но при расчистке слоя земли с юго-восточной стороны обнаружены остатки первоначальной кладки его угла. Постамент на чертеже М. Т. Преображенского не указан¹. В слое земли и мусора на сводах храма найдены камни с профилями; среди них — прекрасно сохранившийся камень с килевидным завершением обрамления закомары или, скорее, кокошника (рис. 23 — 3). На южном фасаде, на $\frac{3}{4}$ высоты храма, хорошо виден вделанный заподлицо в стену белокаменный, гладко отесанный блок криволинейного очертания. Он может быть частью тяги обрамления закомары, так как его ширина превосходит ширину упомянутых профилированных камней, найденных на чердаке. Учитывая разный характер кладки в нижних и верхних частях храма, можно предположить, что верхи стен были в позднейшее время переложены, потеряв свой первоначальный вид и завершение. Судя по найденным фрагментам профилированных обрамлений, храм первоначально мог иметь закомарное завершение, быть может, с добавлением декоративных кокошников вокруг постамента барабана.

Основываясь на изложенных данных, сделаем следующие предварительные выводы. Отсутствие точных сведений о дате памятника может быть восполнено данными его технических и архитектурных особенностей. Полубутовая система кладки широко применялась среднерусскими зодчими до

¹ М. Т. Преображенский. Указ. соч., л. II.

конца XV в. Также типична для раннемосковского зодчества целиком каменная, а не мешанная (с примесью кирпича) кладка. При этом размеры и пропорции квадров камня необычайно близки к размерам и пропорциям

Рис. 24. Церковь XV в. в с. Каменском. Вид с северо-востока.

квадров названных выше памятников раннемосковского зодчества. Существенно также отсутствие в церкви с. Каменского железных связей, широко применявшихся в московском зодчестве с конца XV в. Соотношение основного кубического объема и завершающего его мощного цилиндрического

барабана типично для раннемосковских храмов. Сужение оконных проемов барабана напоминает такой же прием в соборе на Городке в Звенигороде и Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. Параболическое очертание арок очень близко к очертаниям арок Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, которая была первым известным владельцем с. Каменского. Весьма вероятно, что постройка здесь храма была произведена теми же зодчими по инициативе властей монастыря.

Рис. 25. Деталь кладки барабана. Церковь в с. Каменском.

Таким образом, есть серьезные основания отнести Никольскую церковь к кругу раннемосковских памятников и предположительно определить время ее возникновения первой половиной XV в. Интерес этого забытого памятника еще более повышается в связи с тем, что он представляет собой уникальный для средней Руси образец своеобразной бесстолпной конструкции здания с опорами в углах — это как бы «вырезка» центральной части крестовокупольного храма. Храмы подобного типа известны в XI—XIV вв. на Балканах, например церковь Пантелеймона в Бояне (XI в.), церковь в Никополе (XIII—XIV вв.) и некоторые другие.

П. А. РАППОПОРТ

ПЕРСИ ПСКОВСКОГО КРОМА

Среди терминов, применявшихся в древнерусских письменных источниках и имеющих отношение к оборонительным сооружениям, особое место занимает термин «перси». Он употреблялся исключительно во Пскове и является, таким образом, чисто местным. В отличие от большинства древнерусских фортификационных терминов значение слова «перси» не только не уточнено, но и не раскрыто даже в самых общих чертах.

В попытках объяснения этого слова исследователи приходили к самым различным, но одинаково необоснованным выводам. Так, Ф. Ласковский объяснял перси как полукруглые выступы с наружной стороны оборонительных стен¹. Толкование явно ошибочное, так как подобные выступы в русских письменных источниках всегда назывались «захабами». Однако в «Фортификационном словаре» В. Шперка объяснение Ласковского не только принимается, но дается в еще более развернутом виде. Здесь этот термин приводится как обозначающий полукруглые выступы стен, предназначенные для фланкирующего обстрела, прообразы капониров и бастей². В такой же трактовке слово «перси» применено и в статье Д. Жеребова и Е. Майкова «Русское военно-инженерное искусство в XVI—XVII вв.», причем из такой трактовки делается даже вывод о том, что Русь на несколько столетий опередила Западную Европу в применении фланкирующих построек — ронделей³.

Однако существуют и другие трактовки. И. И. Срезневский объяснял это слово как парапет или бруствер городской стены⁴. В. Шперк добавлял к этому, что персями или першами назывались иногда зубцы на городских стенах⁵. С. А. Тараканова определяла перси, как «первоначальные каменные укрепления Крома, послужившие фундаментом для крепостных стен»⁶. Наконец, Н. Ф. Окулич-Казарин отмечал, что «некоторые исследователи местной старины считают персями все стены детинца, кроме южной, т. е. граничащей с Довмонтовой крепостью; другие, наоборот, именно только эту южную стену и считают персями»⁷. И. И. Василёв объяснял перси как

¹ Ф. Ласковский. *Материалы для истории инженерного искусства в России*, ч. I, СПб., 1858, стр. 116.

² В. В. Шперк. *Фортификационный словарь*. М., 1946, стр. 70.

³ Сб. «Из истории русского военно-инженерного искусства». М., 1952, стр. 28.

⁴ И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 2. СПб., 1902, стб. 1770.

⁵ В. В. Шперк. *Указ. соч.*, стр. 41 и 70.

⁶ С. А. Тараканова. *К вопросу о крепостных стенах Пскова*. КСИИМК. XIII, 1946, стр. 79.

⁷ Н. Ф. Окулич-Казарин. *Спутник по древнему Пскову*. Псков, 1911, стр. 66.

южную стену Псковского детинца, отделяющую его от Довмонтова укрепления¹.

Для того чтобы правильнее понять, чем же в действительности являлись перси, необходимо тщательно разобрать те летописные тексты, где это слово упоминается. Первое упоминание под 1065 г. можно при этом не учитывать, так как оно, повидимому, является более поздним добавлением летописца².

В тексте, не вызывающем сомнений, перси впервые упоминаются под 1337 г.: «Шолога посадник с мужи псковичи учиниша перси у детинца»³. Затем наступает перерыв более чем на 50 лет и под 1393 г. снова помещено сообщение: «Заложыша псковичи перси у Крома стену каменую»⁴, а в следующем 1394 г. «кончаны быша перси у Крома»⁵. После этого вновь наступает перерыв почти в 30 лет, а в 1421 г. снова псковичи «начаша делати перси у Кромю»⁶. На этот раз строительство продолжалось до 1424 г., когда в летописи отмечено: «Свершены быша перси (или перши) у Крома (или у Кромю)..., а делаша 200 муж пол четверти года и взя у Пскова делу мзды 1000 рублей, а котории плиту жгли взяша 200 рублей»⁷. Через два года в летописи добавлено: «Повесили колоколи на новой стене на персах святой Троицы...»⁸.

После этого перси еще несколько раз упоминаются в Псковских летописях. Так, в 1433 г. от молнии загорелись две башни: «Загореся два костра на Кромю, един в куту города, а други на персах от Великия реки»⁹. В 1452 г. «псковичи урядиша стену камену в городе на Кромю у персеи, от Великих ворот возле всхода до Малых ворот»¹⁰. И, наконец, под 1463 г.: «Того же лета сделаша перси, и колоколы повесиша»¹¹. В 1-й Псковской летописи об этом говорится подробнее: «Того же лета перси совершиша у Кромю, месяца августа в 30, а делаша 80 мужь наймитов по три лета, а взяша дела своего 175 рублей; и колоколницу на стене на персах поставиша ко святой Троице»¹².

Рассмотрев летописные упоминания, мы должны придти к выводу, что термин «перси» применялся исключительно в Псковских летописях, и только по отношению к укреплениям самого Пскова, причем во всех случаях без исключения перси отнесены лишь к укреплениям центральной части Пскова, а иногда даже прямо названы «перси у детинца» или «перси у Крома». Таким образом, перси являлись какой-то частью укреплений, характерной только для Псковского детинца, или, как его обычно называли псковичи, — Крома.

Но, более того, анализ летописных текстов позволяет предполагать, что даже в самом Кроме перси занимали совершенно определенное место — с напольной стороны детинца. Это видно, например, из текста 1452 г., где отмечено, что они были расположены у Великих ворот. Еще яснее это видно из сообщения 1463 г.: «Псковичи почаша делати стену новую на Кромю на

¹ И. И. Васильев. Историко-статистический указатель города Пскова. Псков, 1889, стр. 115.

² Это упоминание персей имеется только в поздних летописях (Новгородская 4-я летопись, Тверская и некоторые другие), в сообщении об осаде Пскова князем Всеславом. Ни в одном из наиболее достоверных списков русских летописей этого сообщения нет.

³ Псковская 1-я летопись, 6845 г. (1337 г.). По изданию «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941.

⁴ Псковская 2-я летопись, 6901 г. (1393 г.). По изданию ПСРЛ, т. V, СПб., 1851.

⁵ Псковская 1-я летопись, 6902 г. (1394 г.).

⁶ Там же, 6929 г. (1421 г.).

⁷ Там же, 6932 г. (1424 г.).

⁸ Там же, 6934 г. (1426 г.).

⁹ Там же, 6941 г. (1433 г.).

¹⁰ Там же, 6960 г. (1452 г.).

¹¹ Псковская 2-я летопись, 6971 г. (1463 г.).

¹² Псковская 1-я летопись, 1673 г. (1465 г.). По изданию ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848.

персех в Доманьтове стене»¹. Таким образом, можно сделать вывод, что под термином «перси» понималась какая-то совершенно определенная часть псковских укреплений, находившаяся с напольной стороны Крома, в черте Довмонтова города. Письменные источники позволяют ответить и на вопрос о том, что же представляли собой эти сооружения.

Несомненно, что персями назывались не отдельные элементы укреплений, не детали крепостных стен, а основная их часть. Тот факт, что перси строились иной раз по два или даже три года подряд (1393—1394, 1421—1424 и 1463—1465 гг.), свидетельствует о том, что это были большие и трудоемкие работы. В летописных записях 1424 и 1465 гг. упомянуты и значительное количество людей, занятых на постройке, и стоимость ее, а об особом значении строительства можно судить по тому, что в 1425 г. была изготовлена специальная печать с надписью: «Печать Псковская тогда и перси свършиша камены»².

Все эти данные позволяют предполагать, что персями назывались не части или детали крепостных стен, а сами стены. В некоторых текстах летописи такое значение этого термина совершенно определенно: персями называлась напольная стена Псковского детинца. В особенности это ясно из варианта сообщения 1424 г., изложенного в Псковской 2-й летописи: «Того же лета кончана бысть стена камена, перси кромскыа, а делаша полчетверта года 200 мужь, а найма взяша 1000 и 200 рублей; и потом поставиша на персях колоколницу, и колоколи повесиша, и 3 года стоявше расподошася перси»³.

Наименование это было, повидимому, таким же собственным именем стены, как и название «Кром» для самого Псковского детинца. Смысл термина, очевидно, объясняется древнерусским значением слова «перси» — грудь⁴. «Перси кромскыа» были напольной оборонительной стеной Псковского детинца, которая защищала его с наиболее угрожаемой стороны и была фасадной стеной, где располагались ворота детинца. С этой стороны, в соответствии с характерной для XIV—XV вв. тактикой осады, можно было ожидать штурма псковских укреплений при нападении врагов⁵.

Перси, действительно, были грудью Псковского Крома.

¹ Псковская 1-я летопись, 6971 г. (1463 г.).

² Н. П. Лихачев. Русские металлические печати. Рукопись в архиве ИИМК, ф. № 35, оп. 2, д. № 444, л. 182, табл. XIII, № 12.

³ Псковская 2-я летопись, 6932 г. (1424 г.).

⁴ В основе понимания термина Ф. Ласковским, повидимому, лежало ошибочное предположение, что перси — женская грудь. В действительности в древнерусском языке перси, как правило, — мужская грудь. См., например, И. И. Срезневский. Указ. соч. стб. 1770.

⁵ П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, 59, 1955, стр. 22—28.

В. В. КОСТОЧКИН

О ДАТИРОВКЕ КРЕПОСТЕЙ
ОСТРОВА И ИЗБОРСКА

Для изучения эволюции древнерусского оборонного зодчества датировка военно-оборонительных сооружений играет первостепенную роль. Однако время построения и реконструкции многих из них, в особенности крепостей Новгородско-псковских земель, до сих пор точно не установлено. В частности, остается нерешенным вопрос о дате уже привлекавших к себе внимание каменных крепостей в Изборске и Острове.

Время возведения Островской крепости в русских летописях не отмечено. Первым древним документом, в котором указывается на существование в Острове каменной крепости, является «Список русских городов», где сказано: «Остров камен»¹. Считая, что существующая редакция «Списка» относится к середине XV в., П. А. Раппопорт предполагает, что Островская крепость построена в первой половине XV в., незадолго до середины столетия². Однако изучение «Списка русских городов» показало, что этот документ, дошедший до нас в рукописи середины XV в., возник в конце XIV в. — в период между 1387 и 1392 гг.³

Следовательно, каменная крепость в Острове существовала уже в конце XIV в., и время ее построения может быть отнесено примерно к середине или третьей четверти этого столетия.

За время своего существования военно-оборонительные сооружения Острова подверглись некоторым изменениям. Правда, П. А. Раппопорт указывает, что в XVI и XVII вв. Островская крепость капитальным и серьезным перестройкам не подвергалась, так как «ни в старых описаниях крепости, ни на сохранившихся ее фотографиях не видно никаких следов перестроек, утолщения стен и пр.»⁴. Между тем это не совсем так.

На чертежах инженер-прапорщика Гаврилы Борзова, снятых с натуры в 1772 г., островские стены и башни изображены двояко; в одном случае они сплошные, а в другом даны в виде двух параллельных стенок с внутренним заполнением⁵. Эта разница не случайна. Непосредственное ознакомление с подлинниками показало, что на опубликованном П. А. Раппопортом плане Г. Борзов совместил данные обмера с реконструкцией. Тем-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 477.

² П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА, № 31, 1952, стр. 184 (прим. 2), 190 и 191.

³ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, вып. 40, 1952, стр. 216—218.

⁴ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 191.

⁵ Там же, см. рис. 38 на стр. 186.

ным он окрасил то, чего в его время уже не было, а светлым, — что при нем еще существовало¹. Следовательно, отбросив части, выкрашенные черным, и выделив светлые, мы получим чертеж Островской крепости примерно в том виде, какой она имела в 1772 г. (рис. 26).

Интересно, что на существовавших фрагментах стен, так же как и в частях стен, дополненных Г. Борзовым, хорошо видна система ритмично расположенных бойниц подошвенного боя. Такие бойницы в Островской крепости не могли быть сделаны во время постройки. Поэтому есть основание говорить о ее позднейшей реконструкции.

О том, что Островская крепость определенным образом изменялась, свидетельствуют и описи XVI—XVII вв., в которых говорится о руинном состоянии двух островских башен в 1585—1587 гг. («и те оби стрелни разбила литовские и немецкие люди»), о восстановлении рассыпавшейся башни и заделке разрушившихся участков стен деревом в 1630—1631 гг. и о существовании, наряду с целой башней, одной ветхой, а другой осыпавшейся в 1698 г.²

Конечно, плохое состояние островских стен и башен в конце XVI и XVII вв. не дает основания считать, что Островская крепость была либо построена заново, либо капитально перестроена. В то время ее разрушенные части были только лишь восстановлены. Из текста описей можно усмотреть, что восстановление производилось на существовавших фундаментах с использованием сохранившихся фрагментов кладки. Однако необходимо отметить, что катастрофическое положение Островской крепости в конце XVII в. свидетельствует о том, что с конца предыдущего столетия она по существу почти не ремонтировалась, а обвалившиеся ее части почти не восстанавливались³. Поэтому участки стен, которые в 70-х годах XVIII в. были снабжены подошвенным боем, могли быть выложены на первоначальных фундаментах значительно раньше конца XVI в. Правда, по мнению П. А. Раппорта, островские укрепления не были перестроены также и тогда, когда после присоединения Псковских земель к Московскому государству были осуществлены работы по переустройству пограничной обороны на северо-западе Руси. В то время (т. е. в конце XV—начале XVI в.), считает он, военно-оборонительные сооружения Острова были еще достаточно боеспособны⁴. С этим можно было бы согласиться, если бы Островская крепость, действительно, датировалась серединой XV в. Между тем каменные стены и башни Острова построены раньше, чем в обороне Москвы были применены первые русские пушки — «тюфяки» (август 1382 г.), и раньше, чем русский народ познакомился с «огненным боем» (март 1376 г.)⁵. Островская крепость была создана также и до того, как артиллерию начали применять ливонские рыцари (1380 г.) и литовские феодалы (1382 г.)⁶. Сле-

¹ Попутно отметим, что контур темных частей Островской крепости на подлинном чертеже Г. Борзова сделан в некоторых местах пунктиром, а заливка внешних половин башен тушью произведена уже после того, как на этих местах были изображены камни берега.

² Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. 6. М., 1914, стр. 457, 460 и 465.

³ Здесь уместно отметить, что до конца XVI в. укрепления Острова были еще в хорошем состоянии; недаром в августе 1579 г. русские силы в ожидании приближения войск Стефана Батория, подошедших к Полоцку, «стояли в городе в Острове» (Русский исторический сборник, т. II. М., 1838, стр. 221, 222 и 231). Резкое же ухудшение состояния этих укреплений, отмеченное в упомянутой выше описи 1585—1587 гг., является следствием осады Острова Баторием в 1581 г., во время которой пушечным огнем были сильно повреждены его крепостные стены и башни (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. СПб., 1867, стр. 57—60).

⁴ П. А. Раппорт. Указ. соч., стр. 190—193.

⁵ В. В. Мавродин. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 99, 100.

⁶ Там же.

довательно, строившиеся в период, когда «огненный бой» еще не применялся, крепостные сооружения Острова не были рассчитаны на сопротивление артиллерии. В связи с этим к концу XV—началу XVI в., когда пушки уже получили широкое распространение, крепостные массивы Острова, существовавшие более ста лет, могли не только обветшать, но и должны были устареть. Следовательно, Островская крепость не могла отвечать шагнувшим далеко вперед военно-техническим требованиям эпохи и едва ли была достаточно боеспособна в это время. Поэтому войдя в 1510 г. вместе со всеми Псковскими землями в состав централизованного Московского государства и оставшись стоять почти на самой границе с Ливонией, крепость Острова должна была быть реконструирована московским правительством

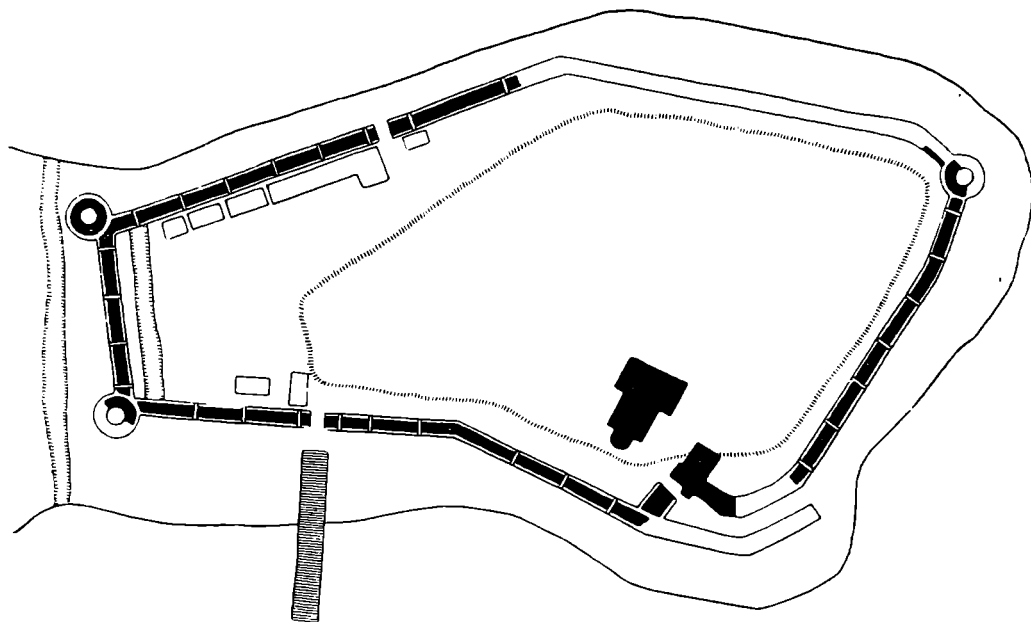

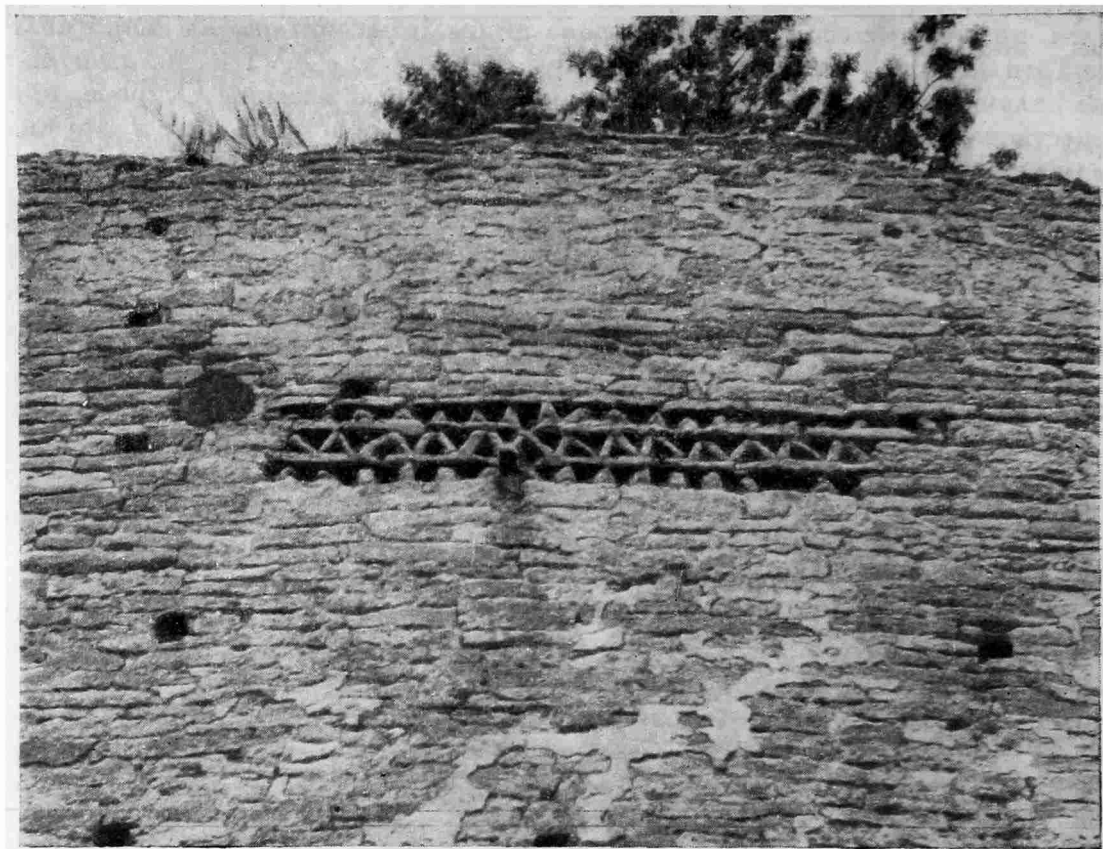
Рис. 26. Остров. План крепости по чертежу Г. Борзова, с выявлением частей, существовавших в 1772 г.

наравне с другими северо-западными пограничными крепостями страны. Это могло оказаться особенно необходимым потому, что в 1512 г., т. е. через два года после окончательного воссоединения Пскова с Москвой, возобновилась война с Польшей и Литвой¹; в этой войне, крепость могла играть определенную роль, так как находилась близко и от литовской границы.

Может быть, участки стен, показанные Г. Борзовым снабженными системой пушечного подошвенного боя, и появились вследствие ее реконструкции в начале XVI в. Это предположение вполне вероятно, так как бойницы подошвенного боя, характерные для памятников русского военного зодчества, выстроенных не раньше, чем в самом начале XVI в., стали устраиваться в русских крепостях тогда, когда пушки получили широкое применение в обороне укрепленных пунктов.

Не исключена, наконец, возможность, что интересующие нас участки стен были приспособлены к применению артиллерии и несколько раньше, примерно во второй половине XV в., до 1510 г., т. е. до окончательного уничтожения самостоятельности Пскова. В это время Псков хотя и был еще независимой феодальной республикой, однако его независимость была по существу формальной, ибо с 1399 г. им управляли князья, назначавшиеся московским великим князем, а в конце XV в. Москва уже оказывала влияние

¹ История СССР, т. 1, 1947, стр. 291, 292.

2

Рис. 27. Изборск. Орнамент (1) и структура (2) восточной стены крепости.

на политическую жизнь этого города, принимала участие в его международных делах и держала в пригородах свои войска¹. Действуя в интересах Москвы и исподволь наступая на псковскую старину, князья с помощью московских войск могли свободно осуществить реконструкцию Островской крепости, стратегическое значение которой и для Пскова и для Москвы было огромно. Реконструкция заключалась, повидимому, в перестройке обветшавших массивов крепости с учетом применения ее в новых условиях городской обороны. Возможно, реконструкция произошла в самом конце XV в. и явилась подготовкой к военным действиям против Литвы, которые Московское государство развернуло совместно с Псковом в 1500 г.²

Таким образом, на чертежах Г. Борзова, — в настоящее время единственных графических документах, наиболее полно характеризующих Островскую крепость, остатки которой безжалостно разобраны гитлеровцами на камень в период временной оккупации Острова, — изображено военно-оборонительное сооружение, реконструированное в конце XV в. и частично возобновленное в начале XVII в. Однако плановая структура его, существенно отличающаяся от структуры военно-оборонительных сооружений конца XV—начала XVI в. и в то же время напоминающая структуру крепостей XIV в., позволяет утверждать, что в основе изображенной Г. Борзовым Островской крепости лежит сооружение XIV в.

По существу так же обстоит дело и с Изборской крепостью. В летописях отмечено, что каменная крепость в Изборске построена псковичами и изборянами в 1330 г., после перенесения города в 1303 г.³ с так называемого Труворова городища или городища Старого Изборска на находящуюся поблизости Жеравью гору. В лето 6838 «Шолога посадник, а со псковичами и со изборяны поставиша град Изборск на горе на Жарави; того же лета и стену оучиниша камену и ровы изрыша под градом»⁴.

Больше никаких сведений о перестройке или усилении крепости в летописях нет. Между тем двухслойная структура почти всех изборских стен наглядно свидетельствует о том, что крепость была существенным образом реконструирована. А. Туулзе относит эту реконструкцию к концу XV в.⁵, а Н. И. Репников, К. К. Романов и П. А. Раппопорт — к концу XV в. и даже к XVI в.⁶ Больше того, относя появление наружного слоя изборских стен ко времени общего усиления северо-западной границы, П. А. Раппопорт считает, что их внутренняя часть не может датироваться 1330 г., и относит ее примерно к XV в.⁷ Однако детальное обследование Изборской крепости, произведенное нами летом 1949 г., позволяет сделать иной вывод.

На внешней стороне восточной стены Изборской крепости есть два отрезка декоративных полос орнамента, выложенных из небольших, не выступающих за плоскость стены, кусков плиты и представляющих как бы дорожки из маленьких треугольных впадинок (рис. 27—1). Напоминающие узкую кайму ажурного шитья на краю большой и гладкой поверхности полотенца, эти орнаменты появились, несомненно, во время усиления крепости. В этом легко убедиться, если ознакомиться с проломом в стене. Здесь хорошо видно, что она состоит из двух частей (рис. 27—2) и что орнаментальные полосы находятся на ее наружной части, являющейся поздней прикладкой.

¹ Н. Н. Воронин Древнерусские города. М.—Л., 1945, стр. 50; В. А. Лавров и П. Н. Максимов. Псков (Сокровища русского зодчества). М., 1950, стр. 21.

² Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 84.

³ «В лето 6811... Того же лета Изборск поставлен бысть на новом месте» (Псковские летописи, вып. 1, стр. 14).

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Tartu, 1942, стр. 307 и 344.

⁶ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 183.

⁷ Там же.

Учитывая, что подобный орнамент широко применялся в псковской архитектуре XV—XVI вв. и в настоящее время сохранился на верхних частях барабанов и апсид многих псковских храмов (например, Василия «с горки», 1413 г., Воскресения в Запсковье, ок. 1500 г., Иоакима и Анны, ок. 1500 г., и др.), можно предполагать, что усиление изборских стен каменными прикладками с внешней стороны производилось не только в XVI в., но и в XV в. Предположение о реконструкции Изборска в XV в. до некоторой степени подтверждается и тем, что на внешней стороне западной стены Псковского кремля, почти в самой верхней ее части,

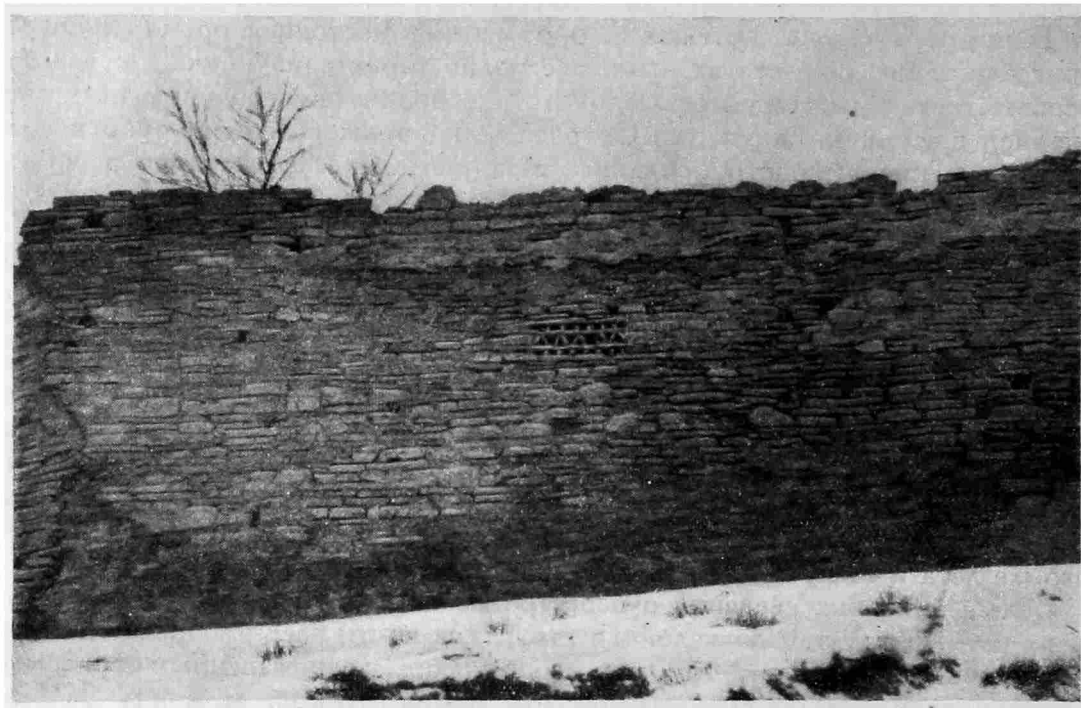

Рис. 28. Псков. Участок западной кремлевской стены, где сохранился орнамент

выложен орнамент (рис. 28), аналогичный орнаментальным полосам на восточной стене Изборска. Западная стена Псковского кремля в 1458 г. надкладывалась в некоторых местах¹, а в 1462 г. частично переклаивалась и также надстраивалась². Следовательно, и орнамент должен быть отнесен либо к 1458 г., либо к 1462 г. Выкладка же подобного орнамента на стенах крепости в Изборске дает возможность считать, что каменная прикладка с наружной стороны изборских стен появилась примерно в это же время. Сходство таких декоративных мотивов свидетельствует, возможно, о том, что усиление стен крепости в Изборске и кремля в Пскове производилось одной и той же бригадой псковских городских мастеров.

Не исключена, конечно, возможность, что реконструкция изборских укреплений была произведена и несколько позже. Так же как и в Острове, она могла быть следствием подготовки к военным операциям, которые Москва и Псков развернули против Литвы сперва в 1500 г., а затем в 1512 г.

¹ «В лето 6966... Того же лета псковичи повелением князя Александра Васи́левича и посадник степенных, надделаша на старую стену новую, звыше старых стен, возле Великую реку, на Креому, своего ради добра, от захобня до Кутняго костра, и даша мастером мзды полторасто рублев» (Псковские летописи, вып. 1, стр. 55).

² «В лето 6970... Того же лета псковичи зъделаша прясло стены от Великие реки на Креому; с тое же стороны и стены надделаша в вышину, возле Великую реку от Костра до Домантове стене» (там же, стр. 62).

Плановая же структура Изборской крепости явно восходит к XIV в. Ее близость к плану Порховской крепости убеждает нас в том, что в основе существующей Изборской крепости лежит постройка 1330 г.¹ Судя по этой структуре, можно предполагать также, что внутренний, наиболее древний слой изборских стен относится к тому же времени, к которому в летописях приурочено построение в Изборске каменной крепости. Правда, ссылаясь на совпадение строительно-технических приемов кладки этого слоя и кладки стен башен, П. А. Раппопорт считает, что время их возведения не могло быть очень отдаленным друг от друга². Однако идентичность этих приемов не может служить в данном случае датирующим признаком, так как техника кладки в древнерусском монументальном строительстве была зачастую традиционной на протяжении ряда столетий. В этом отношении достаточно назвать кладку из плитняка, которая была характерной особенностью новгородского зодчества XIV и XV вв.³

Следовательно, существующая Изборская крепость, в основном, — памятник русской крепостной архитектуры XIV в., реконструированный не позднее, чем на исходе следующего столетия. Упоминание же о некоторых участках захабных стен в описи 1598 г. как о новых показывает, что, кроме реконструкции конца XV в., Изборская крепость частично видоизменялась и в XVI в.⁴

Таким образом, до получения новых документальных данных и производства тщательнейших архитектурно-археологических исследований надо считать, что каменные военно-оборонительные сооружения Острова и Изборска были выстроены в XIV в., а реконструированы в XV в.

---

¹ Ср. рис. 10 и 20 на стр. 154 и 169 в указанной статье П. А. Раппопорта.

² П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 183.

³ См. М. К. Каргер. Новгород Великий (Сокровища русского зодчества). М., 1946, стр. 54; Н. И. Брунов. Архитектура периода феодальной раздробленности. В кн. «История русской архитектуры» (краткий курс). М., 1951, стр. 40.

⁴ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 183.

М. А. БЕЗБОРОДОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ СТЕКЛА И ОГНЕУПОРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

(Химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок)

Существование в древней Руси самостоятельного стекольного производства было впервые доказано В. В. Хвойко, который обнаружил стеклоделательную мастерскую в Киеве, у Десятинной церкви, при археологических раскопках в 1907—1908 гг.¹ При раскопках «обнаружены уцелевшие горны и печи специального устройства», глиняные тигельки, множество кусков разноцветной эмали, а также большое количество сломанных и отчасти расплавленных стеклянных браслетов, колец и бус разных цветов. Найденные образцы стекла, тиглей и печного кирпича никакому химико-технологическому исследованию не подвергались и потому невозможно было судить о составах, свойствах и технологии изготовления стекла и огнеупорных материалов на Руси в домонгольское время.

Как известно, в течение длительного времени в литературе удерживалось мнение, что самостоятельное стеклоделие возникло в России лишь в XVII в., а до тех пор русские люди пользовались привозным стеклом. Впервые эта мысль высказана, повидимому, А. К. Чугуновым в его магистерской диссертации, напечатанной в 1856 г.² Автор писал, что первый стекольный завод в России был устроен шведом — пушечным мастером Елисеем Коэтом в 1635 г., а ранее стекло ввозили из Италии. Так же излагали историю возникновения стеклоделия на Руси В. В. Шмидт³ и С. П. Петухов⁴. Не располагая достаточными данными по истории материальной культуры народов России и находясь в плену реакционных теорий об «отсталости» древней Руси, Н. Аристов считал, что русские люди занимались только торговлей и почти не знали ремесел⁵. По его мнению, стеклянные изделия в те времена привозилась в Россию из Венгрии и Богемии. Н. М. Костомаров⁶ позже писал, что «производство стекла в России началось при Михаиле Федоровиче». Даже в стабильном учебнике по технологии стекла для силикатных факультетов советских вузов, вышедшем

¹ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

² А. К. Чугунов. Исследование стекловаренного производства и современного состояния его в России, Казань, 1856.

³ В. В. Шмидт. Обзор различных отраслей мануфактурных промышленности России, т. I, СПб., 1862.

⁴ С. П. Петухов. Стеклоделие. СПб., 1898.

⁵ Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.

⁶ Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889, изд. 2-е, стр. 257.

в 1939 г., повторялась та же «история» возникновения стекольного производства в России, которую излагал А. К. Чугунов еще в середине XIX в.¹

В недавно вышедшей монографии по истории народного хозяйства СССР П. И. Лященко писал, что стекольный промысел начал самостоятельно развиваться в России в связи со «строительной церковной деятельностью» не раньше XVI в.² Встречались, однако, в литературе и другие взгляды на историю развития нашего отечественного стеклоделия. Изучая древнерусскую химическую терминологию, Н. А. Фигуровский отмечал, что ремесленники и практики-химики хорошо знали, что «стекло — вещь нетлеворная» и широко использовали его для изготовления различных сосудов; это дало автору повод предполагать умение в древней Руси варить стекло³. По сообщению Т. Райнова, стекло изготовлялось на Руси в домонгольское время «грубое и низкосортное, зеленоватого цвета. Из него делались бусы, браслеты, кольца и пр. Посуда из стекла, кажется, отсутствовала»⁴.

Данные советской археологической науки позволили заново пересмотреть существовавшие ранее взгляды на историю развития стеклоделия в России. Важное значение в этом отношении имела монография Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», в которой автор неопровержимо доказал на большом фактическом материале несостоятельность и беспочвенность взглядов о технической «отсталости» и слабом развитии ремесел в древней Руси⁵. Опираясь на данные археологических раскопок В. В. Хвойко и письменные источники (например, слова немецкого монаха Теофила из Падернборнского монастыря и другие материалы), Б. А. Рыбаков показал, что самостоятельное стекольно-эмалевое производство существовало в Киеве уже в домонгольское время.

Работами советских археологов, выполненными за последние годы, установлено, что Киев был не единственным пунктом древнерусского стекольного производства; изготовление стеклянных изделий велось в разных местах древней Руси.

На основании материалов раскопок 1948—1950 гг. В. К. Гончаров высказал предположение, что в XIII в. производство изделий из стекла было в древнем Колодыжине⁶, а также считал возможным существование местного стекольного производства в домонгольское время на Райковецком городище и в древнем Городске⁷.

В 1951 г. М. В. Фехнер в ходе раскопок в Костроме обнаружила существование специальной мастерской стеклянных браслетов также в домонгольское время⁸. Обоснованные предположения о местном производстве стекла в Старой Рязани высказаны А. Л. Монгайтом⁹, а в Новгороде — В. Л. Яниным¹⁰. Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин считают вероятным, что каждый более или менее крупный древнерусский город имел собственное производство стеклянных браслетов, перстней и бус; это предположение, по их мнению, прежде всего относится к большим городам — таким, как

¹ Технология стекла (специальный курс), т. 1, М.—Л., 1939 (глава «Краткий исторический очерк»).

² П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, изд. 3-е, 1952, стр. 202.

³ Н. А. Фигуровский. Древнерусская химическая терминология. Труды Совещания по истории естествознания. М.—Л., 1948, стр. 230.

⁴ Т. Райнов. Наука в России в XI—XVII вв., ч. 1, М.—Л., 1940, стр. 30.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

⁶ В. К. Гончаров. Древний Колодыжин. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 49—53.

⁷ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 129—131.

⁸ М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 106.

⁹ А. Л. Монгайт. Раскопки Старой Рязани. «По следам древних культур. Древняя Русь», 1953, стр. 301.

¹⁰ В. Л. Янин. Великий Новгород. «По следам древних культур. Древняя Русь», 1953, стр. 240.

Новгород и Старая Рязань¹. Ф. Д. Гуревич предполагает, что в Старой Ладге было налажено изготовление стеклянных бус².

Эти предположения и догадки о существовании самостоятельного стеклоделия в древней Руси, стеклоделательных ремесленных мастерских, разбросанных по разным точкам обширного древнерусского государства, неизбежно возникают в результате повсеместных находок бус, браслетов и других стеклянных изделий при археологических раскопках городищ и курганов. Однако образцы стеклянных изделий, производственного брака, стеклоплавильных тиглей и печного кирпича, найденные археологами, не подвергались до сих пор тщательному и систематическому химико-технологическому изучению. Отсутствие данных о составе и свойствах стекол и огнеупоров, о технологических приемах производства, применявшихся сырьевых материалах, красителях и других особенностях техники древнерусского стекольного ремесла весьма снижает ценность находок. Несомненно, что значение работы археолога чрезвычайно возрастет, если она будет постоянно сопровождаться участием технолога, как она ныне сопровождается работой палеонтологов, геологов, антропологов и других специалистов.

В 1951 г. совершенно неожиданно, в результате разрыва водопроводных труб и обвала древних подземных ходов, в Киеве была обнаружена вторая древнерусская стеклоделательная мастерская на территории бывшего митрополичьего сада в заповеднике Киево-Печерской лавры³. Во время раскопок, производившихся Институтом археологии Академии наук УССР под руководством В. А. Богусевича, вскрыты два развала производственных сооружений, среди которых находились остатки двух горнов, куски разноцветной смальты, частично подготовленной в виде мозаичных кубиков, фрагменты оконного и посудного стекла, обломки кирпичей из печной кладки и стеклоплавильных тиглей, иногда с остатками стекла, куски металлического свинца и некоторые другие материалы производства. В. А. Богусевич предполагает, что мастерская работала в конце XI в. и была организована в связи со строительством Успенского собора; в XII в., возможно, она была уже заброшена. Мастерская принадлежала Киево-Печерской лавре, представляла собой «подсобное предприятие» и изготовляла стекло для строительства и бытовых нужд монастыря.

В 1952 г. Институтом археологии Академии наук УССР, под руководством В. И. Довженка, велись раскопки на территории древнего Галича — столяного города Галицкого княжества. Здесь также найдены остатки стеклоделательного производства XI—XIII вв.: куски стекла, обломки тиглей, куски металлического свинца и другие материалы⁴.

Следует отметить, что особенно важны для истории техники стеклоделия находки стекла в самих мастерских и орудий производства, например стеклоплавильных тиглей с остатками стекла, которое варилось в них и не было до конца выработано. Эти образцы служат самым убедительным и неотразимым доказательством существования самостоятельного местного стекольного ремесла. Поэтому они очень интересны и для химико-технологического изучения.

В настоящей статье кратко изложены некоторые результаты исследования различных древнерусских стекол и огнеупоров, ведущегося в течение нескольких лет в Лаборатории технологии стекла и силикатов Белорусского

¹ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 24.

² Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладги. СА, XIV, 1950, стр. 184.

³ В. А. Богусевич. Мастерские XI века по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА, 1954, вып. 3, стр. 14.

⁴ В. И. Довженок. Селища и городища в окрестностях древнего Галича. КСИА, 1955, вып. 4, стр. 12.

политехнического института имени И. В. Сталина по заданию Всесоюзного научно-исследовательского института стекла¹.

II

Химико-технологическое изучение древнерусских огнеупоров выполнено на образцах, предоставленных Институтом археологии Академии наук

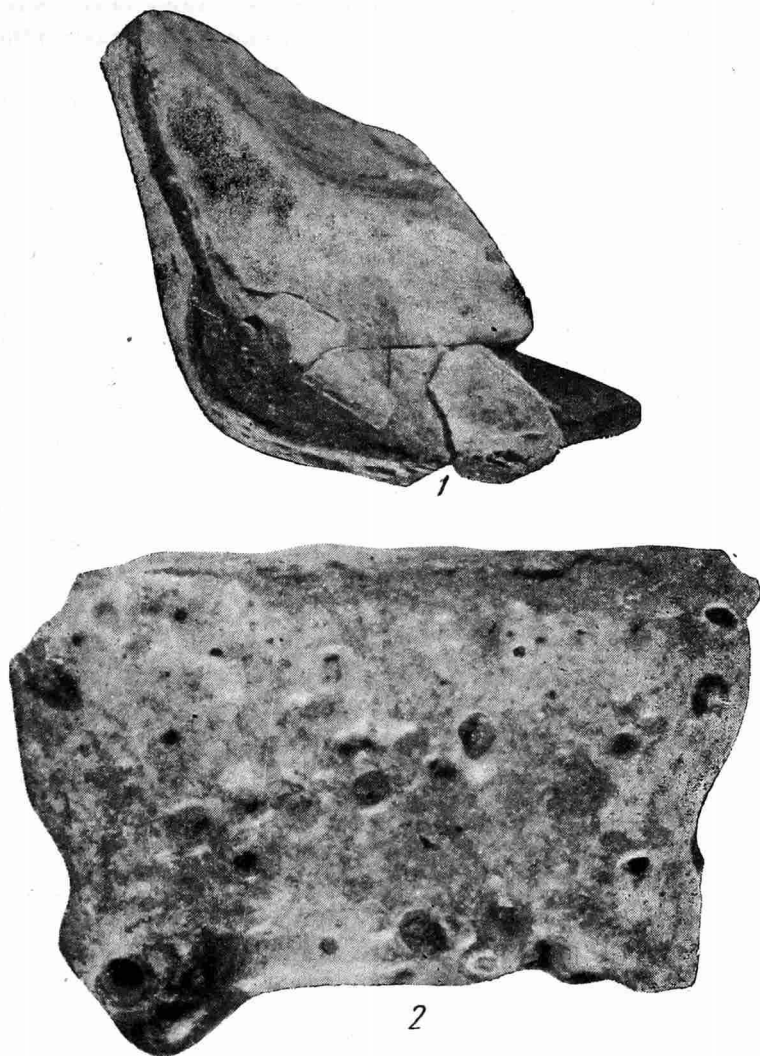

Рис. 29. Фрагмент тигля с остатками двух слоев стекла (1) и обломок огнеупорного кирпича из стекловаренной печи (2).
Стеклоделательная мастерская XI в. в Киеве.

УССР, в виде стеклоплавильных тиглей и печных кирпичей из стеклоделательных мастерских в Киеве и Галиче.

Образец 1 (Киев) — часть боковой стенки и дна стеклоплавильного тигля с остатками стекла, состоящего из двух слоев — темного и светлого (рис. 29—1). Прилегающее непосредственно к тиглю стекло в толще — черного цвета; в тонких слоях на просвет оно темнозеленое. Поверх темного слоя находится светлый, резко и четко отграниченный поверхностью раздела. Стекло верхнего слоя полупрозрачно, слабо просвечивает, так как растрескалось на мелкие кусочки и рассеивает свет; оно светлозеленого цвета. Тигель в изломе — светложелтого цвета, плотно спекшийся; толщина стенки его — 4—5 мм.

¹ Пользуюсь случаем принести благодарность всем организациям и отдельным научным работникам, предоставившим образцы стекол и огнеупоров для химико-технологического изучения.

Уже при внешнем осмотре можно было высказать догадку, что в тигле варили последовательно два разных стекла. Сначала велась варка темно-зеленого, которое было выработано из тигля не полностью; тонкий слой его остался прилипшим к стенкам, как это обычно наблюдается в заводской практике. Очевидно, далее не было потребности в темнозеленом стекле и потому позже засыпали в тигель другую шихту и варили другое, светлое стекло. Химические анализы каждого из слоев показали, что стекла, действительно, разных составов. Анализ тигля, как и последующих образцов, приведен в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Химические анализы древнерусских стеклоплавильных тиглей и кирпичей из стеклоделательных мастерских в Киеве и Галиче

Место находки	Киев (XI в)				Галич (XI—XIII вв.)	
	дно стеклоплавильного тигля	стенка стеклоплавильного тигля	стенка стеклоплавильного тигля	огнеупорный кирпич из стекловаренной печи	дно и стенка стеклоплавильного тигля	дно и стенка стеклоплавильного тигля
Номер образца	1	2	5	7	11	12
Номер анализа	98	78	95	70	86	91
Кремнезем, %	71,46	73,43	72,34	69,87	77,24	79,85
Глинозем, %	25,41	20,58	24,90	26,78	16,62	18,51
Окись железа, %	1,22	2,74	1,62	2,32	2,70	0,29
Окись кальция, %	0,97	0,84	0,72	0,34	0,90	0,84
Окись магния, %	0,57	0,18	0,30	0,60	0,86	0,35
Окись калия, %	Нет	Нет	Нет	—	0,98	—
Окись натрия, %	Нет	2,10	0,30	—	0,93	—
Потеря при прокаливании, %	0,32	—	0,10	—	0,09	0,41
Сумма	99,95	99,87	100,28	99,91	100,32	100,25
Анализы выполняли	А. П. Куранова				А. С. Запорожец	М. А. Вихрева

Образец 2 (Киев) — часть боковой стенки и дна тигля с остатками стекла светлокорицевого цвета. Черепок тигля в изломе — светложелтый, плотно спекшийся. Толщина стенки — около 10 мм, дна — 5—6 мм. Кроме химического состава тигля, определялась его огнеупорность путем пироско-

пов, изготовленных двумя способами. По одному способу пироскоп непосредственно выпиливался в виде пирамидки из тела тигля; в этом случае огнеупорность его оказалась равной 1710° . По другому способу пироскопы изготовлялись согласно стандарту (ГОСТ 4069-48); огнеупорность их составляла 1650 и 1670° .

Образец 5 (Киев) — нижняя часть стенки и часть дна стеклоплавильного тигля из плотно спекшейся глины светложелтого цвета в свежем изломе. Черепок тигля очень плотный. Огнеупорность определялась, так же как и предыдущего образца, двумя способами. Пироскопы, изготовленные согласно стандарту, имели огнеупорность 1670 и 1690° , а выпиленные из тигля — упали при 1690 и 1710° .

Образец 7 (Киев) — фрагмент кирпича из кладки древнерусской стекловаренной печи. Кирпич в изломе светложелтого, местами серого цвета, очень плотно спекшийся. Одной стороной кирпич был обращен к рабочему пространству печи; эта сторона оглазурована стеклом (голубого цвета), попадавшим при выбрасывании («выкипании») стеклянного расплава из тигля во время бурной плавки. Накапливаясь на отвесной стенке, маловязкое стекло, образуя капли и натеки, стекало вниз. На рис. 29 — 2 показан аналогичный фрагмент кирпича из стенки киевской стекловаренной печи, на котором отчетливо видна образовавшаяся провисающая стеклянная капля. Огнеупорность кирпича, определенная на пироскопе по стандарту, составила 1690° .

Химико-технологическое изучение плавильных тиглей и кирпичей из киевской стеклоделательной мастерской XI в. позволяет сделать некоторые заключения о составе и свойствах огнеупоров древней Руси и высказать предположения о сырьевых ресурсах, которыми пользовались ремесленники.

Применяющиеся ныне в стеклянном производстве огнеупорные материалы, как известно, делятся на несколько групп по составу и свойствам. Среди них — так называемые полукислые огнеупоры, изготовляющиеся из полукислых огнеупорных глин. По Н. В. Соломину, к полукислым огнеупорам относятся материалы, имеющие в своем составе от 66 до 82% кремнезема (SiO_2) и от 15 до 30% глинозема (Al_2O_3)¹. Эти материалы применяются ныне для изготовления стеклоплавильных тиглей, ванн, брусев, выполняют ответственную роль при варке стекла и обладают надлежащей огнеупорностью и стеклоустойчивостью. В настоящее время в СССР пользуются, например, глинами Чириковского месторождения Воронежской области, глиной под названием «глинистый балык» Часовьярского месторождения (УССР) и др.

Сравнивая химические анализы стеклоплавильных тиглей и печного кирпича (табл. 1) с анализами современных полукислых огнеупорных материалов можно установить их близкое сходство. Пользуясь современной терминологией, можно утверждать, что древнерусские ремесленники-стеклоделы изготовляли для своих производственных нужд полукислые огнеупорные тигли и кирпич, близкие по своему химическому составу и огнеупорности некоторым сортам наших современных изделий.

Возникает вопрос, — где добывали киевские ремесленники подходящие глины? Ознакомление с минеральными ресурсами близлежащих к Киеву районов позволяет высказать некоторые догадки.

В Киевской области распространены «пестрые» глины, окрашенные в различные оттенки буровато-желтого, охристого, серого и черного цветов; с давних пор ими широко пользуются местные гончары². Выходы пестрых глин есть по обрывам правого берега р. Днепра, по многочисленным оврагам

¹ Технология стекла. Под ред. И. И. Китайгородского. М., 1951 (Н. В. Соломин — глава XIV «Стеклоприпас», стр. 396).

² М. Н. Ключников. Распространение огнеупорных глин на территории УССР. Сб. «Каолины и глины УССР». М., 1940, стр. 237.

и балкам¹. В 1,5 км от Киева и в 4 км от станции Киев II, у с. Совки, находится месторождение пестрых огнеупорных глин². Сходство химических составов этих глин и состава огнеупорных изделий из киевской стеклоделательной мастерской, территориальная близость месторождения к Киеву (в его очертаниях XI в.) позволяют сделать вполне обоснованное предположение, что киевские ремесленники пользовались местными сырьевыми ресурсами для производства огнеупорных изделий и, возможно, в частности, глинами у с. Совки.

Приведем описание двух образцов стеклоплавильных тиглей из галичской стеклоделательной мастерской.

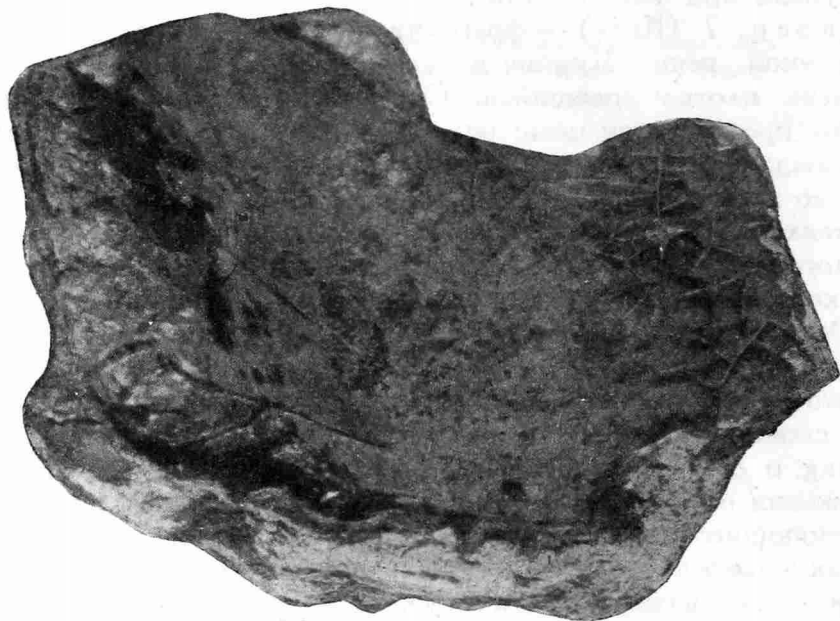

Рис. 30. Фрагмент тигля с остатками стекла. Стеклоделательная мастерская XI—XIII вв. в Галиче.

Образец 11 — большой фрагмент дна и боковой стенки стеклоплавильного тигля с сохранившимся слоем придонного стекла (рис. 30). Черепок в изломе — темносерого цвета, очень плотно спекшийся. Толщина стенки — от 20 до 33 мм. Стекло в массе — черного цвета, в тонких слоях — коричневое; слой его достигает толщины 17—18 мм. Огнеупорность тигля (по пироскопам, выпиленным из стенки) составляет 1630 и 1650°. На основании обмеров фрагмента и некоторых подсчетов можно с известной долей вероятности высказать предположение, что из подобного тигля ремесленники вырабатывали с каждой варки до 10 кг стеклянных изделий.

Образец 12 — небольшой фрагмент дна и боковой стенки тигля с остатками стекла. Черепок в изломе серовато-желтый, очень плотно спекшийся. Стекло — темнокоричневого цвета, а в тонких слоях на просвет — светлое, буровато-желтое.

Химические анализы галичских стеклоплавильных тиглей и определение огнеупорности показывают, что и галичские ремесленники для нужд своей мастерской изготавливали полукислые огнеупорные изделия.

Возможность варки тех или иных стекол как ныне, так и в древней Руси, зависела в значительной степени от стеклоустойчивости и огнеупор-

¹ С. В. Потапенко. Физико-химическое изучение каолинов и глин. Сб. «Каолины и глины УССР». М., 1940, стр. 176.

² А. Д. Федосеев и Ф. А. Зенькович. Глины СССР, ч. II — Месторождения. М.—Л., 1937, стр. 522, С. В. Потапенко. Указ. соч., стр. 179.

ности, механической и тепловой прочности стеклоплавильных тиглей и печного кирпича.

На основе химико-технологического изучения огнеупорных материалов из киевской и галичской мастерских, существовавших в домонгольское время, можно утверждать, что древнерусским ремесленникам были известны полукислые глины как сырьевой материал для изготовления тиглей и огнеупорных кирпичей для постройки стекловаренных печей. Среди самых разнообразных глин, имеющих в природе, ремесленники умели применить в производстве именно огнеупорные глины, что говорит о значительном опыте и практических знаниях. Это умение древнерусских ремесленников служит еще одним бесспорным свидетельством существования самостоятельного стеклодела в древней Руси и значительного развития техники стеклодела и огнеупорного дела в домонгольское время.

III

Кроме огнеупорных изделий, в Лаборатории технологии стекла и силикатов были подвергнуты изучению цветные плитки для мозаики из Киева, Чернигова и Новгорода, бусы — из Калининской и Калужской областей и Рогачева (БССР), браслеты — из Минска, Гродно, Рогачева, Смоленска, Чечерска, Волковийска, Херсонеса, оконное и посудное стекла — из Киева, Вышгорода и разные другие стеклянные образцы — из Галича. Особенно интересны находки из стеклоделательных мастерских в Киеве и Галиче — производственных центров древнерусского стеклодела. Химическое изучение в случае необходимости дополнялось микроскопическим исследованием, которое помогало выяснить влияние почвенных растворов и бактериальной флоры, оказываемое на стеклянный предмет при хранении его в земле в течение многих веков. Результаты некоторых разделов выполненной экспериментальной работы были уже опубликованы¹.

Полученные нами к настоящему времени экспериментальные данные о древнерусских стеклах, основанные на химико-технологическом и микроскопическом изучении 55 образцов, позволяют сделать заключение о том, что русские ремесленники-стеклоделы изготавливали в домонгольское время стекла различных составов в зависимости от назначения изделий и технологических приемов производства. Приступая к изучению техники стеклодела в древней Руси, можно было бы ожидать самых примитивных знаний по изготовлению стекла, учитывая существовавшее долгое время убеждение, что самостоятельное стеклоделие в России возникло лишь в XVII в. Можно было бы, в частности, предполагать, что стеклоделы знали какой-либо один состав, которым они пользовались во всех случаях производства различных изделий, добавляя в шихту лишь красители, чтобы получать стекла разных цветов. Приведенные в таблицах 2—5 типичные химические анализы 30 стекол разных назначений опровергают это предположение. Уровень производственных знаний и ремесленный опыт русских стеклоделов в XI—XIII вв. были уже таковы, что позволяли им изготавливать стекла различных химических составов и разных физических свойств в зависимости от технологии выработки и вида стеклянных изделий.

Химический состав стекла разрабатывается технологом в зависимости от трех главных факторов: 1) требуемых свойств, определяющихся усло-

¹ М. А. Безбородов. Русское стекло XII века. ДАН, 1950, т. 74, вып. 4, стр. 789; М. А. Безбородов и М. В. Фехнер. Химическое исследование русских стекол XI—XIII вв. ДАН, 1954, т. 95, вып. 5, стр. 1037; М. А. Безбородов. Химический состав и технологические приемы производства стекла в древней Руси. ДАН, 1954, т. 97, вып. 4, стр. 1041; его же. Химическое исследование древних русских стекол. Научно-технический бюллетень Института стекла, 1954, № 6, стр. 1; его же. Стеклоделие в древней Руси. «Природа», 1955, № 1, стр. 70.

Химические анализы древнерусских мозаичных стекол XI—XIII вв.

Место находки	Чернигов (1186 г.)					Новгород (XII в.)
	Киев (XI в.)	золотистый охры	зеленое	светло-желтое	печеночно-красное	
Цвет	светло-желтое					желтое
Номер анализа	74	27	28	29	30	31
Кремнезем, %	32,60	17,32	21,95	24,55	28,17	18,33
Двуокись олова, %	3,32	6,12	3,01	5,90	0,81	5,00
Глинозем, %	0,18	0,50	0,49	0,14	0,61	0,08
Окись железа, %	0,12	0,14	0,14	0,08	0,42	0,10
Окись свинца, %	63,01	75,15	72,14	68,17	68,18	75,90
Окись кальция, %	0,20	0,04	0,19	0,10	0,42	0,05
Окись магния, %	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	0,11	0,07
Окись меди, %	—	0,14	1,97	—	—	—
Закись меди, %	—	—	—	—	0,55	—
Окись калия, %	0,69	0,39	0,30	0,68	0,55	0,20
Сумма	100,12	99,80	100,19	99,62	99,82	99,73
Анализы выполняли	Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева			Е. В. Гастева		

биями службы и назначения изделий (цвет, прозрачность и др.); 2) применяющейся технологией изготовления изделий (отливка, выдувание, вытягивание, прессование); 3) наличия тех или иных сырьевых ресурсов для стекольного производства. С учетом этих факторов необходимо подходить и к изучению древнерусских стекол.

В таблице 2 приведены химические анализы мозаичных стекол — цветных непрозрачных стеклянных плиток для декоративной отделки зданий и для мозаичных наборов; этот вид изделий называется часто «смальтами». Здесь мы находим фрагмент стекла лимонно-желтого цвета из раскопок стекольной мастерской в Киеве, которое применялось, очевидно, для изготовления колотой мозаики (анализ № 74); далее — ряд анализов мозаичных плиток разных цветов (анализы № 27, 28, 29, 30); из них был

Химические анализы древнерусских стеклянных бус XI—XIII вв.

Место находки	Калининская область					Калужская область	Рогачев (БССР)
	печеночно-красный	желтый	голубой	фиолетовый	светло-желтый	фиолетовый	голубой
Номер анализа	21	23	24	25	49	35	59
Кремнезем, %	33,68	57,49	52,90	56,12	68,35	53,43	53,06
Двуокись титана, %	} 1,72	0,80	0,90	0,99	0,14	} 1,07	0,18
Глинозем, %					1,81		
Окись железа, %	1,64	0,24	0,38	0,31	0,67	0,71	0,32
Окись свинца, %	60,36	24,67	25,51	23,27	—	24,23	25,50
Окись кальция, %	0,25	0,71	1,24	0,42	9,11	1,92	1,23
Окись магния, %	0,13	0,20	0,05	0,16	3,15	0,97	0,19
Окись меди, %	—	—	2,15	—	—	—	1,97
Окись марганца, %	—	—	CoO = 0,04	1,96	0,83	1,19	0,02
Серный ангидрид, %	—	0,86	1,11	0,53	—	0,57	—
Закись меди, %	0,63	—	—	—	—	—	—
Окись натрия, %	0,73	0,18	1,02	0,93	0,64	1,19	Нет
Окись калия, %	0,51	14,73	14,48	14,44	15,05	15,28	15,84
Сумма	99,65	99,88	99,78	99,13	99,77	100,56	100,08
Анализы выполняли	Э. П. Бильтюкова				Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева	П. Вальчевская	Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева

сложен мозаичный ковер на полу в центральной части Благовещенского собора в Чернигове, оконченного постройкой в 1186 г.¹ И, наконец, — анализ

¹ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. «По следам древних культур. Древняя Русь», 1953, стр. 96.

Химические анализы древнерусских стеклянных браслетов XI—XIII вв.

Место находки	Минск (БССР)			Гродно (БССР)		Рогачев (БССР)			Смоленск (РСФСР)	
	черный	черный	зеленый	черный	фиолетовый	голубой	зеленый	фиолетовый	зеленый	черный
Цвет изделий										
Номер анализа	9	53	61	39	—	40	60	62	65	66
Кремнезем, %	58,19	54,22	53,12	51,05	52,68	52,02	53,05	54,04	31,67	28,20
Двуокись титана, %	0,17	—	0,21	} 11,36	} 1,85	0,20	0,42	} 0,84	1,41	1,60
Глинозем, %	0,54	1,69	0,91			0,90	0,63			
Окись железа, %	4,37	} 0,17	2,64	} 16,66	} 0,22	0,31	0,49	} 0,32	0,76	3,41
Закись железа, %	3,54					0,41	0,86		0,09	0,33
Окись свинца, %	11,10	26,28	26,42	—	21,49	24,97	24,84	25,31	63,46	63,69
Окись кальция, %	1,70	1,88	0,82	2,79	3,50	1,41	1,31	1,20	0,20	0,44

Таблица 4 (окончание)

Место находки	Минск (БССР)			Гродно (БССР)		Рогачев (БССР)			Смоленск (РСФСР)		
	черный	черный	зеленый	черный	фиолетовый	голубой	зеле- ный	фиоле- товый	зеленый	черный	
Окись магния, %	0,34	0,28	0,16	1,26	3,24	0,20	0,07	0,06	0,36	0,16	
Окись меди, %	—	—	—	—	—	1,17	1,68	—	—	—	
Окись марганца, %	0,08	1,50	0,12	—	0,54	0,71	—	2,40	—	—	
Серный ангидрид, %	—	0,86	—	0,29	—	—	—	0,98	1,02	1,26	
Окись натрия, %	0,67	1,35	0,09	3,46	} 16,23	0,52	0,25	1,74	0,83	0,85	
Окись калия, %	19,09	11,40	15,80	12,80		17,23	16,62	12,83	Нет	Нет	
Сумма . . .	99,79	99,63	100,29	99,67	99,75	100,05	100,22	99,72	99,80	99,94	
Анализы выполняли	Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева		А. П. Куранова	Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева		А. П. Куранова	Т. Лейзеров и Э. Питковская		Э. П. Бильтюкова и Е. В. Гастева		А. П. Куранова

Химические анализы древнерусских оконных и посудных стекол

Стекла	Оконные		Посудные			
	Киев		Киев		Вышгород	
Место находки	Киев		Киев		Вышгород	
Номер анализа	111	112	110	114	117	22
Кремнезем, %	55,70	52,74	62,20	55,40	56,02	58,05
Глинозем, %	2,20	1,53	4,22	2,47	0,82	0,77
Окись железа, %	0,12	0,10	0,35	0,09	0,07	0,55
Окись свинца, %	23,33	27,37	—	22,45	25,16	—
Окись кальция, %	2,88	1,40	18,35	1,42	1,52	18,57
Окись магния, %	0,58	0,40	1,17	0,11	0,25	3,33
Пятиокись фосфора, %	—	—	—	—	—	4,41
Окись марганца, %	—	—	—	—	—	0,74
Серный ангидрид, %	0,47	0,65	0,52	0,53	0,32	0,33
Окись натрия, %	2,17	1,76	5,53	1,70	1,46	0,20
Окись калия, %	13,13	13,99	7,26	15,71	14,41	13,55
Сумма . . .	100,58	99,94	99,60	99,88	100,03	100,50
Анализы выполнены	А. П. Куранова		А. П. Куранова		Н. Лихницкая и Э. П. Бильтюкова	

(№ 31) облицовочной желтой плитки из Новгорода; датируется она XII в.

Все облицовочные плитки изготовлялись из весьма легкоплавкого много-свинцового стекла по способу литья. Отливка могла производиться в металлические или керамические формы. Стекло применялось очень простое по химическому составу и содержало кремнезем и окись свинца; для придания непрозрачности («глухоты») и большей световой отражательной способности добавлялась окись олова; окраска стекла достигалась введением в шихту красителей (окиси меди, закиси меди).

Таблица 4 содержит химические анализы другого типа древнерусских изделий из стекла, отличающихся от мозаичных по составу, назначению

и способу выработки. В ней собраны анализы разноцветных браслетов, которые вырабатывались из стеклянных палочек, изготовлявшихся по способу вытягивания из вязкой, размягченной массы.

Применение способа вытягивания при изготовлении браслетов доказывает наличие в стекле мелких пузырьков эллиптической или остроконечной формы и расположенных своей длинной осью по направлению вытягивания палочек¹. Химические анализы показывают, что для изготовления браслетов древнерусские стеклоделы варили калийно-свинцовые силикатные стекла и составляли шихту из кварцевого песка, окиси свинца и поташа. Попутно интересно отметить для сравнения, что современное трубчатое радиоламповое стекло фабрики «Филипс» (Голландия, 1928 г.), вырабатываемое также вытягиванием в виде палочек и трубок, очень близко по составу к древнерусским стеклам для браслетов². В качестве красителей применялись соединения железа, марганца и меди. Один образец (анализ № 39) составляет исключение — стекло бессвинцовое и отличается очень большим содержанием окиси железа и глинозема; можно предполагать, что для его изготовления была составлена шихта, содержащая шлак от плавки железа в смеси с золой или поташом. Формование браслетов из стеклянных палочек производилось путем вторичного нагрева их в пламенном пространстве печи (или горна) и загибании вокруг круглой формы. О приемах формования стеклянных колец упоминает Теофил в главе XXXI своей записки *Diversarum artium schedula*³. Весьма вероятно, что этим же приемом пользовались и в древней Руси.

Химические анализы древнерусских бус представлены в таблице 3. Как видно, стекло для бус такое же, как и для браслетов, — калийно-свинцовое силикатное. Только печеночно-красное стекло содержит примеси калия; в состав шихты вводились лишь кварцевый песок и окись свинца, а печеночно-красный цвет и непрозрачность достигались добавкой небольших количеств медных опилок или красной медной окалины. Это стекло подобно печеночно-красному мозаичному стеклу (табл. 2, № 30). Бусы выделывались из заранее заготовленных палочек, путем прессования. Размягченный на огне в печи (или горне) под влиянием высокой температуры конец стеклянной палочки быстро помещался в двузубые щипцы или формочку и отпрессовывался по заданным очертаниям⁴.

Кроме мозаичного стекла, браслетов и бус в древней Руси изготовлялась посуда и оконные стекла. Фрагменты посудного и оконного стекла встречаются в больших количествах при археологических раскопках; они найдены, в частности, и при раскопках стеклоделательной мастерской в Киеве в 1951 г. В таблице 5 приведено несколько анализов посудных и оконных стекол из Киева и Вышгорода (из раскопок Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера и В. И. Довженка). По этой таблице можно установить, что древнерусские ремесленники пользовались тремя типами составов. К одному из них могут быть отнесены стекла, анализы которых помещены под № 111, 112, 114 и 117; это калийно-свинцовые силикатные стекла, подобные тем, из которых изготовлялись браслеты и бусы, о чем

¹ М. А. Безбородов. Русское стекло XII века. ДАН, т. 74, вып. 4, 1950.

² М. А. Безбородов и С. И. Королев. Производство стеклянных трубок М.—Л., 1932, стр. 8.

³ М. В. Фармаковский. Римские стекловаренные печи. Известия Института археологической технологии, 1922, Пгр., вып. 1, стр. 142.

⁴ В цитированной ранее статье М. В. Фармаковский ссылается на греческого писателя II в. нашей эры Месомеда, который, повидимому, описал в своей поэме процесс формования бус. Вот несколько строк поэмы в русском переводе: «...Мастер принес стекло, разбив его. Он вложил в огонь комок крепкий, как железо. Стекло же вытекало подобно воску, расплавленное всепожирающим огнем... Он вкладывает комок в концы двузубых щипцов». (Подчеркнуто нами. — М. Б.) «Римские стекловаренные печи», стр. 130—131.

упоминалось ранее. Ко второму типу принадлежит стекло (анализ 110) бес-свинцовое щелочно-кальциевое силикатное, для которого шихта составлялась из золы, кварцевого песка и, может быть, легкоплавкой глины. К третьему типу относится стекло (анализ № 22), близко примыкающее к стеклам второго типа. Оно содержит дополнительное заметное количество пятиоксида фосфора; для варки его применялись, вероятно, кварцевый песок, древесная и костяная зола.

Посудное и оконное стекло вырабатывалось по способу выдувания. На рис. 31 изображен стеклодув, в момент выдувания им наборки стекла при помощи выдувальной трубки; рисунок заимствован из рукописи Храбануса-Мауруса (Hrabanus-Maurus), относящейся к 1023 г.¹

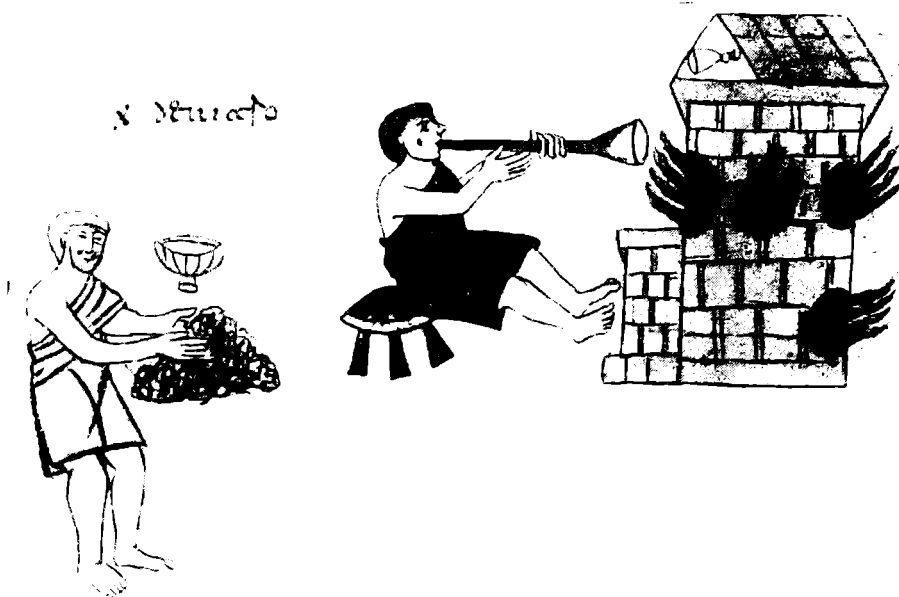

Рис. 31. Стекловаренная печь по Храбанусу-Маурусу, 1023 г.

Выдувание стекла было освоено, повидимому, позже, чем некоторые другие приемы его обработки (вытягивание, литье, прессование); принято считать, что в средиземноморских странах оно стало применяться не ранее, чем в 20 г. до н. э. Б. Нейман доказал, что в Вавилоне (в Ниппуре) изготовлялись при помощи выдувания крупные стеклянные сосуды значительно ранее — около 250 г. до н. э.² Таким образом, к XI в. стеклоделие давно уже знало такой способ выработки. Нет оснований сомневаться, что он был известен в древней Руси и что ремесленники пользовались им при изготовлении посуды и оконного стекла.

Обсуждая вопрос о находках древнего оконного стекла на Западе, Х. Шульц сообщает, что от «шайб», изготовленных до 1000 г., не сохранилось остатков, по которым можно было бы составить какое-либо мнение о составе и свойствах тогдашнего оконного стекла³. Старейшие сохранившиеся образцы, по Х. Шульцу, относятся к началу XI в. Эти «шайбы» малы; они не превышают по диаметру 19 см; толщина стенки их весьма неодинакова и заключается в пределах от 2,5 до 6 мм. По мнению автора, они изготовлены «лунным» способом.

¹ H. Schulz. Die Geschichte der Glaserzeugung. Leipzig, 1928, стр. 25.

² B. Neumann. Antike Gläser. «Zeitschrift für angewandte Chemie», 1928, N 41, стр. 204.

³ H. Schulz. Указ. соч., стр. 26.

Полученные нами для химико-технологического изучения образцы древнерусских оконных стекол из археологических раскопок в Киеве и Вышгороде представляют собой пластинки в виде круговых сегментов или другой — неправильной — геометрической формы, но имеющей непременно одну сторону в виде дуги. Весьма характерно, что все такие пластинки всегда имеют на стороне дуги загнутый край — бортик, ширина которого равна примерно 5—10 мм. Толщина пластинок неодинаковая — в пределах от 1 до 3 мм. Цвет стекла светлозеленый. Наличие у фрагментов оконного стекла одной стороны в виде дуги, загнутого края — бортика, дуговых рельефных полос и линий «неоднородностей» на поверхности пластинок — следов от выработки стекла — позволяют высказать догадку что и древнерусские ремесленники применяли «лунный» способ¹.

Изготовленное по лунному способу стекло представляло собой круглый лист («шайбу») с отогнутым краем, который, очевидно, отгибался намеренно с целью придать повышенную прочность пластине: он играл роль «ребра жесткости». По приблизительным нашим подсчетам, исходя из размеров имеющихся фрагментов, диаметр оконных стекол достигал 200—250 мм.

Очень важны химические анализы стекол в связи с попытками найти локальные особенности их, определяющиеся прежде всего местными сырьевыми ресурсами, бывшими в распоряжении стеклоделов. Необходимо располагать, конечно, весьма значительным экспериментальным материалом, характеризующим химическую природу древних стекол, изготовлявшихся в разных странах древнего мира, чтобы сделать вполне обоснованные и надежные обобщения. Эта нужная и важная для исторической науки работа начата недавно и должна далее вестись химиками и технологами в сотрудничестве с археологами. Несмотря на небольшой еще материал, можно и в настоящее время подметить некоторые местные особенности древнерусских стекол. Прежде всего следует обратить внимание на содержащиеся в стеклах щелочные компоненты — калий и натрий. Все древние стекла, за немногими исключениями, содержат оба щелочных компонента, но в различных количественных соотношениях в разных случаях. Если обратиться к анализам (табл. 2—5), можно подметить, что все стекла калийные; в них преобладает окись калия, а окись натрия находится в подчиненном положении и может рассматриваться лишь как примесь; она попадает в состав стекла неизбежно вместе с другими сырьевыми материалами, но намеренно не вводится. Калийный состав древнерусских стекол легко объясняется тем сырьем, которое применялось для введения щелочных компонентов в шихту. Щелочи вводились в нее либо золой, либо поташом, получавшимся из той же золы. Мы показали ранее, вопреки существовавшим взглядам, что поташ изготовлялся русскими ремесленниками уже в XI—XIII вв.² Древесная зола континентальных растений — калийная³; она была вполне доступна древнерусскому стеклоделу. Значительно позже — на протяжении XIII, XVIII и даже XIX вв. — древесная зола все еще является существенным источником введения щелочей при стекловарении.

Иной состав иностранных древних стекол. Б. Нейман, А. Лукас, Э. Цшиммер, П. Рой и И. Варшней публикуют в своих работах большое число анализов. Б. Нейман привел 100 анализов стекол, датированных от 1500 г. до н. э. до IV в. н. э. и найденных при археологических раскопках в Египте (Тель-эль-Амарна, Элефантин, Фивы и др.), Александрии, Иудее, Византии, Месопотамии (Самарра), Ассиро-Вавилонии (Ниппур);

¹ С. П. Петухов. Указ. соч., стр. 222 и сл.

² М. А. Безбородов и М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 1039.

³ Е. Цинзерлинг. О золе растений, применявшейся в стекловарении в XI—XIII вв. Изв. Института археологической технологии, вып. 1, 1922, Пгр., стр. 177 и сл.

римских стекол из района Майнца, Кельна, Сакрау и др.¹ А. Лукас публикует 33 анализа древних египетских и арабских стекол — от XX в. до н. э. до XII в. н. э.² Э. Цшиммер сообщает 5 анализов египетских и римских стекол, заимствованных им у Муспрата и Бенрата³. П. Рой и И. Варшней рассказывают о раскопках стеколделательной мастерской V в. до н. э. в Копия (Индия) и указывают анализы 8 древнеиндийских стекол⁴.

В приведенных работах в общей сложности помещено 146 анализов древних стекол. Все эти стекла, как оказывается, — натриевые; в них преобладает окись натрия, тогда как окись калия занимает второстепенное положение и должна расцениваться как примесь.

Несомненно, натриевый состав стекол также должен объясняться применявшимся щелочным сырьем в перечисленных странах. Известно, что зола морских и прибрежных растений — натриевая. Среди образцов древних стекол, найденных археологами на территории древнерусского государства и подвергнутых нами химико-аналитическому изучению, оказалось несколько стекол также натриевых; можно предполагать, что они импортные либо были изготовлены в виде исключения из золы отечественных прибрежных растений. Повидимому, для выделки натриевых стекол ремесленники пользовались такой золой. Дальнейшее химико-технологическое изучение древних стекол позволит установить, насколько оправдывается определенный нами локальный отличительный признак русских стекол XI—XIII вв.

Таким же локальным признаком, повидимому, может служить содержание в древних стеклах кобальта, сообщающего им синюю окраску. Среди 100 изучавшихся Б. Нейманом стекол не оказалось образцов, содержащих кобальт. Нами было встречено лишь одно стекло из 55 образцов, оказавшееся натриевым (в виде синих бус), содержавшее 2,46% окиси кобальта. Вероятно, кобальт содержат те древние стекла, которые изготовлялись на Востоке (Иран, Кавказ).

При сопоставлении анализов, представленных в таблицах 2—5, обращает на себя внимание большое сходство химических составов в образцах, найденных при раскопках в различных географических точках⁵. Так, например, сходны желтые мозаичные стекла из Новгорода и Чернигова (табл. 2, № 27 и 31); печеночно-красные стекла из Калининской области (табл. 3, № 21) и Чернигова (табл. 2, № 30); фиолетовые бусы и браслеты из Калининской и Калужской областей (табл. 3, № 25 и 35), Гродно и Рогачева (табл. 4, № 62 и без номера); голубые бусы из Калининской области (табл. 3, № 24) и Рогачева (табл. 3, № 59); зеленые браслеты из Минска (табл. 4, № 61) и Рогачева (табл. 4, № 60) и др. Эти явления, разумеется, — не случайного порядка и заставляют высказать некоторые догадки. Причины этому не только следует искать в одной торговле, но и сделать предположение либо о переносе производственного опыта и рецептуры от одних стеклоделов к другим, либо о существовании двух типов стеклоделательных мастерских в древней Руси. В более крупных мастерских, находившихся в больших городах (Киев, Галич, Кострома, Новгород, Старая Рязань и др.) и варили стекло, — начиная от самих сырьевых материалов, — и формовали его здесь же в виде готовых изделий (бусы, браслеты,

¹ В. Neumann. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Färbung. «Zeitschrift für angewandte Chemie», 1925, № 38, стр. 776—780 и 857—864; 1927, № 40, стр. 963; 1928, № 41, стр. 203; 1929, № 42, стр. 835.

² A. Lucas. Ancient egyptian materials and industries. Third edition. London, стр. 537—540.

³ E. Zschimmer. Theorie der Glasschmelzkunst. Jena, 1923, Bd. 1, стр. 20.

⁴ P. Roy and V. P. Varshney. Ancient Kopia glass. «Glass Industry», 1953, vol. 34, N 7, стр. 366.

⁵ М. А. Безбородов. Химический состав и технологические приемы производства стекла... стр. 1044; его же. Стеклоделие в древней Руси, стр. 70.

бокалы, плитки и оконные стекла); в других мастерских, меньшего масштаба, находившихся в небольших поселениях, занимались только формированием изделий из полуфабрикатов, в виде стеклянных палочек или стеклянного боя, получавшихся из крупных мастерских. Известно, что стеклянный бой служил даже предметом торговли между отдельными странами (например, Венеции и Сирии и т. п.)¹. Более крупные мастерские тогда можно рассматривать как прототип стекольных заводов, а мелкие — как прототип современных стеклодувных цехов, в которых нет варки и ведется выработка изделий только путем обработки стекла-полуфабриката, доставляемого с завода.

---

¹ А. Н. Кубе. Венецианское стекло. Пгр., 1923, стр. 64, 65.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. МОСКАЛЕНКО

РАСКОПКИ НА АРХАНГЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

в 1952—1953 гг.

В 1952—1953 гг. Воронежский университет проводил раскопки на Архангельском (Гольшевском) городище, которое расположено на правом берегу Дона, примерно в 60 км к югу от г. Воронежа, на окраине с. Архангельского Гремяченского района¹.

Городище занимает два отрога коренного берега и часть плато. Северный отрог укреплен двумя валами и рвами, южный — одним. Плато, прилегающее к отрогам, окаймляется огромным валом (протяжением до километра) и двумя рвами. Кроме того, эта часть городища укреплена еще поперечными валом и рвом, которые делят ее на две неравные части (рис. 32).

Во время предварительного обследования в 1949—1950 гг. выяснилось, что на городище, кроме материалов культуры боршевского типа², о чем было известно ранее, есть вещи, относящиеся к культуре эпохи бронзы и раннего железного века (середины I тысячелетия до н. э.)³.

Главной целью раскопок 1952—1953 гг. являлось выяснение характера культуры раннего железного века, ибо поселения этого времени в бассейне верхнего и среднего Дона до сих пор не только не изучались, но почти не были известны, и заключение о жизни людей в ту эпоху приходилось делать лишь на основании раскопок курганов («Частых», Мاستюгинских и др.), и по случайным находкам⁴.

Вместе с тем в задачу входило и изучение новых материалов, характеризующих славянскую культуру боршевского типа, многие вопросы развития которой остаются также неясными.

¹ В 1952 г. экспедицию частично финансировал Воронежский областной музей краеведения. В раскопках, кроме автора сообщения, участвовали: сотрудник музея А. В. Музалев, учитель истории Н. М. Анучин, студенты Воронежского университета.

² Следует указать, что принятое в археологической литературе написание «боршевская культура» не точно, ибо село, на территории которого находится известное городище, называется Борщёво, а не Боршево. Огласовка слова Бóршево (твердость шипящего), как сообщила нам знаток местных говоров доцент Воронежского гос. университета В. И. Собиинникова, является одной из особенностей местного диалекта.

³ А. Н. Москаленко. К вопросу об изучении Гольшевского городища. Воронежский государственный университет. Научная конференция 1950 г. Секция историко-филологическая. Воронеж, 1950, стр. 23 и сл.; е е же. Архангельское (Гольшевское) городище. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 103—106; е е же. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 107.

⁴ Сводка указанных курганных материалов дана в кандидатской диссертации А. Ф. Шокова «Скифский период на среднем Дону», защищенной в Ленинградском университете в 1950 г.

Основные работы велись на северном мысу городища, где была вскрыта площадь свыше 1000 кв. м. Мощность культурного слоя равняется в среднем 0,5—0,6 м. Вся его толща однородна; она представляет собой чернозем с меловой щебенкой — продуктом разрушения материкового мела, подстилающего культурный слой.

В культурном слое встречены остатки деревянных наземных построек, хозяйственные ямы, фрагменты керамики, кости животных, поделки из глины, мела, камня, железа, бронзы, кости и рога.

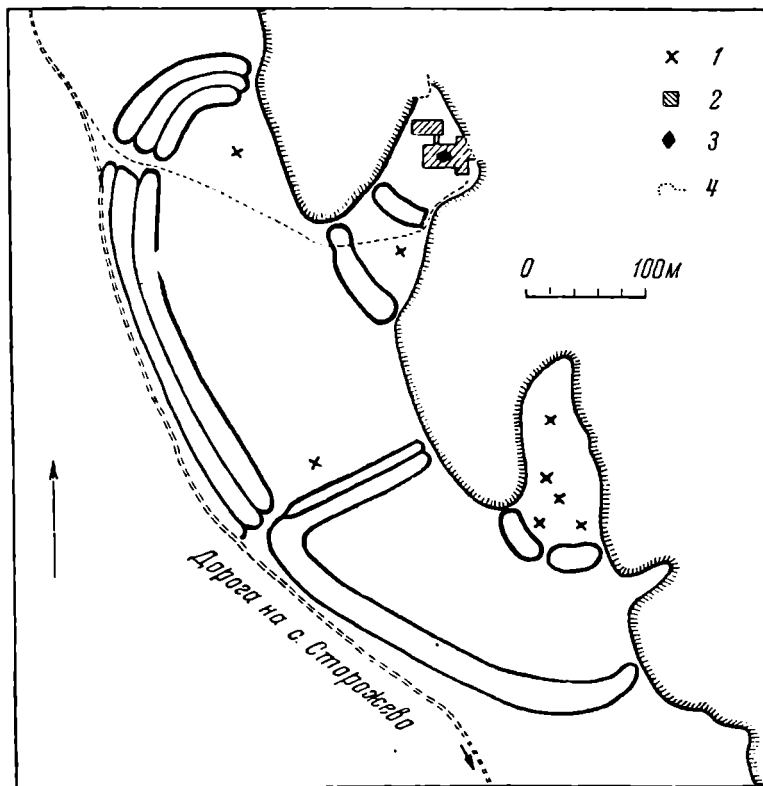

Рис. 32. План Архангельского городища.

1 — шурфы; 2 — раскоп; 3 — столбовая постройка; 4 — граница мелового карьера.

Анализ керамики и других находок свидетельствует о наличии в культурном слое материалов двух периодов: славянской культуры боршевского времени (VIII—X вв. н. э.) и культуры раннего железного века (середины I тысячелетия до н. э.). Однако стратиграфически они не расчленяются, что затрудняет изучение городища. Отметим, что вещи боршевского типа преобладали лишь на северном участке раскопа, а на остальной его площади попадались преимущественно в верхней части культурного слоя (0,2—0,3 м). В нижних слоях найдены почти исключительно предметы, датируемые I тысячелетием до н. э.

Керамика I тысячелетия до н.э. представлена фрагментами посуды местного изготовления. Сосуды вылеплены из хорошо промешанной плотной глины без примеси шамота или с незначительной его примесью.

Наиболее характерными типами посуды являются: 1) миски с загнутым внутрь краем; их наружная поверхность несет иногда следы лощения, а на одном экземпляре встречен врезной орнамент из треугольников (рис. 33—6); 2) горшки с немного шероховатой поверхностью; край венчика их чаще всего оформлен защипами или украшен продолговатыми вдавлениями, ниже которых нередко располагаются сквозные отверстия

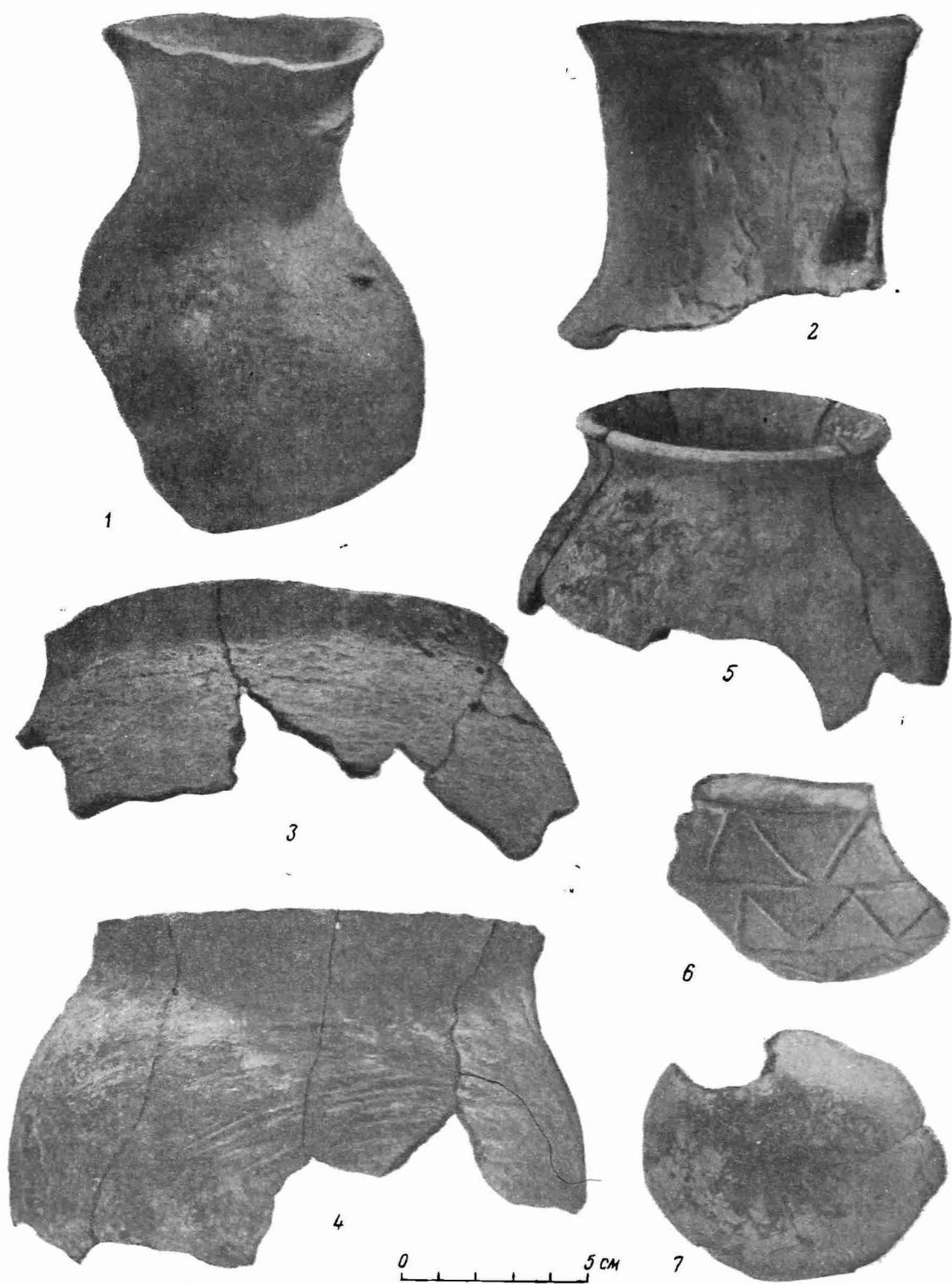

Рис. 33. Керамика середины I тысячелетия до н. э. с Архангельского городища.
 1, 2 — кувшины; 3—5 — горшки; 6 — миска; 7 — шарообразный сосуд.

(рис. 33 — 3, 4); днища обычно с выступом¹; 3) горшки со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 33 — 5); 4) кувшины с ручкой (рис. 33 — 1, 2); 5) шарообразные сосуды (рис. 33 — 7). Посуда двух последних типов имеет слегка лощеную поверхность. Сосуды типов 3, 4 и 5-го представлены, к сожалению, лишь единичными находками.

Указанные типы (за исключением шарообразного) хорошо известны среди керамики памятников середины I тысячелетия до н. э. днепровского левобережья и Северного Донца².

Однако при общих чертах с керамикой этих районов посуда Архангельского городища обладает некоторыми местными особенностями. От керамики с берегов Сейма она отличается несколько более грубой фактурой. Нет той плотности, сухости и звонкости, которая присуща сейминской керамике. В орнаментальных украшениях посуды с Архангельского городища отсутствуют наколы горошинами, характерные для Посулья. Относительно широкое распространение лощения отличает керамику городища от керамики с Северного Донца.

Нами встречены также единичные фрагменты сосудов с наlepным валиком, относящиеся к более раннему времени.

К привозным керамическим изделиям относится несколько фрагментов стенок амфор и сосудов городецкого типа.

Железные предметы, датируемые I тысячелетием до н. э., представлены 3 ножами (рис. 34 — 7). Их характерной особенностью является изогнутость спинки. На одном ноже видны следы костяной рукоятки. Подобные ножи найдены в Зуевском и Луговском могильниках, а также на Конецгорском селище³.

Наиболее интересная поделка из рога — псалий с двумя отверстиями (рис. 34 — 1). Псалии подобного типа датируются серединой I тысячелетия до н. э. находка заготовки для подобных псалиев (рис. 34 — 2) говорит о том, что они изготовлялись на городище.

К I тысячелетию до н. э. относятся 1 обломок и 3 целых каменных песта, возможно, от зернотерок (рис. 34 — 6), напоминающие песты с Конецгорского селища⁴.

Из предметов, найденных в нижней части культурного слоя, интересен цилиндр из трубчатой кости, украшенный циркульным орнаментом (рис. 34 — 4). Длина его — около 3 см, диаметр — 2, 5 см. На одной из стенок — отверстие. Назначение вещи непонятно. Там же обнаружены обломок мотыги из рога лося (рис. 34 — 3), несколько фрагментов рога со следами обработки (рис. 34 — 8) и различные пряслица, которых на городище найдено свыше сорока. Среди них конусообразные, усеченные, биконические усеченные, круглые (рис. 34 — 9) и другие. Особенно интересно одно биконическое слегка усеченное пряслице. Оно вылеплено из хорошо промешанной глины и покрыто черным лощением (рис. 34 — 5).

Следует отметить, что близкие по форме пряслица встречаются и в верхней, и в нижней части культурного слоя. Поэтому четко определить отношение их к культурам раннего железного века и боршевского времени невозможно.

¹ Керамика этого типа опубликована мною также в КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 105, рис. 33.

² В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV, 1950, стр. 39, табл. II; е е же. Городище скіфського часу на р. Сеймі. «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 116, табл. II. Сообщение Б. А. Шрамко на VII конференции Института археологии УССР о раскопках поселения в с. Островеверховке Змеевского района Харьковской области.

³ А. В. Эбруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XII, рис. 6, 7; табл. XLVI, рис. 13—15.

⁴ А. В. Эбруева. Указ. соч., табл. XI, рис. 5.

Остеологический материал из нижней части культурного слоя определен В. И. Цалкиным. Здесь встречены кости домашних и диких животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней, благородных оленей, лосей, косуль, кабанов, медведей, лис и зайцев), а также отдельные кости рыб.

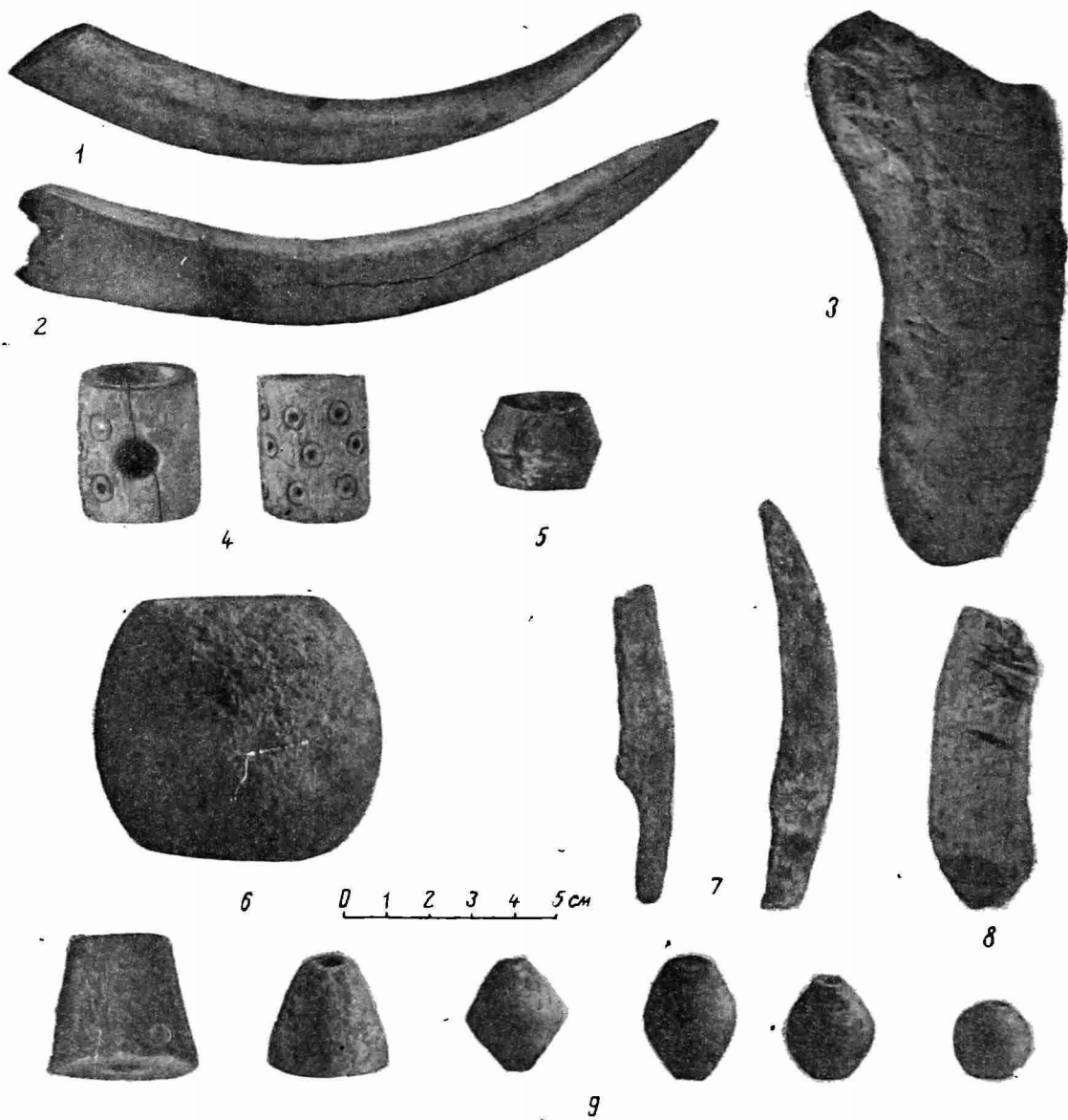

Рис. 34. Находки, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э., с Архангельского городища.

1 — роговой псалий; 2 — заготовка для псалия из рога; 3 — обломок мотыги из рога лося; 4 — орнаментированный костяной цилиндр; 5 — глиняное пряслице с черным лощением; 6 — каменный пест; 7 — железные ножи; 8 — рог со следами обработки; 9 — глиняные пряслица.

Очень интересны остатки раскопанной в 1952 г. прямоугольной столбовой или частокольной постройки площадью около 170 кв. м (рис. 35) и примыкающие к ней ямы, которые обнаружены в 1953 г. От постройки сохранились остатки стен. Дубовые столбы были поставлены вплотную друг к другу, нижние концы их вставлены в узкую канавку в материке и затем засыпаны щебнем и утрамбованы. Ширина канавы — 0,4—0,5 м, глубина — до 0,7 м. Сохранность столбов различна. Средний диаметр их — 20—30 см. Остатки столбов возвышались над уровнем материкового мела на 15—30 см. Вход шириной 2 м находился с юго-западной стороны. Из-

нутри постройки, вероятно, была обшита досками; местами сохранились их обломки.

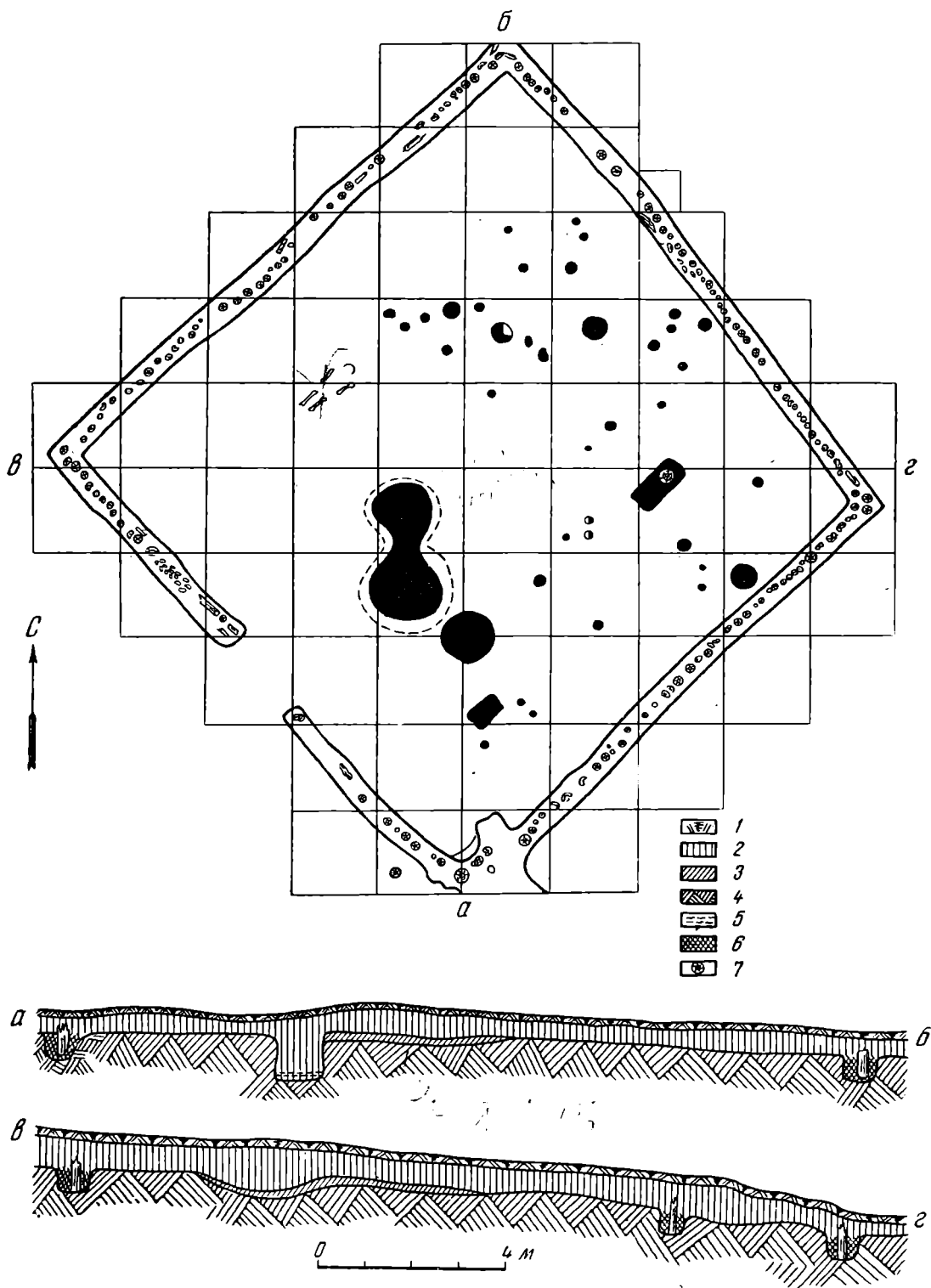

Рис. 35. План постройки и профили раскопа по *а-б* и *в-г*.

1 — гумус; 2 — культурный слой; 3 — глина; 4 — материковый мел; 5 — зола, угли; 6 — забутовка; 7 — дерево.

Внутри постройки в одной ее половине замечены ямы от столбов (диаметр — 15—69 см, глубина — 12—60 см), свидетельствующие о том, что помещение в этой части было разгорожено. Здесь же сохранились остатки большого столба, поддерживавшего крышу. Столб был забутован в канавку глубиной 0,5 м.

На другой половине находились три большие, тщательно отделанные ямы, вероятно, хранилища. Диаметр их сверху — от 1,1 до 1,6 м; две из них расширялись к основанию. Глубина ям — от 1,1 до 1,4 м. В нижней части ям были зольные прослойки толщиной от 2 до 5 см. В ямах встречены несколько фрагментов керамики и отдельные кости животных. В этой же половине помещения обнаружены остатки черепа и несколько костей взрослого человека, лежавшего на спине, в вытянутом положении.

Постройка погибла от пожара. Об этом можно судить по обугленным концам столбов, уголькам, встреченным на всей ее площади и зольным прослойкам в ямах.

Вопрос о назначении постройки остается пока открытым. Отсутствие на ее площади очага или печи не позволяет предположить, что это было жилое помещение.

К востоку от постройки находились 9 ям глубиной 0,6—1,5 м; диаметр горловин — от 0,6 до 1,0 м, диаметр оснований — от 0,9 до 1,5 м. Все ямы вырублены в материковом мелу. Более узкие у горла, они расширяются к основанию; стены у всех, за исключением одной, были тщательно отделаны.

Из двух ям вырублены изнутри отдушины, выходящие на поверхность материкового мела, и в одной — отдушина не была закончена. Вокруг некоторых ям расположены небольшие углубления от столбов, очевидно, поддерживавших какие-то навесы. На дне одной из них обнаружено закрытое камнем отверстие диаметром 7 см, идущее вглубь на 1,3 м. Назначение его непонятно.

В ямах встречены фрагменты сосудов, чаще всего больших горшков (рис. 33—2, 4), пряслице, глиняная обмазка, кости животных, угли, а в двух случаях — узкие полоски золы. Особенно интересно днище сосуда с отпечатками половы и зерен.

Устройство отдушин и навесов-перекрытий, тщательность отделки, а также находки костей животных и фрагментов сосудов позволяют предположить, что ямы использовались как кладовые для хранения запасов, а на основании находок керамики датировать их серединой I тысячелетия до н. э.

Сложнее вопрос с датировкой постройки. Здесь в верхней части культурного слоя встречаются находки боршевского времени, однако в нижней части слоя найдена почти исключительно керамика I тысячелетия до н. э. и упомянутый выше роговой псалий. Таким образом, стратиграфически постройка не связана с остатками боршевской культуры. Кроме того, насколько нам известно, среди памятников боршевской и роменской культур не встречена подобная конструкция — вертикально поставленные столбы, плотно пригнанные друг к другу. Следовательно, возможность датировки сооружения VIII—X вв. нужно исключить.

Может быть, постройка относится к XVII в.? Из письменных источников известно, что в Голышевке в XVII в. находился сторожевой острожек. Подобная конструкция построек возможна в XVII в.¹ Однако ни в перекрывающем сооружение культурном слое мощностью от 0,25 до 0,5 м, ни вообще на северном мысу не встречено ни одного предмета XVII в. Это обстоятельство заставляет нас отказаться от отнесения постройки к XVII в. Наиболее вероятно, что она одновременна ямам. Об этом можно судить и по однородности керамики, и по следам пожара на площади застройки и в ямах. Подобная конструкция построек, хорошо известна для I тысячелетия до н. э., например на Каменском городище²; правда, сооружения там

¹ См. например, С. Н. Замятин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронеж, 1921, стр. 2 и сл.

² Б. Н. Граков. Отчет Скифской степной экспедиции за 1949 г., стр. 3. Научный архив Института археологии Академии наук УССР.

иной планировки, но основной принцип — укрепление нижней части столбовых стен в канавах — был тот же. По тому же принципу столбовой конструкции устроена погребальная камера в кургане № 1 из группы «Частых курганов»¹. Этот же способ сооружения погребальной камеры отмечает В. А. Ильинская на Посулье² и А. И. Тереножкин в кургане у с. Глевахи Васильковского района Киевской области³.

Все изложенное дает основание датировать обнаруженную нами постройку серединой I тысячелетия до н. э.⁴

Обратимся к характеристике материалов боршевского времени. Как уже отмечалось, они локализуются преимущественно в верхней части культурного слоя. Исключение составляет лишь наиболее северный из вскрытых нами участков, где находки этого времени преобладают.

Здесь обнаружены остатки прямоугольной постройки размером 10 × 8 м. В мелу сохранились ямы от столбов. Они округлой, овальной и довольно правильной четырехугольной формы и находятся одна от другой на расстоянии от 0,4 до 2,5 м. Наиболее глубокие из них (от 0,45 до 0,52 м) расположены по углам. С восточной и южной сторон стояли столбы для дополнительного укрепления стен. На самой площади постройки встречена лишь одна небольшая ямка от столба (диаметр — 17 см, глубина — 15 см). Повидимому, крыша была плоской и не требовала специальных опорных столбов. Стены, очевидно, были плетеные и обмазывались глиной. Об этом свидетельствуют находки небольших кусков обмазки с отпечатками жердей. Очага не обнаружено. Интересно, что вход находился с северной стороны. Наземные постройки подобного типа известны на Б. Боршевском городище⁵.

Культурный слой, относящийся к боршевскому времени, характеризуется своеобразной керамикой. Сосуды, по преимуществу толстостенные, вылеплены из глины с примесью довольно крупных кусков шамота, иногда мела или зерен кварца. Тесто плохо промешано. Поверхность большинства сосудов шероховатая, бугристая. Встречаются горшки с хорошо профилированными плечиками и сравнительно короткой шейкой. Днища не имеют закраин.

Типы пряслиц подобны отмеченным выше. Исключение составляют плоские, сделанные из черепков посуды. Особенно интересно одно из них с большим отверстием посередине, украшенное волнистым орнаментом (рис. 36 — 8).

Железных предметов найдено 10. Среди них ножи (рис. 36 — 2, 3), листовидный и четырехгранный наконечники стрел (рис. 36 — 5, 6), большая игла (рис. 36 — 4), дужки от ведер (рис. 36 — 1) и др.

Из бронзовых вещей очень интересны две круглые бляхи диаметром 4,3 см. Первая (рис. 37 — 1) найдена в 1952 г., вторая (рис. 37 — 2) — в 1953 г. По форме, орнаменту и технике изготовления они совершенно одинаковы и, вероятно, были отлиты в одной форме. Орнаментом украшена

¹ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 14.

² В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. «Археологія», т. IV 1950, стр. 185.

³ А. И. Тереножкин. Раскопки кургана у с. Глевахи в 1950 г. Научный архив Института археологии Академии наук УССР.

⁴ В дальнейшем мы намереваемся дополнительно проверить предложенную датировку. Пока многое еще остается неясным; в частности, непонятно, почему большие ямы внутри постройки находятся прямо против входа, на расстоянии 3—4 м от него. Может быть, они не связаны с постройкой. Но при начале работ, на месте, где оказались ямы, была видна большая западина. Если бы постройка сооружалась позже ям, то ее пол был бы, несомненно, выровнен. К окончательным выводам можно будет придти, когда мы доследуем всю прилегающую площадь и когда будут известны другие аналогичные памятники.

⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 65 и сл.

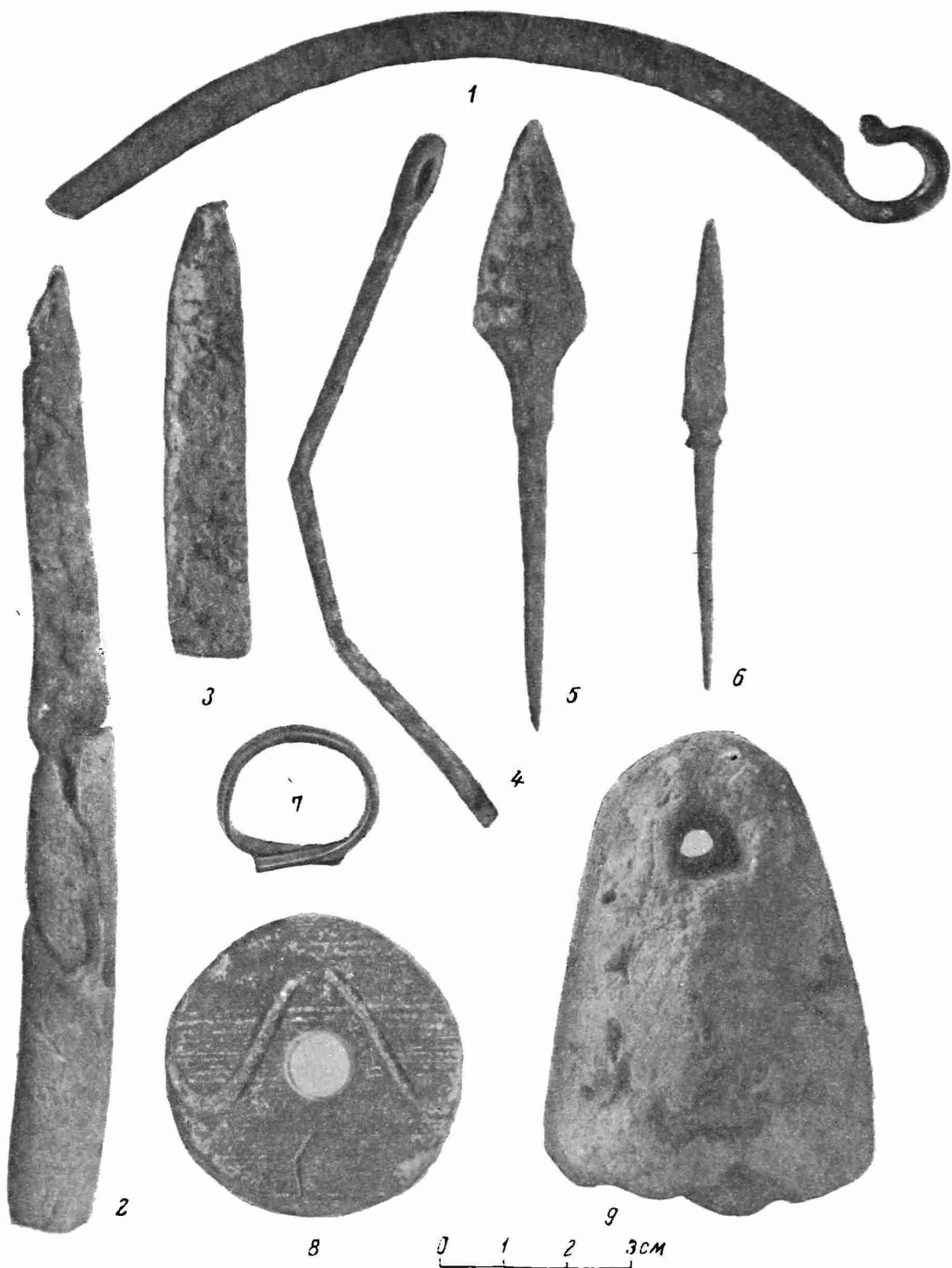

Рис. 36. Находки, относящиеся к VIII—X вв., с Архангельского городища.

1 — фрагмент дужки от ведра; 2 — железный нож с костяной рукояткой; 3 — обломок железного ножа; 4 — железная игла; 5, 6 — железные наконечники стрел; 7 — бронзовое колечко; 8 — пряслице из черепка; 9 — грузило из мела.

лицевая сторона. Центральную часть занимает изображение стилизованного растения — «древа жизни», которое окаймляется двойным бордюром. Обе бляхи позолочены, на первой из них позолота сохранилась лучше. Первоначально на оборотной стороне имелось по 3 ушка. После того как на первой бляхе ушки сломались, с обеих сторон «древа» были пробиты два небольших отверстия; на второй одно ушко сохранилось и в дополнение к нему пробиты два отверстия слева от «древа» и третье, бóльших размеров, — в центре. Небольшие отверстия пробиты с лицевой стороны, а от-

Рис. 37. Две бронзовые (1. 2) позолоченные бляхи VIII—X вв. с Архангельского городища.

верстие в центре второй бляхи — с оборотной. Бляхи, таким образом, были в употреблении и после того, как отломались ушки.

Следует подчеркнуть, что это первая находка такого рода блях для культуры боршевского типа. Аналогичные опубликованы Б. И. и В. И. Ханенко¹ и датированы IX—X вв.; к этому же времени относятся и найденные нами.

Из бронзовых изделий интересно колечко с заходящими друг за друга концами, украшенное выпуклым рантиком с насечками (рис. 36—7).

Костяные предметы представлены двумя орудиями для плетения сетей и тремя рукоятками от ножей.

Из мела было сделано рыболовное грузило, напоминающее по форме усеченный конус. Высота его — 8,5 см. В верхней части пробито отверстие

¹ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XIX, рис. 487, 488. Как нам удалось выяснить, эти бляхи хранились в Киевском государственном историческом музее. Подобная же приобретена в 1906 г. на Кубани у местного населения Е. К. Запорожским. ОАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 128, рис. 183. В настоящее время хранится в Эрмитаже.

(рис. 36—9). Из каменных изделий отметим точильный брусок. Все эти вещи типичны для боршевской культуры.

На северном мысу городища встречены также фрагменты керамики, обломки кремневого наконечника стрелы и сверленного каменного топора, относящиеся к культуре эпохи бронзы. Керамика украшена врезным орнаментом из ромбов, елочки и продолговатых ямок. Она может быть отнесена ко времени катакомбной культуры.

Кроме работ на северном мысу, проведена разведка и в других местах городища. На южном мысу культурный слой фактически отсутствует. Шурф на плато близ поперечного вала дал керамику I тысячелетия до н. э.

Итак, раскопками на Архангельском городище в 1952—1953 гг. начато изучение первого поселения раннего железного века в бассейне среднего и верхнего Дона. В научный оборот вводится массовый вещественный материал, неизвестный ранее по раскопкам курганов и характеризующий жизнь оседлого населения района.

Полученные материалы уже сейчас дают возможность говорить о близости культуры населения среднего Дона к культурам скифского времени лесостепной полосы междуречья Днепра и Дона и в то же время ставить вопрос о наличии среднедонского варианта этих культур. Местные особенности проявляются, как указывалось выше, в керамике. Их можно отметить в деталях конской сбруи (роговой псалий с двумя отверстиями). Наконец, деревянные столбовые постройки на поселениях и ямы с отдушниками пока неизвестны в других местах лесостепи.

Однако у нас пока мало данных для широких обобщающих выводов. Так, совершенно непонятно полное отсутствие очагов или печей, несмотря на значительные размеры вскрытой площади; неясен тип жилища; мало материалов для характеристики хозяйственной деятельности жителей; требуют дальнейшего уточнения вопросы датировки и т. д.¹

Что касается полученных нами материалов боршевского времени, то для специалистов, изучающих славянскую культуру VIII—X вв., они, несомненно, будут интересны.

---

¹ Отдельные выводы о хозяйстве жителей Архангельского городища в I тыс. до н. э. — см. А. Н. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. Сб. «Из истории Воронежской области», Воронеж, 1954, стр. 69—70.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ

Совершая поездку в 1928 г. по бывш. Себежскому уезду Витебской губернии, А. А. Спицын обратил внимание на большое число археологических памятников этой территории. Действительно, в пределах современных Себежского и Идрицкого районов Великолульской области, входивших в прошлом в состав Себежского уезда, древние памятники известны в большом количестве.

Многочисленные курганные могильники зафиксированы здесь уже в 70-х годах прошлого столетия¹. В 1892 г. Е. Р. Романов производил раскопки в разных частях Себежского уезда (деревни Шакелево, Лавищи, Грицьково и др.)². В 1901 и 1904 гг. Л. Ю. Лазаревич-Шапелевич вскрыл 29 курганов в дер. Овсиновке³.

В советское время в г. Себеже создается краеведческое общество, занимавшееся учетом древних памятников и составлением археологической карты края⁴. С середины 20-х годов центром краеведческой работы становится Себежский музей, долголетним руководителем которого и председателем краеведческого общества являлся Б. В. Сивицкий.

В 1927—1928 гг. силами краеведческого общества под руководством И. А. Сербова и Б. В. Сивицкого были раскопаны близлежащие к Себежу курганные группы у деревень Горбуны и Прасни⁵. В 1928 г. А. А. Спицыным совместно с Б. В. Сивицким обследованы археологические памятники северо-восточной части уездов. В итоге поездки, помимо многочисленных курганных могильников, впервые были обследованы городища, материалы которых А. А. Спицын не успел опубликовать⁶.

Во время оккупации Себежа в 1941—1944 гг. краеведческий музей был разграблен. В послевоенные годы под руководством Б. В. Сивицкого вновь организованы раскопки близлежащих к Себежу курганных могильников (Горбуны, Илово и др.); полученные материалы легли в основу новых археологических фондов музея.

В 1952—1953 гг. автором настоящей работы производились разведки в пределах Себежского и Идрицкого районов Великолульской области (рис. 38). Разведки сопровождались небольшими раскопками городищ

¹ ИАК, вып. 5, 1903, стр. 26—29.

² ОАК, 1892, стр. 61—63.

³ ИАК, вып. 6, 1904, стр. 4, 5; ОАК, 1901, стр. 112, 113.

⁴ Архив А. А. Спицына, № 218. Архив ЛОИИМК, дела № 126/1927, 163/1928/1929.

⁵ Архив ЛОИИМК 126/1927; 163/1928/1929.

⁶ Архив А. А. Спицына, д. № 218.

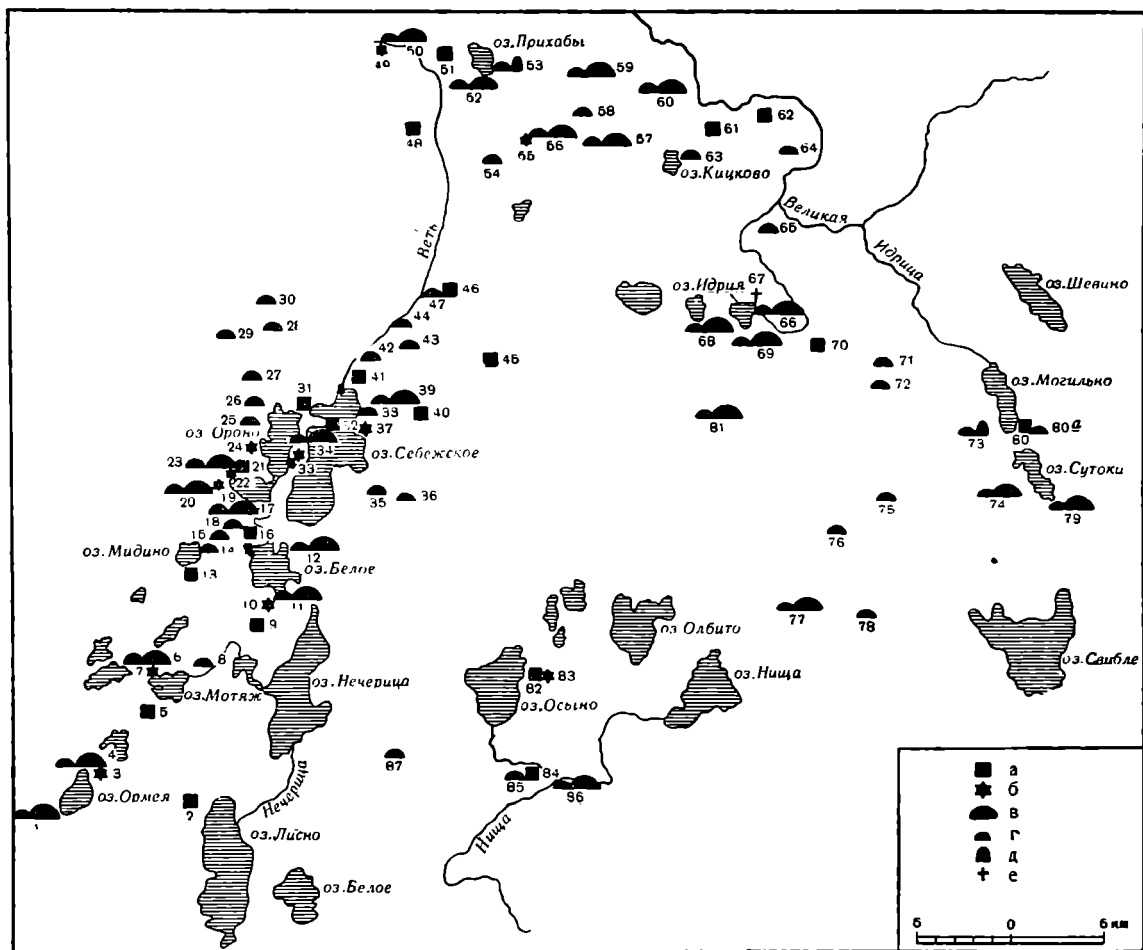

Рис. 38. Карта археологических памятников Себежского и Идрицкого районов Великолульской области.

Пункты: 1 — Ганжиново; 2 — Припешы; 3, 4 — Малое Крупово; 5 — Жуки; 6, 7 — Шакелево; 8 — Заозерье; 9 — Фомино; 10, 11 — Горушка; 12 — Забелье; 13, 14 — Мидино; 15 — Черная Грязь; 16, 17 — Глубочицы; 18 — Язбово; 19, 20 — Дворище; 21–23 — Литвиново I; 24 — Шуты; 25 — Илово; 26 — Креково; 27 — Остенец; 28 — Дубровы; 29 — Янчево; 30 — Д миденки; 31 — Себеж II; 32 — Себеж I; 33, 34 — Угоринка; 35 — Черная; 36 — Бородулино; 37 — Голевка; 38 — Прасни; 39 — Горбуны; 40 — Мальково; 41 — Уляновщина; 42 — Кузнецова; 43 — Себежская МТС; 44 — Птушкино; 45 — Барсуки; 46, 47 — Кременды; 48 — Рябы; 49 — Бакланиды; 50 — Адереево; 51 — Божкино; 52 — Гришманы; 53 — Плакутицы; 54 — Бражнин бор; 55, 56 — Обходы; 57 — Лавицы; 58 — Прихабы; 59 — Козиха; 60 — Курилово; 61 — Литвиново II; 62 — Дорбыши; 63 — Кицково; 64 — Береовка; 65 — Овсяновка; 66, 67 — Идрица; 68 — Идрица; 69 — Старо-Козлово; 70 — Стояки; 71 — Шамово; 72 — Гвозды; 73 — Толкачево; 74 — Грицьково; 75 — Городище; 76 — Клевцы; 77 — Княжая могила; 78 — Малиновка; 79 — Сутоки; 80, 80а — Ульково; 81 — Мостище; 82, 83 — Осьмино; 84, 85 — Красиково; 86 — Ницца; 87 — Боровые.

Условные обозначения: а — городище; б — селище; в — длинные и удлиненные курганы; г — круглые курганы; д — сопка; е — каменный крест.

у деревень Жуки (5)¹ и Уляновщина (41) и курганного могильника у дер. Шакелево (7).

Характеристика археологических памятников в настоящей работе строится преимущественно на итогах работ Себежского отряда 1952—1953 гг.² Вместе с тем использованы и неопубликованные материалы поездки А. А. Спицына.

¹ Номера в скобках соответствуют номерам памятников на карте.

² В 1952 г. работы производились на правах Себежской группы Великолуцкого отряда (начальник Я. В. Станкевич), в 1953 г. был организован самостоятельный Себежский отряд.

Маршрут отряда захватил южную часть Себежского района и проходил по берегам озер Себежского, Ороно, Вятитеревского, Белого, Мотяж, Ормея, Осыно и др. К северу от Себежа обследовано течение небольшой р. Веть и отдельных речек, входящих в бассейн р. Великой (Неведрянка, Идрица).

Здесь ярко выражен моренный ландшафт и широко распространены отложения ледниковых озер; наиболее крупное из них — Себежское. Реки северной части обследованных районов входят в бассейн р. Великой, в южной они составляют обычно протоки между озерами. Почвы здесь подзолистые и песчаные, иногда суглинистые и супесчаные; значительная часть земель занята смешанными лесами.

На сравнительно небольшой территории, о которой идет речь в настоящей работе (немного более 80 км в длину), насчитывается около 90 археологических памятников; отсутствуют они только в болотистых местах. Нами зафиксировано 20 городищ, 11 селищ, 55 курганных могильников с насыпями округлой, длинной и удлинённой формы и единичными сопками.

Почти все из выявленных и обследованных памятников относятся к I тысячелетию и началу II тысячелетия н. э. Лишь одно поселение на городище близ дер. Жуки выпадало из этих хронологических рамок; возникновение его относится к более раннему времени.

Городище у дер. Жуки (5) обследовано и частично раскопано в 1953 г. Оно расположено на лесистой возвышенности в 500 м к югу от деревни и с запада ограждено пересохшим водоемом.

При первом взгляде на городище обращает на себя внимание его необычное устройство. Площадка — овальной формы (55 × 50 м), с севера и юга ограждена параллельно тянущимися валами до 1 м высотой, число которых с одной стороны равно шести, а с другой — трем. Валы разделялись рвами 0,5—0,8 м глубиной и 3—4 м шириной.

Культурный слой прослеживался на очень ограниченной площади лишь вблизи первого вала с северной стороны. Между тем на восточном и западном склонах городища лежали пласты культурного слоя, в котором найдены керамика, большое количество костей животных, поделки и заготовки из кости. Все находки имели крайне архаический облик.

Предположив, что культурный слой, уничтоженный на площадке, мог сохраниться в нетронутom состоянии под первым северным валом, произвели разрез вала. Под дерновым покровом встречен насыпной песок, а под ним — слой плотной глины. Глина лежала на культурном слое. Примерно такая же картина наблюдалась и при разрезе второго северного вала.

Убедившись в том, что валы сооружены на культурном слое, мы сняли часть насыпи первого северного вала, не обнаружив в ней никаких находок, и на освобожденном участке разбили небольшой раскоп площадью 100 кв. м. В культурном слое (мощностью около 0,4 м), чрезвычайно темной окраски, сразу же стали встречаться находки, аналогичные найденным на склоне городища, открылись ямы диаметром до 0,2 м, в двух из которых сохранились остатки сгоревших столбов. В южной части раскопа вскрыт развал каменного очага.

Характеризуя керамику, найденную в слое под валом, можно отметить обломки сосудов баночной формы; они лепные, тонкостенные с карнизиками на днищах, с примесью дресвы в глине. Обращают на себя внимание миниатюрные сосудики (рис. 39 — 1).

В числе изделий из кости — проколки, долота и тесла (отдельные экземпляры их носили следы сильной сработанности), украшения в виде трапециевидных подвесок, на одной из которых высверлено отверстие для подвешивания (рис. 39 — 3—7).

Из числа каменных орудий встречены долота. На городище обнаружена целая серия этих орудий с хорошо отшлифованной поверхностью

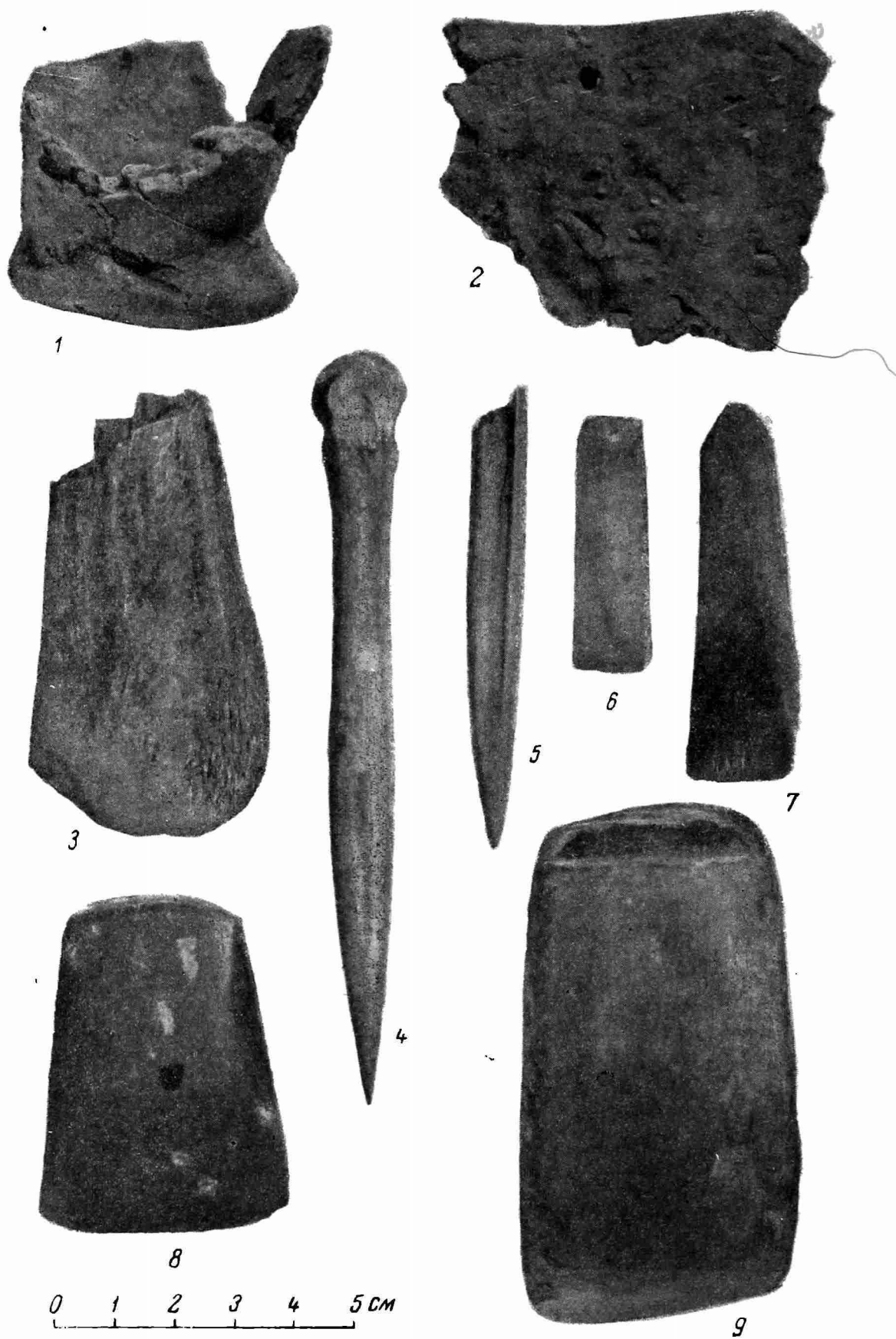

Рис. 39. Находки из раскопок на городище Жуки.
1, 2 — керамика; 3—7 — изделия из кости; 8, 9 — каменные орудия.

(рис. 39 — 8). Одно из крупных долот было вторично использовано в качестве топора (рис. 39 — 9).

Среди многочисленных костей домашних животных преобладают кости коров, свей и свиней. Дикие животные представлены преимущественно бобром, лосем и лисицей.

Как отмечалось выше, материал, найденный в культурном слое под валом, полностью соответствует находкам, обнаруженным на восточном и западном склонах городища. Есть все основания предположить, что позднейшими валами разрушено поселение, жилища которого были столбовой конструкции.

Пытаясь датировать древний слой городища и сравнивая его с известными в литературе памятниками, обратимся прежде всего к памятникам Прибалтики.

На городище Кланги (Латвийская ССР) были обнаружены остатки 30 деревянных столбов и очаги, которые автор публикации Л. В. Ванкина рассматривает как остатки жилищ. Среди находок этого поселения — изделия из кости и камня¹. Характерным инвентарем Великушского и Покачинского пилкалнисов в Восточной Литве являлись каменные клиновидные и сверленные топоры, костяные изделия, гладкостенная и лишь в отдельных случаях штрихованная керамика с большим количеством дресвы в тесте².

В свое время Л. Крживицкий обратил внимание на архаичные восточнолитовские пилкалнисы с каменными и костяными орудиями, которые он причислял к поздним памятникам неолитической эпохи в Литве³.

Сравнивая формы керамики и костяные орудия из поселения у дер. Жуки с находками на городище Асва (Саарема) Эстонской ССР, можно найти известные аналогии и с этим памятником⁴.

На позднее бытование каменных орудий на укрепленных поселениях Кланги и Асва указывал Х. А. Моора⁵.

Следовательно, древнее поселение на городище у дер. Жуки находит свое место в ряде прибалтийских памятников с характерным каменным и костяным инвентарем. Наибольшее сходство отмечается с группой пилкалнисов, относящихся к числу древнейших и характеризующихся не штриховой, а гладкостенной керамикой.

Имея в виду принятую в настоящее время датировку для городищ этого типа от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры, поселение у дер. Жуки следует причислить к наиболее ранним памятникам этой поры.

Остается неустановленным время возникновения позднейших сооружений на поселении⁶. Несколько небольших обломков керамики были весьма невыразительны и в равной мере могли относиться как к домонгольскому, так и к более позднему времени.

Не исключена возможность, что синхронное раннее поселение существовало на городище Себеж II (31), где обнаружены единичные обломки сетчатой керамики, связывающие это поселение с аналогичными памятниками дьяковской культуры, встречающимися в верховьях Западной Двины⁷.

¹ Л. В. Ванкина. Археологические памятники первого тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 74.

² П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 87—89.

³ Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сб. в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 310.

⁴ По материалам музея в Тарту.

⁵ Х. А. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 32.

⁶ Пользуясь справкой, которую любезно предоставил А. Г. Митрофанов, можно указать на подобное сооружение у с. Спегальщина в Северной Белоруссии, которое также пока не имеет твердых данных для датировки.

⁷ Я. В. Станкевич. Археологическая разведка в Великолукской области. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 83—85.

Ко второй группе относятся девять городищ, расположенных на мысах или на изолированных холмах. Мысовые городища площадью до 900 кв. м находятся на первой, а иногда и на второй надпойменной террасах. Так, городище Ульково (80) при впадении р. Неведрянки в оз. Могильно стоит на второй надпойменной террасе, возвышаясь над долиной реки и озера на 18 м. Иногда на городищах мысового типа [Ульково, Стояки (70)] можно было заметить следы оборонительных сооружений в виде валов с напольной стороны, обычно разрушенных распашкой. Однако мысовые составляют меньшую часть поселений этой группы. Преобладают городища с свальными площадками, расположенные близ воды, поднимающиеся над пойменными лугами на 7—15 м. Особенно выделяется городище Фомино (9). Овальная площадка его (30 × 25 м), вытянутая с севера на юг, возвышается над окружающим ее болотистым лесом на 15 м. Крутые склоны обрываются, следы валов отсутствуют.

Расположение городищ этого типа создавало надежную защиту от внешних нападений. Почти на всех обнаружен культурный слой мощностью до 1 м. Встречены обломки гладкостенных и шероховатых сосудов, преимущественно баночных форм, лишь в редких случаях имеющих едва заметную профилировку. Наряду с керамикой попадаются куски металлических шлаков, зернотерки, кости животных и другие находки.

Погребальных памятников близ этих городищ не отмечается, лишь недалеко от Кременцовского (46, 47) стоит одиночный курган (12 м диаметром и 2 м высотой). Курганная группа обнаружена также в Улькове (80а).

На одном из городищ такого типа был заложен небольшой раскоп. Это городище Ульяновщина, расположенное в 500 м от Себежского озера. Площадка его овальная, вытянутая с северо-востока на юго-запад, возвышается над окружающей местностью с юго-запада на 6 м, а с северо-запада — на 15 м.

В раскопе (площадью 64 кв. м), разбитом на склоне площадки, обнаружены остатки двух горнов, находящихся почти на самом материке. Первый из них представляет собой сводчатое сооружение из обожженной докрасна глины (длина — 2,1 м, ширина — 0,7 м и высота — около 0,4 м). Стенки его — 10—12 см толщиной. Внутри горна встречены отдельные мелкие кусочки шлаков. Часть горна находится в развале. Второй горн расположен на расстоянии 7 м от первого: длина его — 2,4 м, ширина — около 0,5 м и такая же высота. Около обших горнов найдено большое количество тяжелых металлических шлаков.

Керамика на этом городище сравнительно немногочисленна. Преобладающая форма — желтые тонкостенные сосуды диаметром до 20 см; лишь незначительная часть обломков имеет легкую профилировку. Гладкостенная и реже шероховатая керамика со значительной примесью дресвы в тесте отличается довольно хорошей выработкой; нередко тщательно выделана придонная часть сосуда. Орнаментированные сосуды попадались весьма редко; можно упомянуть украшения в виде ямок под венчиком. Штрихованная керамика встречена лишь в единичных экземплярах. Найдены также обломки миниатюрных сосудов, подобных сосудам с городища у дер. Жуки (рис. 40 — 4, 6, 7).

К числу распространенных находок принадлежат каменные зернотерки, главным образом их нижние части. Они лежат среди мелких камней и достигают 40 см длины и 20 см толщины.

Из других находок следует упомянуть железные изделия — булавку с кольцевой головкой, лезвие слегка изогнутого ножа, стержень, кольцо и др. (рис. 40 — 1, 2, 3, 5), а также отдельные поделки из камня (пряслица и точильные камни). В небольшом количестве собраны костяные орудия, главным образом проколки.

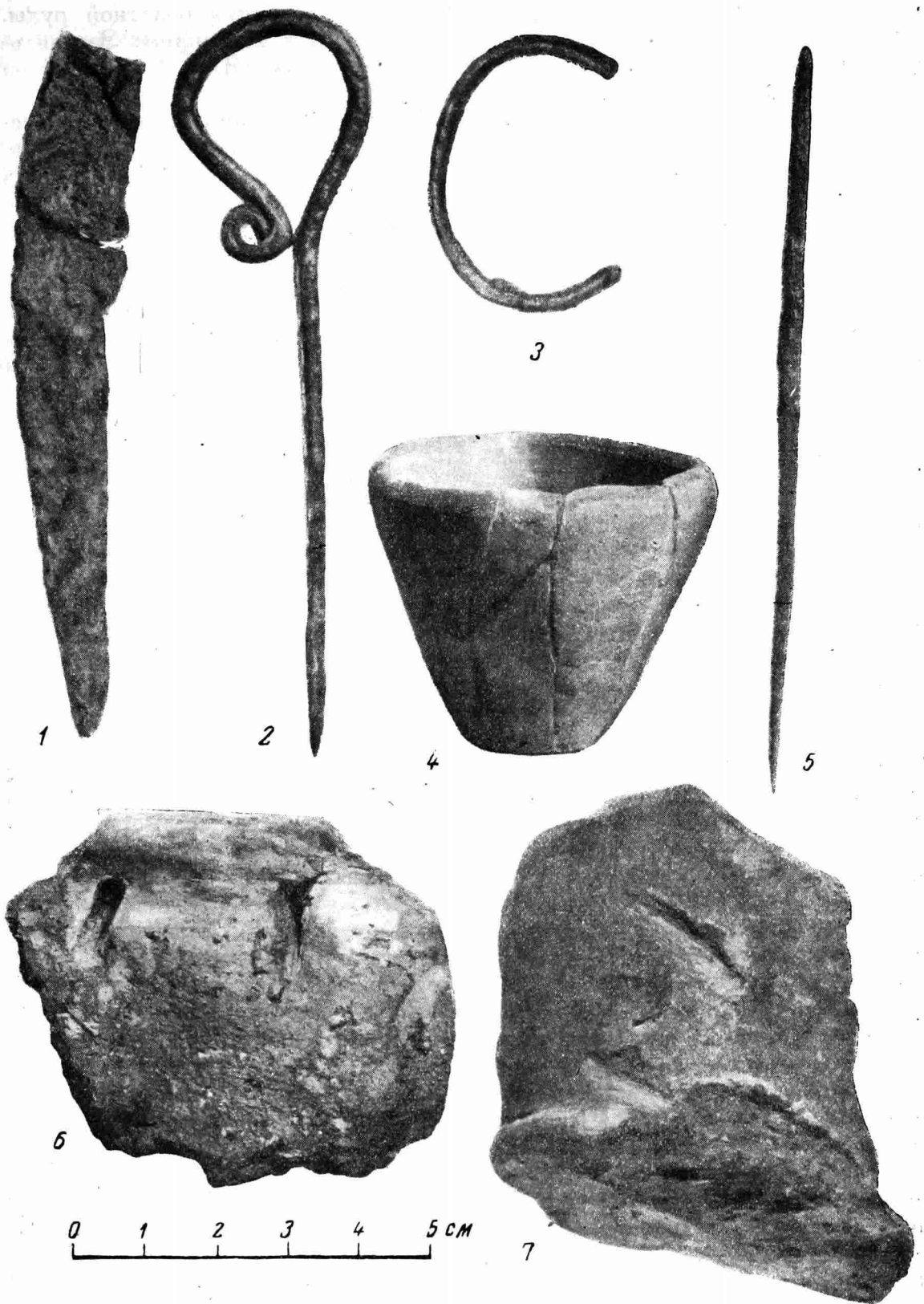

Рис. 40. Находки на городище Ульяновщина.

1—3, 5 — изделия из железа; 4, 6, 7 — керамика.

Встречено много костей домашних животных (коров, овец, лошадей); кости диких животных найдены в незначительном количестве.

Вскрытый участок на городище Ульяновщина интересен тем, что здесь на небольшом пространстве стояли два горна довольно крупных размеров. Железоплавильные печи — довольно частое явление для городищ Белорус-

сии и Подвинья, расположенных вблизи мест залегания болотной руды. Глинобитная печь для выплавки железа известна в Лабенщине Заславльского района¹, остатки глинобитных горнов раскопаны Я. В. Станкевич на городище Подгай, Великолукской области².

Сравнивая печи в Ульяновщине с найденными горнами на других поселениях, следует отметить, что первые — значительно больших размеров. Насколько нам известно, два горна одновременно на поселениях этого типа пока не встречались.

Возникает вопрос, синхронны ли остатки горнов находкам из разрушенных жилищ. Судя по их расположению, они не перекрывали друг друга. Горны занимают склон площадки, в то время как скопления камней, которые можно связывать с жилищами, находятся на некотором расстоянии и не соприкасаются с ними. Датирующей находкой для горнов является железная булава с кольцевой головкой. Изделия этого рода известны в большом количестве по могильным памятникам с так называемыми каменными ящиками, встречающимися в Северной Латвии, Эстонии и Финляндии. В Прибалтике они появляются в первые века нашей эры и доживают в отдельных случаях до III—IV вв. н. э.³

Керамика на городище Ульяновщина сохраняет архаичный характер, но вместе с тем в ней постепенно начинают появляться элементы профилировки.

Сосредоточие двух крупных горнов, появление профилированной керамики и находка железной кольцевой булавки позволяют отнести городище к III—IV вв., а возможно, и к середине I тысячелетия н. э. Материалы Ульяновщины в известной степени определяют датировку и остальных поселений этого типа.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Ульяновщине нет штриховой керамики, характерной для подобных поселений Подвинья и Белоруссии.

Среди обследованных памятников далее следует отметить удлиненные и длинные курганы. Из 55 могильников они встречены в 24 случаях. Удлиненные и длинные курганы находятся обычно в составе могильников, где есть и насыпи круглой формы, но количество их значительно меньше, чем круглых. Так, в Шакелеве (6, 7) из 70 насыпей лишь шесть — удлиненной формы, в Горбунах (39) из 48 — два, в Угоринке (34) из 20 — два и т. д. В ряде случаев [Малое Крупово (4), Горушка (11), Литвиново I (23), Старо-Козлово (69)] это соотношение меняется, и количество удлиненных и длинных курганов достигает 50% общего числа насыпей. Разумеется, приведенные цифры вряд ли отражают действительное соотношение между круглыми и длинными курганами, так как значительная часть могильников дошла до нас в разрушенном виде.

Удлиненные и длинные курганы находятся обычно в центре могильников, иногда [Идрица (66), Шакелево (6, 7), Угоринка (33, 34), Литвиново I (21—23), Малое Крупово (3, 4), Лавищи (57), Сутоки (79), Адерево (50)] насыпи строго ориентированы по странам света. Размеры их крайне непостоянны; чаще всего они имеют длину от 12 до 35 м, ширину 6—7 м и высоту до 2 м. Однако бывает, что длинные курганы имеют вид своеобразных валов: так, в Язбове и Старо-Козлове отдельные насыпи достигают 60 м, в Грицькове (74) один из курганов — 80 м, а в Адерево (50) — 95 м

¹ А. Н. Лауданскі. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палесыі. Менск, 1933, рис. 1, 2.

² Я. В. Станкевич. Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины. КСИИМК, 52, 1953, стр. 63.

³ М. Х. Шмидехельм. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 81; Н. Моога. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. Tartu, 1938, т. II, стр. 168.

длины; ширина при этом оставалась более или менее неизменной (6—10 м) при высоте до 2 м.

Наряду с обычной валообразной формой встречается Г-образная, например в дер. Обходы (56), и форма полумесяца у дер. Козиха (59), а иногда насыпи приобретают весьма аморфные очертания [Язбово (18), Красиково (85)].

Раскопки удлиненных и длинных курганов на обследованной нами территории почти не производились. В одном из длинных Литвиновских курганов, раскопанных Б. В. Сивицким, обнаружено несколько кострищ, одно из которых находилось на грунте. Там же в насыпи найдены 3 маленьких сосуда. Среди находок — металлическое кольцо и железная пряжка¹.

Один из Шакелевских удлиненных курганов, раскопанный нами в 1953 г., содержал в насыпи, на глубине от 0,4 м, четыре скопления обожженных костей без каких-либо вещей.

Что касается длинных валообразных насыпей, то еще в конце прошлого века Е. Р. Романов считал их местами захоронений с коллективным трупосожжением².

С группой удлиненных и длинных насыпей ближайшим образом связаны круглые курганы с трупосожжением. Так, в двух раскопанных круглых Литвиновских курганах, как и в длинных курганах этого могильника, обнаружены сожжения. Кальцинированные кости лежали кучкой, а пряжка из круглого кургана полностью повторяла пряжку из длинного³.

В дер. Черной (35) в одном из круглых курганов найден очаг с обильными остатками золы и угля, а близ него стоял горшок с костями; в другом кургане кальцинированные кости и обожженные вещи были покрыты горшком, поставленным вверх дном⁴. В круглом кургане у дер. Прасни (38) также обнаружено кострище с углями и золой, а на грунте найдены небольшие камни и пережженные кости⁵.

В курганных могильниках Плакутицы (53) и Толкачево (73) обнаружены длинные сопки высотой до 3 м и диаметром до 25 м.

Датировка длинных и удлиненных курганов, как и круглых с обрядом трупосожжения, затруднена вследствие того, что они недостаточно исследованы. Наиболее неясным остается время появления на этой территории длинных курганов. Можно высказать лишь некоторые предположения об относительной датировке этих памятников. В одном из круглых курганов у дер. Черной раскопками Е. Р. Романова обнаружена пластинчатая гривна с подвесками, подобная подвескам люцинского типа, позволяющая датировать захоронение IX—X вв.

Что касается времени появления длинных курганов, то оно, возможно, связывается с концом существования небольших изолированных городищ типа Ульяновщины.

Особую группу памятников представляют городища-убежища с прилегающими селищами и курганными могильниками, расположенные на высоких мысах первой надпойменной террасы (Осыно, 82) или на возвышенностях (до 20—25 м высотой), господствующих над окружающей местностью (Мальково, 40), Божкино (51), Литвиново I (21). Они находятся, как правило, вблизи озер и рек. Площадь их — 1500 кв. м. Крутые склоны обычно несут следы искусственной обработки. В Литвинове I и Малькове одна из сторон площадки, полого спускаясь вниз, образует террасы 20—22 м длиной и до 15 м шириной.

¹ Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 108.

² ОАК, 1892, стр. 62, 63.

³ Н. Н. Черныгин. Указ. соч., стр. 108.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Архив ЛОИИМК, д. № 126/1927.

Особенно выделяется по внешнему виду и устройству городище Осыно, расположенное на берегу озера того же названия. Оно занимает мыс первой надпойменной террасы и прилегающий к нему холм. Мыс, вытянутый в виде длинного языка (82×15 м), возвышается над водой на 10 м; боковые склоны его — крутые, обрывистые. Мысовая часть переходит в овальный холм (40×30 м), имеющий с северо-восточной стороны террасу до 20 м шириной. Культурного слоя, как и на других городищах этого типа, не было. Вместе с тем у их подножия иногда сохраняются селища. Так, в Осыно на площади 50×40 м обнаружен культурный слой мощностью до 0,4 м, где найдены обломки сосудов, биконическое и уплощенно-цилиндрическое пряслице.

К этой группе памятников примыкают городища с культурным слоем — Припешы (2), Красиково (84), Глубочицы (16) и, повидимому, Литвиново II (61) на р. Великой, обследованное А. А. Спицыным. Находясь на берегу озер, они, подобно городищам-убежищам, занимают господствующее положение, располагаясь на мысах первых надпойменных террас (Глубочицы, Литвиново II) или изолированных холмах (Припешы, Красиково). Площадки городищ невелики. Среди находок — гладкостенная, иногда слегка профилированная керамика со значительной примесью дресвы в тесте, куски металлических шлаков, зернотерки и др.

Весьма интересно городище Литвиново II. Оно расположено на мысу над оз. Глубоким. Левая сторона площадки очень поката и защищена тремя валами. По данным А. А. Спицына, здесь собраны черепки с примесью дресвы в тесте и более поздние¹. Отдельным из указанных городищ (Красиково, Глубочицы) сопутствуют курганные могильники, главным образом с круглыми насыпями.

Основой для датировки этих памятников служит то обстоятельство, что здесь встречается исключительно лепная керамика, позволяющая ограничить дату поселений временем не позднее X в. Круглые курганы с трупосожжением, встречающиеся при городищах, датируются временем IX—X вв.

Городище-убежище в Литвинове и расположенные у его подножия селище и курганы с трупосожжением правомерно рассматривать в качестве синхронных памятников и относить ко времени не позднее IX—X вв. Эта датировка может быть распространена и на городища, имеющие культурный слой (Припешы), основной материал которых совпадает с материалами селищ при городищах-убежищах. Вместе с тем сочетание с курганными могильниками, имеющими не только круглые, но и длинные насыпи с коллективными трупосожжениями (Литвиново I) свидетельствует о том, что городища-убежища могли существовать и в более ранний период.

Наиболее обширна сравнительно поздняя группа памятников, состоящая из 9 селищ, городища и многочисленных курганных могильников. На селищах, расположенных в пойме озера, — Дворище (19), Угоринка (33), Голеуска (37), Шуты (24), Шакелево (6), — или на первых надпойменных террасах, — Обходы (55), Бакланицы (49), Горушка (10), — сохранился культурный слой мощностью до 0,4 м, в котором обнаружена керамика с линейно-волнистым орнаментом. Из числа других находок следует упомянуть глиняные биконические пряслица (Дворище, Шуты), металлические шлаки (Голеуска). Подобные находки известны на городище Себеж I (32), расположенном на далеко вдающемся в озеро мысе и ныне разрушенном позднейшими постройками.

Однако основной материал для характеристики поздней группы получен из курганов, раскопанных в Шакелеве (6), Лавищах (57), Грицькове (74), Овсиновке (65) и др. Костяки лежат на материке или в подкурганной яме,

¹ Архив А. А. Спицына, № 218.

в вытянутом положении, головой на запад. Иногда прослеживаются остатки дощатой подстилки; в ногах ставились горшки, сделанные на гончарном круге.

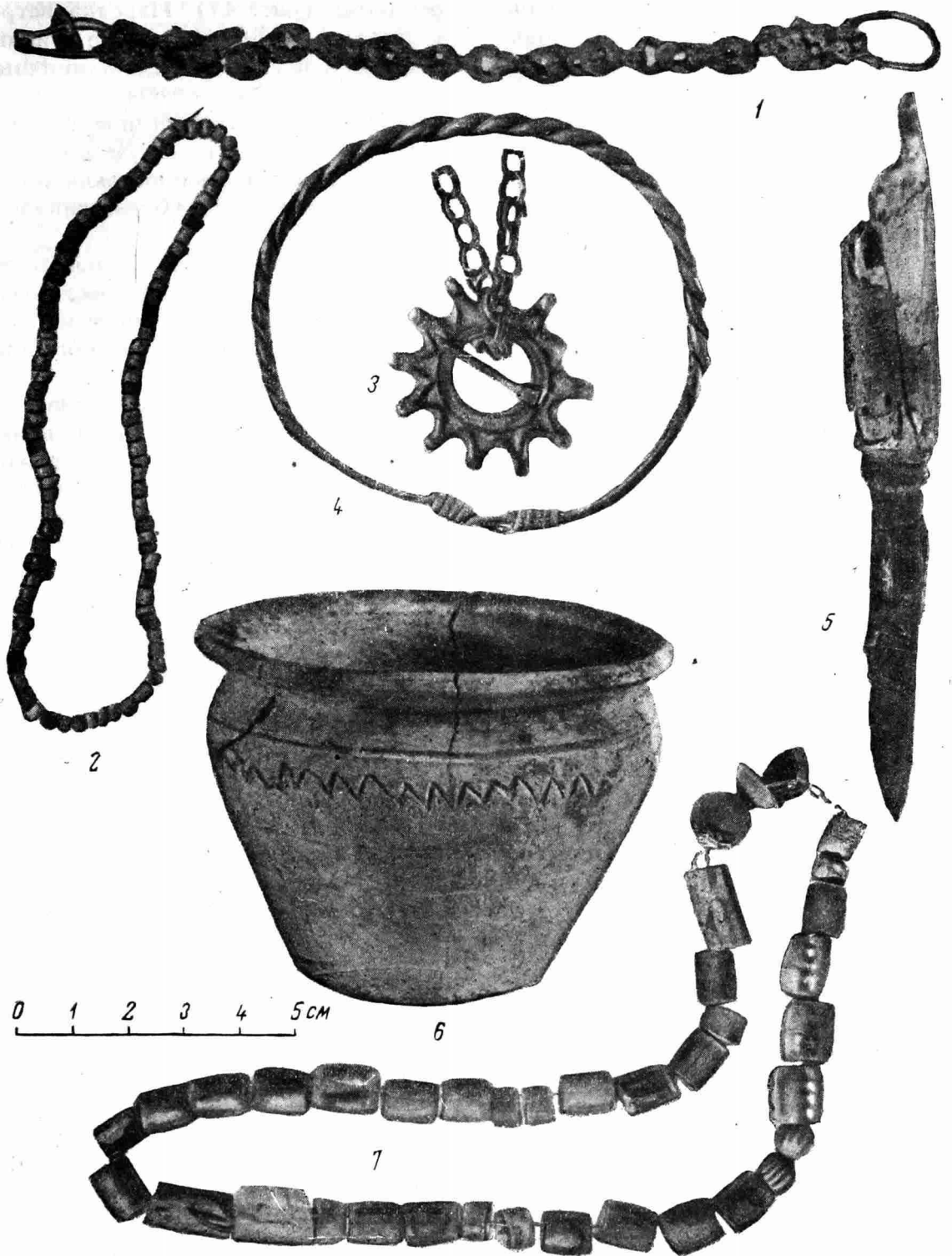

Рис. 41. Инвентарь из кургана № 2 у дер. Шакелево.

1 — железная цепь; 2, 7 — бусы; 3 — бронзовая подвеска; 4 — бронзовый браслет; 5 — нож с костяной рукояткой; 6 — горшок.

В мужских погребениях инвентарь незначителен, здесь встречаются обычно ножи, иногда — наконечник копья или топор; из украшений чаще всего — подковообразные пряжки. Гораздо богаче женские погребения.

В Овсиновке (65) они содержали различные украшения: серебряные или бронзовые височные кольца с завязанными концами, витые и пластинчатые браслеты со стилизованными головками змей, разнообразны бусы: сердоликовые, стеклянные позолоченные, серебряные (рис. 41). Изредка встречаются головные венчики, состоящие из спиралей на бересте, витые гривны, широкие пластинчатые перстни, лучевые пряжки и т. д. В числе единичных находок — арабские монеты¹.

Находки дают возможность датировать большую часть курганов с труположением XI в., а сходство сосуда из Шакелевского кургана № 2 с керамикой прилегающего к могильнику селища позволяет распространить эту дату как на собственно Шакелевское селище, так и на остальные синхронные ему поселения.

В итоге на обследованной нами территории выделяются: 1) поселения середины I тысячелетия до н. э.; 2) городища, существование которых завершается серединой I тысячелетия до н. э., 3) поселения и курганные могильники с обрядом трупосожжения, существовавшие до IX—X вв., и курганные могильники XI в.

Этническая принадлежность населения отчетливее всего прослеживается на поздних памятниках. Перед нами характерные курганные могильники с типично славянским обрядом захоронения. Височные кольца с завязанными концами так называемого смоленского типа дают основание приписать эти курганы кривичам, которым, повидимому, принадлежат и каменные идолы, хранящиеся в Себежском музее². Несомненно, что кривичам принадлежат и более ранние памятники, куда входят и длинные курганы. Единично встреченные сопки могут указывать на частичное проникновение новгородских славян.

Близость Прибалтики отражается в довольно широком распространении в курганах украшений прибалтийского типа (головные венки из спиралей, гривны с шумящими подвесками, браслеты со змеиными головками, подковообразные пряжки и т. д.).

Значительно труднее определить этническую принадлежность городищ типа Ульяновщины. Гладкостенная керамика, обнаруженная на этих памятниках, может в какой-то степени служить признаком появления здесь славянского населения. Что касается поселения у городища Жуки, то оно находит свое место в ряду синхронных памятников Прибалтики и, повидимому, соответствует тому же населению, которое оставило Кланги, Великушский и Покачинский пилкалнисы.

Приложение к карте

Список памятников по хронологическим группам

- I. Поселения на городищах середины I тысячелетия до н. э.: Жуки (5), Себеж II (31).
- II. Памятники первой половины I тысячелетия до н. э.: Городища: Фомино (9), Мидино (13), Ульяновщина (41), Барсуки (45), Кременцы (46), Рябы (48), Дорбыши (62), Стояки (70), Ульково (80).
- III. Памятники второй половины I тысячелетия до н. э.:
  - а) городища-убежища: Литвиново I (21), Мальково (40), Божкино (51), Осыно (82);
  - б) городища-поселения: Припешы (2), Глубочицы (16), Литвиново II (61), Красиково (84);
  - в) селища: Литвиново I (22), Осыно (83);
  - г) курганные могильники с удлиненными, длинными и круглыми насыпями: Ганжиново (1), Малое Крупово (4), Шакелево (7), Горушка (11), Забелье (12), Язбово (18), Дворище (20), Литвиново I (23), Угоринка (34), Горбуны (39).

¹ ОАК, 1892, стр. 62, 63; ИАК, вып. 5, стр. 26—29; вып. 6, стр. 4, 5.

² Ф. Д. Гуревич. Каменные идолы Себежского музея. КСИИМК, 54, 1954, стр. 176—179.

Черная (35), Кременцы (47, ?), Адерево (50), Гришманы (52), Обходы (56), Лавищи (57), Козиха (59), Курилово (60), Идрия (66), Идрица (68), Старо-Козлово (69), Грицьково (74), Княжая могила (77), Сутоки (79), Ульково (80-а;?), Мостище (81), Нища (86).

IV. Памятники XI в.:

а) городища: Себеж I (32), Литвиново II (61);

б) селища: Малое Крупово (3), Шакелево (6), Горушка (10), Дворище (19), Шуты (24), Угоринка (33), Голеуска (37), Бакланицы (49), Обходы (55).

в) курганные могильники с круглыми насыпями: Ганжуново (1), Малое Крупово (4), Шакелево (7), Заозерье (8), Горушка (11), Забелье (12), Мидино (14), Черная грязь (15), Глубочицы (17), Язбово (18), Дворище (20), Литвиново I (23), Илово (25), Креково (26), Остенец (27), Дубровы (28), Янчево (29), Демиденки (30), Угоринка (34), Бородулино (36), Прасни (38), Кузнецова (42), Себежская МТС (43), Птушкино (44), Гришманы (52), Плакутицы (53), Бражкин бор (54), Обходы (56), Лавищи (57), Прихабы (58), Козиха (59), Курилово (60), Кицково (63), Березовка (64), Овсиновка (65), Идрия (66), Шамово (71), Гвозды (72), Толкачево (73), Грицьково (74), Городище (75), Клевцы (76), Княжая могила (77), Малиновка (78), Мостище (81), Красиково (85), Нища (86), Боровые (87).

г) Каменный крест, Идрия (67).

В. В. СЕДОВ

ПОСЕЛЕНИЕ XII в. — НАЧАЛА XV в. В ПЕРЫНИ

В 4 км от Новгорода, в Перыни, отряд Новгородской археологической экспедиции ИИМК (руководитель экспедиции А. В. Арциховский), исследуя культурный слой XII—XV вв., лежащий над остатками древнерусского языческого святилища¹, обнаружил и изучил полуземляночные постройки жилого и хозяйственного назначения. Исследовано 19 полуземлянок, которые стратиграфически разделяются на два яруса. Котлованы полуземлянок нижнего яруса были выкопаны в материке и относятся к самому началу отложения грязножелтого культурного слоя Перыни, который на основании материалов раскопок 1951—1953 гг. датирован XII—XV вв. Таким образом, постройки нижнего яруса относятся к XII в. (рис. 42—1). К ним мы причисляем следующие полуземлянки.

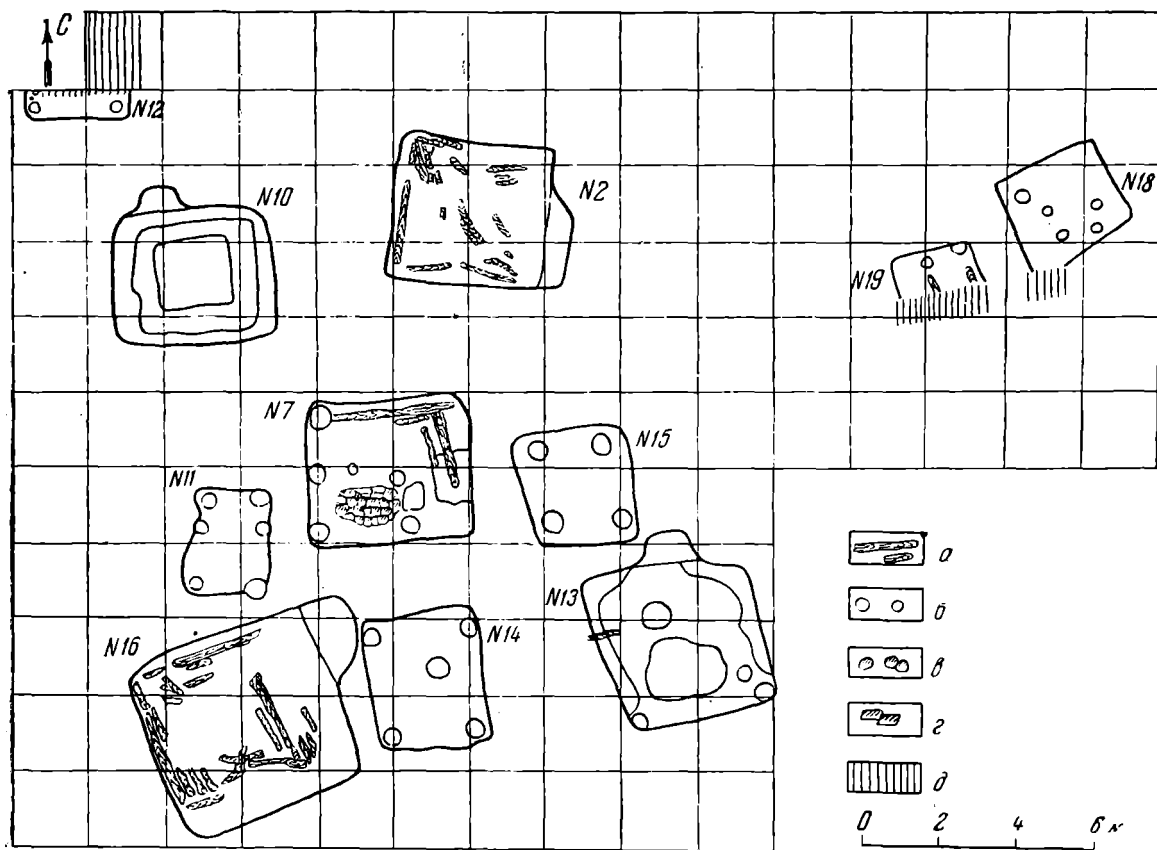
Полуземлянка № 2². Котлован, глубиной около 0,8 м, в плане — прямоугольной формы (размерами 4 × 3,2 м) с небольшой прирезкой с восточной стороны, обозначающей вход. Стенки котлована отвесные. В него был впущен сруб, рубленный в обло из круглых бревен диаметром 15—20 см. Прослежена нижняя часть этого сруба — полусгнившие бревна, лежащие вдоль стенок котлована. В северо-западном углу сохранились бревна от 2—4 венцов. Бревна отстоят от стенок на 0,2—0,3 м. Таким образом, внутренние размеры полуземлянки — около 3,5 × 2,8 м. Верхняя часть сруба сгорела. Следы пожара хорошо прослежены при раскопках — вдоль стенок полосой (шириной 0,4—0,5 м) почти до верхнего края шел темно-серый слой, насыщенный углем и золой; попадались также полусгоревшие обломки дерева.

В середине северо-западной четверти полуземлянки обнаружено много камней различных размеров (до 20 см в поперечнике) со следами пребывания в огне. Нужно полагать, что это остатки каменного очага, восстановить устройство которого невозможно. На дне котлована прослежены остатки полусгнивших досок и темнокоричневая прослойка, свидетельствующие о наличии деревянного пола в полуземлянке.

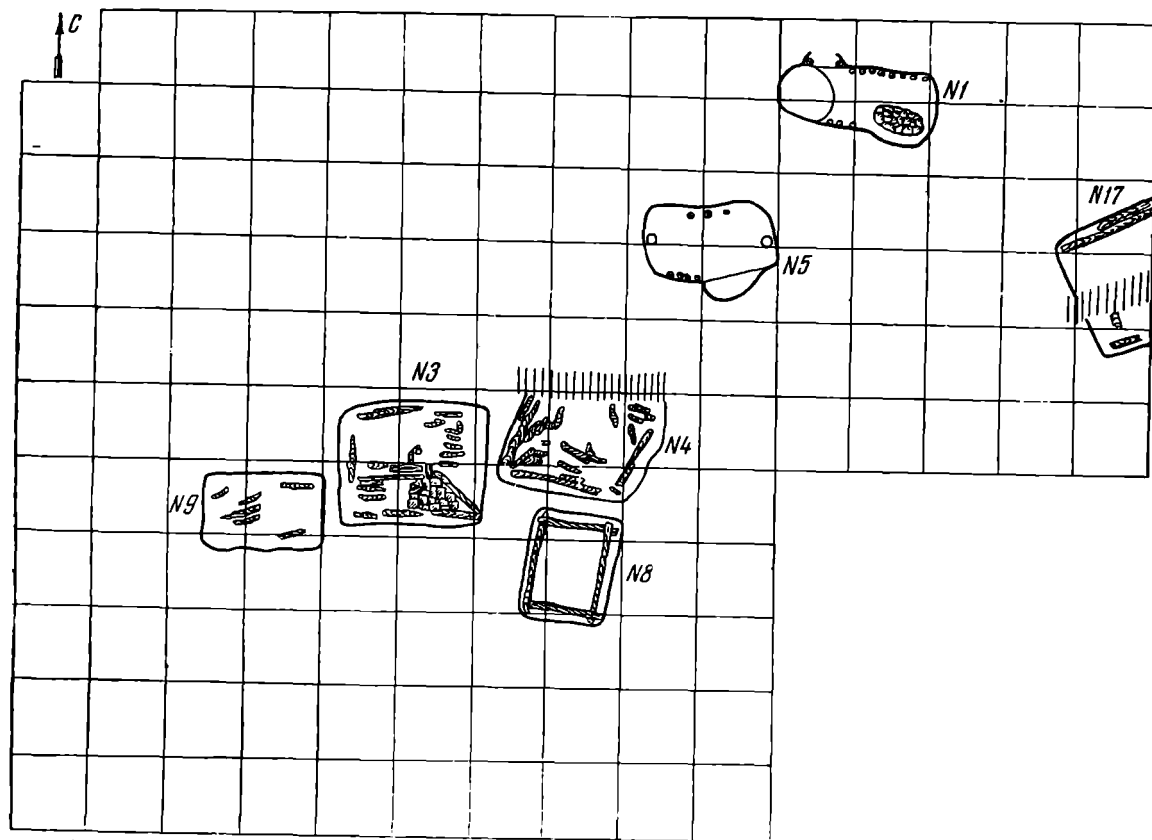
В заполнении котлована были найдены железный втульчатый наконечник копья (рис. 43—1), два каменных рыболовных грузила, обломок глад-

¹ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, Л., 1953, стр. 92—102; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.), КСИИМК, 53, 1953.

² Полуземлянки, открытые в 1951 и 1953 гг., пронумерованы в порядке их полевого исследования. Полуземлянки, раскопанные в 1948 г., не были пронумерованы при раскопках и теперь получили номера 17—19. Раскопками 1948 г. руководил А. Ф. Медведев, который разрешил мне опубликовать эти материалы, за что выражаю ему искреннюю признательность.

1

2

Рис. 42. Полуземлянки в Перыни.

1 — нижнего яруса; 2 — верхнего яруса; а — бревна; б — ямы от вертикальных столбов; в — камни; г — кирпичи; д — поздние перекопы.

кого стеклянного браслета черного цвета и многочисленные черепки глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге.

Полуземлянка № 13. По устройству она в общих чертах сходна с предыдущей. Котлован был размером 4×4 м, глубина его — 1,2 м, стенки отвесные. На всю глубину он заполнен темносерым гумированным слоем с многочисленными угольками. С северной стороны сделана прирезка глубиной около 0,5 м для входа в жилище. Впущенный сруб в северной, восточной и западной частях лежал на специально оставленных при рытье уступах шириной и высотой около 0,2—0,3 м. На дне в юго-восточном и юго-западном углах обнаружены круглые в плане ямки диаметром 0,3 и 0,4 м, заполненные темносерым слоем. Стенки их вертикальны, глубина — 0,40—0,45 м. Это ямки от деревянных столбов — ступьев под углы сруба. Такая конструктивная особенность южной части сруба обуславливается расположенной здесь глубокой подпольной ямой размером $2,2 \times 1,4$ м. Стенки ее почти отвесны, глубина — около 1 м, дно горизонтальное. Предназначалась она, надо полагать, для хранения запасов.

Внутренние размеры жилища — $3,5 \times 3,5$ м. Пол, повидимому, был деревянным, хотя не прослежен раскопками, за исключением мелких яркочеричневых прослоек в северо-западной четверти помещения. В северо-восточной четверти обнаружено большое количество сильно закопченных камней различных размеров. Несомненно, это развал каменного очага или печи-каменки, судя по количеству камней, довольно больших размеров. Вход находился с северной стороны; для спуска на пол, вероятно, пользовались деревянной лестницей. С противоположной от двери стороны можно предполагать наличие небольшого окна из слюды, так как в заполнении этой части котлована найдены небольшие кусочки слюды. Около середины западной стенки обнаружено полусгоревшее бревно (диаметром 15 см), лежащее в направлении запад—восток. Западный конец его лежал сверху у края котлована, восточный, обгоревший, — свисал в котлован. Вероятнее всего, это бревно является остатком двускатной крыши.

Жилище погибло от пожара. Перемешанный слой его заполнения и отсутствие остатков бревенчатого сруба говорят за то, что после пожара из котлована выбраны необходимые предметы, а затем он был засыпан. На различной глубине в засыпке обнаружены 10 каменных рыболовных грузил и большое количество черепков глиняной посуды. На дне найдены каменное грузило и обломок железного сошника (втулка — рис. 43—7), а в верхней части заполнения — два обломка стеклянных витых браслетов и булавка (рис. 44).

Полуземлянка № 15. Открыта под жилищами № 4 и 8, относящимися к верхнему ярусу. Верхняя часть ее, за исключением юго-восточного угла, была разрушена при постройке вышележащих жилищ. Нижняя часть оказалась нетронутой. Котлован в плане прямоугольный (4×4 м), глубина его равна 1 м. На дне обнаружены ямки (диаметром от 0,2 до 0,5 м, глубиной 0,2—0,4 м) от угловых столбов. Являлись ли эти столбы ступьями под углы сруба, впущенного в котлован, или же это были вертикальные столбы с пазами для горизонтально положенных горбылей, — установить не удастся. Следов печи не обнаружено. Нужно полагать, что это была хозяйственная постройка, связанная с жилой полуземлянкой № 13. Кроме обломков глиняной посуды, в заполнении ничего не оказалось.

Полуземлянка № 7. Котлован ее — прямоугольной формы ($4,5 \times 4$ м). Он находился под полуземлянкой № 3, что не позволяет определить его глубину. Однако можно отметить, что котлован был неглубоким, во всяком случае — не более 0,5 м. В заполнении содержалось много обломков обгоревших бревен и угля, свидетельствующих о том, что постройка сгорела. На дне полуземлянки вдоль северной и восточной стенок обнаружены нижние бревна сруба; судя по сохранившейся части, он был рублен.

в обло из круглых бревен диаметром 15—20 см. Внутренние размеры помещения равны 3,5×3 м. Вдоль западной и южной сторон под остатками сруба открыты ямы из-под стульев.

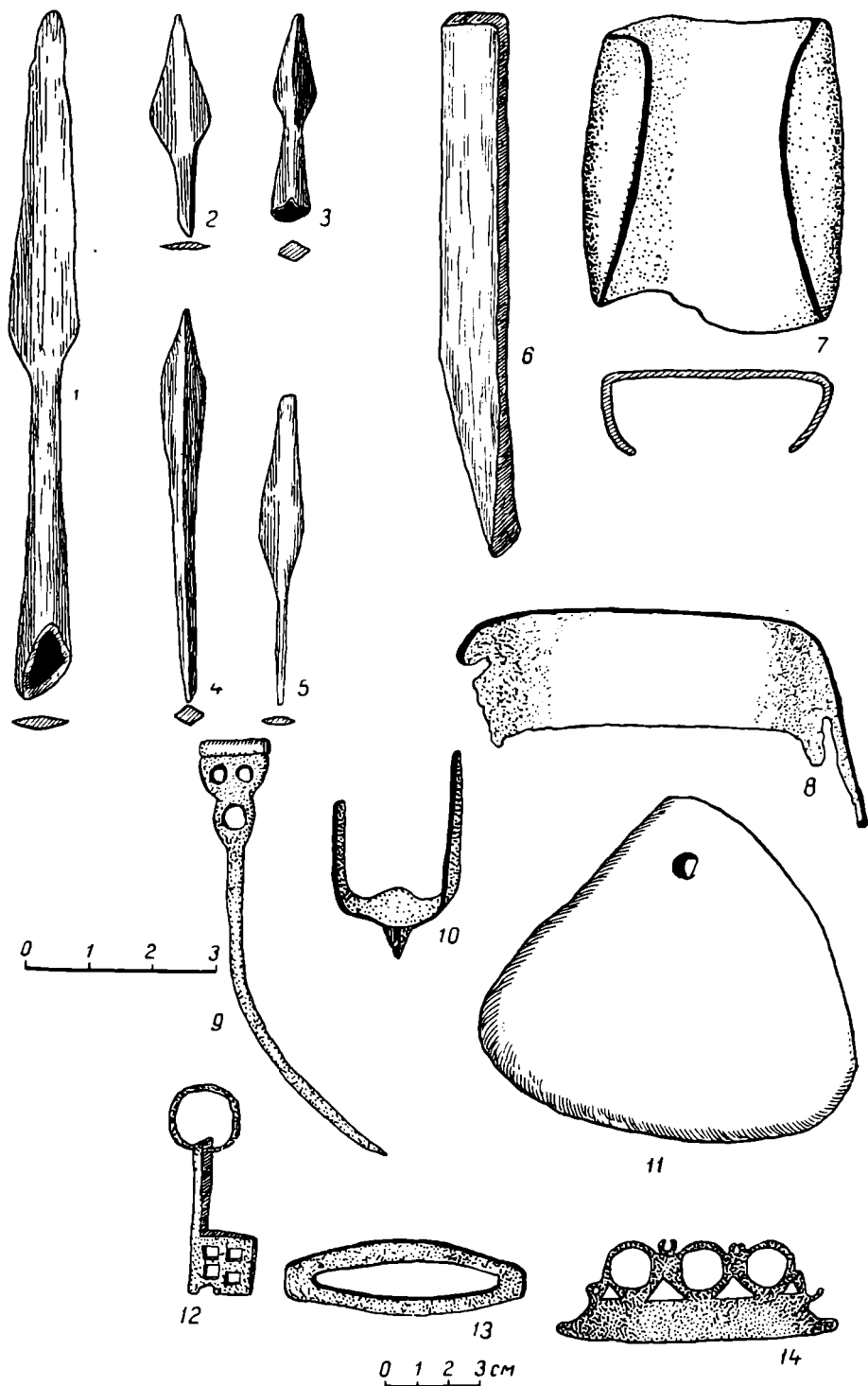

Рис. 43. Металлические и каменные изделия из раскопок Перыни.

1 — наконечник копья; 2—5 — наконечники стрел; 6 — долото; 7 — обломок сошника; 8 — скобель; 9 — булавка; 10 — скоба с шипом; 11 — каменное рыболовное грузило; 12 — ключ; 13 — овальное кресало; 14 — фигурное кресало (2—6, 8—11 и 14 — из слоя XII—XV вв.).

В юго-западной части полуземлянки обнаружены остатки печи. Она стояла на глиняной подушке (толщиной около 20 см), устроенной на дне котлована. На глине лежали в большом количестве закопченные камни и

куски кирпича. Кирпичи раскрошились на мелкие части, но среди них найдены два целых (размерами $23 \times 20 \times 5$ см и $29 \times 18-20 \times 5$ см). Оба они лежали *in situ*, верхняя поверхность их горизонтальна, сильно прокалена. Повидимому, это остатки пода печи. В средней части глиняного основания камни лежали в полном беспорядке, а в северной некоторые камни оказались в непо потревоженном положении. Судя по ним, нужно полагать, что в плане печь была круглой. В развале найдены четыре закопченные плиты толщиной 4—5 см, сектороидной формы. Вместе эти плиты образуют круг диаметром около 0,45 м с отверстием в центре диаметром 7—8 см. Очевидно, это верхняя часть круглой полушарообразной печи, сложенной насухо. Отверстие, образуемое сектороидными плитами, служило для выхода дыма. Рядом с предполагаемым челом печи оказалась яма размерами $0,75 \times 0,60$ м, глубиной до 15 см. Дно ее горизонтальное, стенки почти отвесные. Нужно думать, что при топке печи, чело которой находилось всего на высоте 25 см от пола, для удобства в эту яму ступали ногами.

Рис. 44. Булавка из полуземлянки № 13. (Натур. вел.).

Восточнее вскрыта вторая яма овальной в плане формы ($1,5 \times 0,9$ м). По мере углубления размеры ее постепенно уменьшались. Глубина ямы — 1,2 м, дно воронкообразное. В заполнении, однородном с заполнением всего жилища, найдено большое количество обломков глиняной посуды. Яма, вероятно, служила для хранения запасов. Вдоль северного края печи открыты еще две небольшие ямки от вертикальных столбов. Повидимому, их нужно связывать с основанием окологлазной скамьи.

Место входа в жилище установить не удалось. В заполнении найдены два железных гвоздя, железная сксбка, каменное рыболовное грузило и небольшая глиняная чашка с красной краской.

Полуземлянка № 11. В один комплекс с жилищем № 7 входит небольшая полуземлянка № 11 хозяйственного назначения. Верхняя часть ее разрушена при постройке полуземлянки № 9, расположенной в верхнем ярусе. Котлован — глубиной 0,4—0,5 м, почти прямоугольной формы ($2,6 \times 2$ м); углы его несколько скруглены и немного выступают за линию отвесных стенок. Заполнение составляет серо-желтый слой без каких-либо находок. На дне встречены семь ям: шесть — по углам и вдоль длинных сторон, в этих ямах были вставлены вертикальные столбы, составляющие основу стен постройки; назначение седьмой ямы неясно.

Полуземлянка № 16. Она вырыта в материке и в желтопесчаном заполнении кольцеобразного рва языческого святилища. Размеры котлована — $4,6 \times 4,5$ м при глубине 1,1 м. С северо-восточной стороны сделана прирезка полукруглой формы (глубиной 20—25 см) для входа. В котлован был впущен сруб, рубленный в обло из круглых бревен диаметром 15—25 см. Остатки его открыты по всем четырем сторонам. Обнаружены нижние один-два венца полусгнивших бревен, выше — обломки сгоревших бревен. Внутренние размеры постройки — $3,8 \times 3,7$ м. Пол ее был деревянным; его провалившаяся в подполье часть прослежена раскопками. Многочисленные закопченные камни, обнаруженные в заполнении, указывают на то, что в жилище была печь-каменка. Она занимала юго-восточную четверть площади, располагаясь налево от входа. Неглубокое подполье находилось в средней части полуземлянки.

Заполнение котлована неоднородно. По краям, там, где ниже открыты непо потревоженные остатки сруба, и на дне — темный, грязножелтый слой. В срединной части — перемешанный темносерый слой с крупными массивами красной глины, грязножелтой супеси и угля. Заполнение этой части с какой-то целью было перекопано, причем значительно позднее времени разрушения жилища. Предметов, связываемых с жилищем, немного: железные гвозди, два ножа и пробой. В перекопанном слое найдены шиферное пряслице, несколько каменных рыболовных грузил, английская свинцовая плomba и дерптская и ревельская монеты начала XV в.¹

Полуземлянка № 14. Расположена с восточной стороны жилища № 16 и являлась хозяйственной постройкой. Обозначилась она в виде темного пятна серо-желтой супеси в материке. Размеры котлована — 3,5 × 3,5 м, стенки его отвесны, глубина — около 0,8 м. На дне по углам открыты четыре ямы с заполнением, свидетельствующим о том, что в них сгнили основания деревянных столбов, возможно, вертикальных, составлявших каркас стен. В пазы этих столбов вкладывались горизонтально концы горбылей. Но вполне возможно и другое предположение, — что это ямки от столбов — стульев под углы сруба, впущенного в котлован. На дне, несколько юго-восточнее центра, находилась еще одна круглая в плане яма диаметром около 1 м и глубиной 20—22 см. Заполнение ее однородно с заполнением полуземлянки; назначение осталось невыясненным.

Совершенно однородное заполнение, отсутствие каких-либо остатков деревянных конструкций, малочисленность фрагментов керамики и отсутствие других находок позволяют думать, что полуземлянка была разобрана и ее котлован засыпан.

Полуземлянка № 10. Котлован — прямоугольной формы (4 × 3 м). На глубину 1,2 м стенки отвесны. На этой глубине при рытье были предусмотрены уступы для помещения нижнего венца сруба, подобно тому как это было отмечено в полуземлянке № 13. От сруба сохранилась лишь часть бревна (диаметром 15 см) от северной стенки. Ширина уступов — 25—30 см. Далее котлован углублен еще на 30 см. Повидимому, это было неглубокое подполье, в заполнении которого прослежены две прослойки провалившихся деревянных полов. Остатками одного из них, который сгорел вместе с другими частями деревянных конструкций, является угольный слой толщиной 4—5 см. Несколько ниже залежала темнокоричневая прослойка второго пола (толщиной около 3—4 см). Печь находилась в юго-западной части. Здесь найдены несколько закопченных и прокаленных камней, бесформенные обломки кирпичей и куски обожженной глины. Вход в жилище был с северной стороны. Здесь к котловану примыкал полукруглый вырез в материке глубиной около 0,4 м.

Котлован был заполнен темносерым слоем с большим количеством угольков. В нем найдено 8 каменных рыболовных грузил (рис. 43—11), несколько железных гвоздей, железный втульчатый наконечник копья, кресало (рис. 43—13) и многочисленные обломки керамики.

Полуземлянка № 12. Рядом с десятой полуземлянкой открыты остатки двенадцатой. Глубокая яма позднего происхождения полностью нарушила ее верхнюю часть. Кроме того, значительная часть ее осталась за пределами раскопа; исследована только самая нижняя часть в южной половине полуземлянки. На дне котлована, в его юго-западном и юго-восточном углах, раскопаны две круглые в плане ямы диаметром 0,2 и 0,4 м, глубиной 0,20 и 0,25 м. Заполнение их (темносерый слой с яркокоричневыми включениями) указывает на то, что в них сгнили основания вертикальных деревянных столбов, повидимому, составлявших основу стен. Между ямами

¹ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, XVIII, 1953, стр. 384.

в материке прослежена канавка шириной 10—12 см и глубиной 5—7 см с аналогичным заполнением. В северном направлении от юго-западной угловой ямы на дне котлована обнаружены три ямки с тем же заполнением (диаметром 8—10 см и глубиной 5—7 см). Видимо, это следы западной стенки, представлявшей собой нечто вроде частокола. Возможно, что таким же образом была устроена и южная стена; здесь следами стенки-частокола являются не отдельные ямки, а длинная канавка. Из находок отметим шиферное пряслице.

Полуземлянка № 18. Имела прямоугольный котлован (3 × 2,7 м), вырытый в материке и желтопесчаном заполнении кольцеобразного рва языческого святилища. Стенки котлована отвесные, глубина — около 1,2 м. Верхняя часть нарушена при постройке вышележащей полуземлянки № 17. Заполнение составлял темносерый слой с интенсивно черными угольными пятнами, особенно в нижней части котлована. Здесь найдены 7 каменных рыболовных грузил, 3 железных гвоздя, железная скоба, полусгнившие остатки кожи и несколько обломков гончарной посуды. На дне обнаружены два закопченных камня, вероятно, остатки каменного очага, а также 5 ямок с темносерым заполнением. Глубина ямок — до 0,3 м; в них находились вертикальные столбы, назначение которых в конструкции полуземлянки осталось неясным.

Полуземлянка № 19. Эта небольшая полуземлянка находится рядом с описанной выше и одновременна ей. Исследована только ее северная половина, так как южная разрушена при постройке фундамента кирпичной стены Перынского монастыря. Котлован был вырыт в желтопесчаном заполнении рва языческого святилища и в материке и имел прямоугольные очертания (длина его с запада на восток — около 2 м); отвесные стенки шли на глубину около 0,7 м. На дне обнаружены остатки сгоревших бревен и две ямки от вертикальных столбов, вероятно, ступей под северную стенку сруба. В заполнении (темносерый слой с углем) найдены железные гвоздь и нож, точильный брусок, обломок медной проволоки и фрагменты керамики. Каких-либо следов печи не обнаружено. Отсутствие печи и малые размеры площади позволяют полагать, что полуземлянка имела хозяйственное назначение.

Полуземлянка № 6. Ее прямоугольный котлован размерами 5,3 × 4 м вырыт в материке на глубину около 2 м. Но собственно полуземлянка была углублена всего на 0,5—0,6 м. Затем шел уступ шириной 15—20 см и ниже — подполье. Интересно заметить, что все описанные жилища имели при себе хозяйственные постройки; в полуземлянке № 6 вместо хозяйственных построек было глубокое подполье. Изучение заполнения приводит к заключению, что после оставления полуземлянки она была, очевидно, разобрана, а котлован засыпан. Устройство ее может быть реконструировано по аналогии с другими постройками. Нижний конец сруба опирался на уступы, деревянный пол прикрывал подпольную яму.

В заполнении подполья найдены обломок глиняного светильника и древнерусского поливного сосуда (зеленоватой поливы), два сильно окислившихся железных предмета и небольшое число фрагментов керамики. В верхней части заполнения обнаружены стеклянная позолоченная цилиндрическая бусина и железный гвоздь. Стратиграфически полуземлянка четко связывается с другими сооружениями нижнего яруса. Абсолютная хронология определяется стеклянной позолоченной цилиндрической бусиной и домонгольской поливной керамикой — XII в. и началом XIII в. Этим же временем нужно датировать и другие постройки нижнего яруса. Помимо стратиграфического обоснования, в пользу такого заключения говорит и находка шиферного пряслица. Обломки стеклянных браслетов найдены только в полуземлянках нижнего яруса.

Собранная керамика не отличается большим многообразием. Это в боль-

шинстве случаев горшки с отогнутым венчиком, с закругленным краем и выпуклыми плечиками. Орнаментация по плечикам сосудов преобладает волнистая, но встречены горшки с линейным орнаментом, с узором в виде вдавлений и неорнаментированные. Черепок в изломе, как правило, многоцветный. Из других форм сосудов нужно отметить находку большого, сравнительно тонкостенного кувшина из белой глины, обнаруженного в обломках в подполье полуземлянки № 10, и фрагменты глиняных мисок.

Котлованы полуземлянок верхнего яруса вырыты главным образом в грязножелтом культурном слое и в общем, как можно заметить, менее углублены в грунт. Рассмотрим кратко эти постройки в отдельности (рис. 42—2).

Полуземлянка № 17. В раскоп вошла своей западной частью (кроме того, срединная часть ее осталась неизученной, так как была разрушена фундаментом монастырской стены). По устройству она приближается к постройкам первого периода. Можно думать, что это была первая постройка, сооруженная после пожара, уничтожившего строения нижнего яруса. В прямоугольный котлован (длиной с северо-северо-запада на юго-юго-восток — 3,3 м) с отвесными стенками (глубина — около 0,6 м) был впущен сруб, который сгорел; остатки его прослежены в северной и южной частях в виде обгоревших и полусгнивших бревен нижнего венца. Способ рубки и диаметр бревен установить не удалось.

Заполнение котлована состояло из темносерого слоя с остатками сгнившего дерева и большого количества угля и золы в виде крупных и мелких включений, свидетельствующих о пожаре. Особенно интенсивные черные угольные пятна прослежены по краям жилища. Остатки печи обнаружены в виде кусков обожженной глины в различных местах, и расположение печи неизвестно. В заполнении полуземлянки найдены вещи, свидетельствующие о характере хозяйственной деятельности ее обитателей: два каменных рыболовных грузила, железные предметы — рыболовный крючок, заклепа (вероятно, от лодки), 6 ножей, 9 гвоздей, кольцо, ключ, так называемый древолазный шип и большое количество обломков глиняной посуды.

Полуземлянка № 3. Была прямоугольной формы (3,5 × 3,5 м). Глубина котлована — около 0,3—0,4 м. Раскопками открыты остатки сгоревшего впущенного сруба, рубленного в обло из круглых бревен диаметром 15—20 см. В средней части котлована обнаружены остатки сгоревшего пола из круглых бревен диаметром 10—12 см, положенных в направлении с востока на запад. Юго-восточную четверть жилища занимает развал печи — большое количество обломков кирпича и камней. Конструкция печи не установлена. В полуземлянке собрано много железных гвоздей, несколько каменных рыболовных грузил, два глиняных горшка, несколько черепков глиняных сосудов и две дерптские монеты начала XV в.¹ Сгорела эта постройка, повидимому, в начале XV в.

Полуземлянка № 9. Имела также прямоугольный котлован с отвесными стенками (3,7 × 2,1 м, глубина — 0,5—0,6 м). Заполнение составлял темносерый слой с большим содержанием угля. Найдены беспорядочно лежавшие обгорелые обломки бревен, повидимому, от сруба. Судя по небольшим размерам помещения и отсутствию в нем каких-либо остатков печи, это была хозяйственная постройка, входившая в один комплекс с жилой полуземлянкой № 3.

Полуземлянка № 4. В основных чертах своего устройства сходна с полуземлянкой № 3. Северная часть ее была разрушена в начале XIX в. при постройке кирпичной стены монастыря. Размеры котлована в направлении с запада на восток — свыше 3,5 м; глубина его — около 0,8 м; стенки отвесные, дно горизонтальное. В котлован был впущен сруб из бревен

¹ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 385.

диаметром 15—20 см. Углы его не сохранились. В заполнении найдены камни, покрытые нагаром, что свидетельствует о наличии печи-каменки и указывает на жилой характер строения. Устройство печи и ее местонахождение не могут быть выяснены. Жилище уничтожено пожаром.

У восточной стенки раскопками прослежено пятно черно-серой гумированной супеси толщиной 0,2 м и площадью $3 \times 2,5$ м, — вероятно, следы какой-то наземной пристройки хозяйственного назначения типа навеса.

Постройка № 8. В прямоугольный котлован с отвесными стенками ($3,2 \times 2,5$ м при глубине 1,2 м) был впущен сруб, сложенный в обло из неошкуренных березовых бревен диаметром 15 см. Сохранилось 3—4 венца. Пол был из горбылей, обращенных полукруглой стороной вниз. Повидимому, это был погреб. Стратиграфически постройка увязывается с полуземлянкой № 4 и сгорела одновременно с ней. Заполнение котлована перекопано. В нем найдено три каменных рыболовных грузила и много черепков глиняной посуды.

Особняком стоят относящиеся к этому же периоду две полуземлянки (№ 1 и 5).

Полуземлянка № 1. В плане имела удлиненно-овальную форму (4×2 м). Глубина котлована — около 0,65 м, дно горизонтальное. Около отвесных стенок замечены следы вертикальных столбиков диаметром 10—15 см. Расстояние между ними — 15—20 см. Столбики, повидимому, составляли каркас стен плетневого типа. Устройство перекрытия не может быть реконструировано. Предполагаем, что оно было двускатным, аналогичным перекрытию описанной ниже полуземлянки.

В юго-восточной части жилья обнаружены остатки печи-каменки — закопченные и прокаленные камни диаметром 12—20 см. Под ними прослежена часть основания печи в виде овального пятна красной глины размерами $1,0 \times 0,65 \times 0,2$ м. Верхняя часть этого глиняного массива была обожжена. Для печи при рытье котлована было оставлено песчаное основание — стол высотой около 0,2 м. Западную часть полуземлянки занимала подпольная яма глубиной около 0,35 м, служившая для хранения запасов. В ее заполнении обнаружено скопление рыбьей чешуи. Вход в полуземлянку был с северной стороны. Здесь к котловану примыкал вырез глубиной около 0,3 м. По его краям обнаружены две ямы от вертикальных столбов диаметром 25—30 см, которые нужно связывать с дверной рамой. Около двери — ступеньки земляной лестницы, сделанные при рытье котлована.

Налево от входа, вдоль северной стенки, на дне лежали два человеческих скелета, положенные рядом на спине, головами на восток, ногами к двери. Руки согнуты в локтях и лежали на животе. Правый (северный) скелет оказался мужским, левый — женским. Никаких следов намеренного убийства не обнаружено. Изучение заполнения позволяет отнести эти погребения ко времени гибели жилища. Повидимому, сгоревшая полуземлянка была использована для захоронения.

В заполнении встречены каменное рыболовное грузило, точильный брусок, гвозди, скобки, медная пластинка и медная оковка (вероятно, от сундука) и черепки сосудов.

Полуземлянка № 5. По своему устройству близка к вышеописанной. Она — удлиненно-овальной формы ($3,5 \times 2$ м). Стенки ее котлована несколько наклонны. При выборке заполнения около стен отмечены следы вертикальных столбиков (диаметром до 10 см) каркаса плетневых стенок. В крайних восточных и западных частях полуземлянки обнаружены ямы от вертикальных столбов диаметром 15 см. Наиболее вероятное назначение их — поддерживать двускатное перекрытие. Вход располагался с южной стороны, где в котловане сделаны вырез и ступенька. Отсутствие каких-либо остатков печи указывает или на временный характер постройки, или на ее хозяйственное назначение. Постройка, судя по наличию угля в запол-

нении, сгорела; среди находок здесь — обломки глиняной посуды и каменное рыболовное грузило.

Отсутствие в полуземлянках верхнего яруса предметов XII в. и первой половины XIII в. — шиферных пряслиц, домонгольской поливной керамики, обломков стеклянных браслетов¹ и т. п. — и находки монет начала XV в. позволяют отнести эти постройки к периоду от второй половины XIII в. до начала XV в. Основную массу керамики этого времени составляют горшки с сильно отогнутым венчиком с прямым, тупым или сложно оформленным краем. Половина посуды неорнаментирована; из орнаментированной преобладают горшки с линейным узором. Черепок в изломе одноцветный — серый или черный, реже красный.

Таким образом, раскопками 1948—1953 гг. вскрыта значительная часть поселения XII в. — начала XV в. Основное занятие обитателей — рыбная ловля. Во всех раскопанных полуземлянках обнаружены каменные рыболовные грузила, а в некоторых — рыболовные крючки, лодочные заклепки. Местоположение поселка у истоков Волхова, почти на самом (северном) берегу озера Ильмень, было очень удобно для занятия рыболовством². Вместе с тем находка обломка сошника в одной из полуземлянок свидетельствует о занятии населения земледелием. Находки монет и стеклянных браслетов объясняются тесными торговыми связями с Новгородом. Жители поселка, повидимому, снабжали город рыбой.

Постройки, углубленные в землю, характерны для южных областей древней Руси. Раскопки в древнерусских городах и поселениях X—XIII вв., как и в раннеславянских поселениях VIII—IX вв., показали, что в лесостепной полосе расселения восточнославянских племен жилища-полуземлянки являлись основной формой построек³. В северных областях расселения восточных славян еще с середины I тысячелетия н. э. единственной и основной формой жилища становятся наземные срубные постройки. Они хорошо известны по раскопкам в Пскове, Старой Ладоге, Новгороде и других местах⁴. В средней полосе Восточной Европы, в областях, где впоследствии сложились средневеликорусские говоры, или по соседству с современной границей распространения этих говоров археологические раскопки выявляют обе формы построек — наземные и полуземляночные, которые существуют одновременно⁵. Перыньские полуземлянки — исключение для северных районов древней Руси. По своим конструктивным особенностям они ближе всего к среднерусским, известным по раскопкам в Суздале и Твери. Вполне вероятно, что полуземлянки Перынского поселения XII в. — начала XV в. являются свидетельством проникновения в Северное Приильменье населения из более южных районов древней Руси.

¹ В Новгороде стеклянные браслеты бытуют до первой трети XIV в., но в меньшем количестве, чем в домонгольское время.

² Интересно, что и в настоящее время в Перыни находится рыболовецкий завод.

³ М. К. Каргер. Жилище Киевской земли. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии Академии Наук СССР, стр. 84, 85; е го же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951; Г. Б. Федоров. Городище Екимаяцы. КСИИМК, Л, 1953, стр. 116—119; П. П. Ефименко и П. Ю. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

⁴ С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 140—147; е е же. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 104—112; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 5—54; СА, XII, 1950, стр. 7—40; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.: СА, XIV, 1950, стр. 139—159; А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 119—151; е го же. Раскопки восточной части дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 152—176.

⁵ А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв. СЭ, IV, 1948, стр. 54—69; А. Ф. Дубынин. Археологические исследования города Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, XI, 1945, стр. 91—99; Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском Кремле. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 145—155.

П. А. РАППОРТ

ОБСЛЕДОВАНИЕ РАННМОСКОВСКИХ ГОРОДИЩ в 1954 г.

В древнерусских письменных источниках — в летописях, духовных и договорных грамотах — упоминается целый ряд городов на территории Московского княжества. Некоторые из них, как, например, Звенигород, Руза, Можайск, Верея, продолжали оставаться более или менее крупными населенными пунктами и позднее, вплоть до наших дней, другие же постепенно запустели, превратились в села или вовсе прекратили свое существование. Местоположение некоторых запустевших городов хорошо определяется на географической карте по существующим в настоящее время одноименным им селам. Однако в отдельных случаях на месте исчезнувших городов не осталось даже сел и место древнего города может быть определено лишь очень приблизительно.

Археологические исследования раннемосковских городов начались лишь в самые последние годы. Работы Б. А. Рыбакова в Звенигороде, Л. А. Голубевой в Верее и Рузе, М. Г. Рабиновича в Тушкове и др. дали ценный материал для истории и для истории культуры московских городов XIV—XV вв. Но большая часть городов, известных по письменным источникам, к сожалению, не подверглась даже предварительному обследованию.

Задачей разведки, проведенной в 1954 г., и было предварительное обследование некоторых городищ, находящихся в пределах современной Московской области и являющихся остатками городов Московского княжества.

ПЕРЕМЫШЛЬ

В духовной грамоте Ивана Калиты упоминается на основной территории Московского княжества всего 5 городов: Москва, Звенигород, Руза, Радонеж и Перемышль¹. Местоположение первых четырех хорошо известно, тогда как в отношении Перемышля дело обстоит менее благополучно. Некоторые историки смешивали этот московский город с Перемышлем Вятским, расположенным на р. Жиздре, несколько южнее Калуги. Лишь сопоставление сведений о Перемышле, имеющих в духовных и договорных грамотах XIV—XV вв. и в писцовых книгах XVII в., позволило совершенно точно определить, где находился этот ныне исчезнувший город Московского княжества². Выяснилось, что Перемышль был расположен на

¹ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 33.

² В. М. Кашкаров. Город Перемышль. Изв. Калужской ученой архивной комиссии, 1898, № 1, стр. 20—22; В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как исторический источник. ЗОРСА, т. VI, СПб., 1903, стр. 10, 11.

берегу р. Мочи, притоке Пахры, на территории современного Подольского района Московской области.

Наиболее ранние сведения о Перемышле сообщает В. Н. Татищев, указывающий на постройку города Юрием Долгоруким¹. Сведения, сообщаемые В. Н. Татищевым, не подтверждаются данными известных нам летописей; в древних же письменных источниках Перемышль впервые упомянут около 1339 г. в духовной грамоте Калиты². В 1370 г. при походе Ольгерда на Москву «князь Володимер Андреевич с силою събравшися стояше в Перемышле ополчившейся»³. Позднее город упоминается в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем (1389 г.), в духовной грамоте Владимира Андреевича (1401—1402 гг.) и ряде других документов⁴.

К XVI в. Перемышль, повидимому, запустел, так как в документах после 1462 г. он больше не упоминается. В XVII в. в Московском уезде существовала еще Перемышльская волость, хотя на месте самого города было уже заброшенное городище⁵, а на картах XVIII в. здесь отмечен Перемышльский погост; к XIX в. даже само название древнего города было забыто⁶. В настоящее время Перемышльское городище местные жители называют просто «городок». В 1925 г. оно было обследовано А. Ф. Дубыниным и С. В. Киселевым, опубликовавшими краткое описание⁷. Очень коротко упомянуто это городище, — однако, как безымянное у дер. Родневой, — в «Материалах к археологической карте Московского края»⁸.

Перемышльское городище расположено на надпойменной террасе правого берега р. Мочи и одной стороной примыкает к краю этой террасы (рис. 45 — б). Склон городища достигает здесь около 15 м при крутизне 30°, общая же высота площадки над уровнем реки — около 25 м. С остальных сторон городище окружено валом, в плане близким к полукругу. Перед валом — широкий и глубокий ров. С наполяя ров целиком искусственный, а с севера и юго-запада, т. е. ближе к краю береговой террасы, переходит в большие естественные овраги. Ширина рва достигает 30 м при глубине до 6 м. Вал с северной стороны городища очень незначителен по высоте, с восточной же и южной высота его достигает 7,5 м. Древний въезд расположен с северной стороны. Восточный въезд, повидимому, является более поздней прорезкой.

Площадка городища очень ровная, слегка покатая в сторону реки; однако возможно, что она была выровнена в начале XX в. при строительстве усадьбы фабриканта Филиппова⁹. Размер площадки — приблизительно 280 × 280 м.

¹ В. Н. Татищев. История российская, кн. 3. М., 1774, стр. 482, прим. 458.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 7.

³ Московский летописный свод, 6878 г. (ПСРЛ, т. 25).

⁴ Духовные и договорные грамоты..., стр. 31, 46, 70, 129, последнее упоминание в 1460—1462 гг. — стр. 199.

⁵ Перемышльское городище упомянуто, например, в писцовой книге 1627—1629 гг. — В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах 17 и 18 столетий, вып. 7. Перемышльская и Хотунская десятины. ЧОИДР, 1889, кн. 1, стр. 8. О Перемышльской волости см. Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1937, стр. 392.

⁶ «Погост Перемышльской» отмечен, например, в Атласе Московской губернии конца XVIII в. — ЦГИАЛ, ф. 1350, Межевой департамент, № 23, л. 36, а также в Атласе Московской губернии 1800 г. — ЦГИАЛ, ф. 1350, Межевой департамент, л. 68.

⁷ А. Ф. Дубынин и С. В. Киселев. Материалы для археологической карты Московской губернии. «Московский краевед», 1929, № 2(10), стр. 5.

⁸ С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края. МИА, № 7, 1947, стр. 174.

⁹ В настоящее время на территории городища расположена центральная физкультурная база ВЦСПС.

Заложенный шурф показал, что под слоем позднего строительного мусора лежит нетронутый древний культурный слой толщиной до 0,45 м. Находки относятся в основном к XIV—XV вв., однако здесь же найдено довольно много фрагментов керамики XII—XIII вв. Совершенно такие же

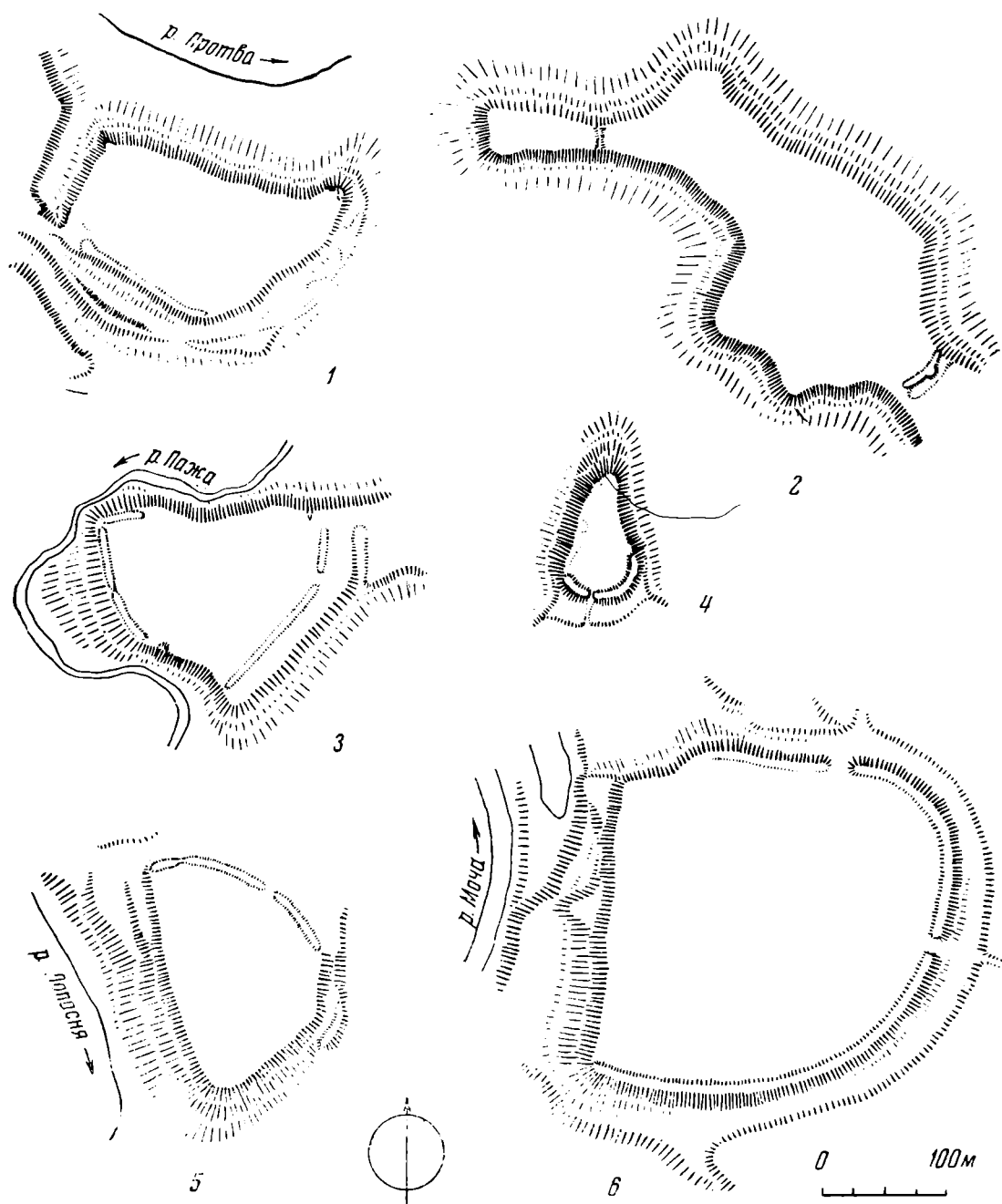

Рис. 45. Схематические планы городищ.

1 — Вышегород на Протве; 2 — Баранова гора (Вышегород на Яхrome); 3 — Радонеж; 4 — городище в с. Борзеево; 5 — Хотунь; 6 — Перемышль.

материалы можно обнаружить и на поверхности земли на всей территории городища. Юго-западнее городища, на расстоянии 300—400 м, повидимому, расположено древнее кладбище.

Результат обследования дает основание полагать, что Перемышль был основан еще в XII в. Очень возможно, что В. Н. Татищев был прав, упоминая его среди городов, построенных Юрием Долгоруким. Очевидно, город был крайним юго-западным форпостом Суздальского княжества.

Радонеж, подобно Перемышлю, является одним из тех городов, которые были расположены на основной территории Московского княжества, принадлежавшей московским князьям уже на рубеже XIII и XIV вв.

Время сооружения Радонежа может быть определено лишь приблизительно, — повидимому, серединой XIV в. Правда, в духовной грамоте Ивана Калиты упомянуто «Радонежское», но относится это упоминание, видимо, к волости, а не к городу. Там же отдельно отмечено и «село Радонежское»¹. В «Житии Сергия», написанном Епифанием, указано, что родители Сергия переселились в Радонеж из Ростова в 20 или 30-х годах XIV в., причем Радонеж назван «весь» т. е. поселение, деревня, а не город².

После Ивана Калиты Радонеж достался его сыну Андрею, и, вероятно, при нем здесь были построены оборонительные сооружения, т. е. город в древнерусском смысле этого слова³. В 1374 г. Радонеж, — повидимому, уже город, — упоминается как принадлежащий князю Владимиру Андреевичу⁴. В 1401—1402 гг. он записан в духовной грамоте этого князя⁵. В начале XV в. Радонеж становится даже самостоятельным уделом. Так, под 1426 г. в летописи отмечена смерть сына Владимира Андреевича князя Андрея Радонежского⁶.

В XV в. Радонеж неоднократно упоминается в письменных источниках, например в княжеских договорах 1433 г. и 1447 г.⁷. В 1446 г. здесь стояла «сторожа» великого князя Василия, когда сам он находился в Троице-Сергиевом монастыре⁸. В 1478 г. радонежцы отмечены в войске великого князя Ивана Васильевича⁹.

Повидимому, к концу XV в. Радонеж как крепость потерял свое военное значение, а посад его превратился в село. В 1491 г. летопись отмечает, что великий князь перевел торг от Троицкого монастыря «в Радонежь на городок»¹⁰. В середине XVI в. «Радонеж с волостми» попадает в завещание Ивана Грозного¹¹. Часто упоминается он и в документах XVII в., причем иногда называется даже «город Радонеж»¹². Однако, очевидно, в XVI—XVII вв. название «Городок Радонежский» перешло уже постепенно с самого укрепления (видимо, заброшенного) на село. Так, в писцовой книге 1624—1625 гг. прямо названо «село Городок Радонежской на речке на Паже»¹³. Название Городок сохранилось за селом до настоящего времени.

Городище расположено в 0,5 км западнее с. Городок (Загорского района Московской области) на мысу, образуемом крутой петлей р. Пажи, на ее левом берегу (рис. 45—3). Высота площадки городища над уровнем реки — около 18 м. Площадка ровная, длина ее — примерно 180 м. С северной и юго-западной сторон склоны крутые (40—45°) и на краю площадки здесь нет вала; с западной, где склон более пологий (около 25°), проходит вал высотой 1,5 м. С юго-востока к городищу вплотную примыкает низмен-

¹ Духовные и договорные грамоты..., стр. 8 и 9.

² Житие Сергия, написанное Епифанием Премудрым. Памятники древней письменности и искусства, вып. 58, СПб., 1885, стр. IX и 34.

³ Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский. Сергиев-Посад, 1892, стр. 86.

⁴ Московский летописный свод, 6882 г. (ПСРЛ, т. 25).

⁵ Духовные и договорные грамоты..., стр. 46.

⁶ Московский летописный свод, 6934 г. (ПСРЛ, т. 25).

⁷ Духовные и договорные грамоты..., стр. 70 и 129.

⁸ Московский летописный свод, 6954 г.

⁹ Московский летописный свод, 6986 г.

¹⁰ Воскресенская летопись, 6999 г.

¹¹ Духовные и договорные грамоты..., стр. 434.

¹² ЧОИДР, 1913, кн. 2, стр. 349.

¹³ Там же.

ная долина; крутизна склона здесь — всего около 20°, и площадка городища также ограждена валом высотой более 2 м. Вал этот расположен, однако, не на самом краю, а отступая от склона примерно на 10 м.

Естественные склоны отсутствуют лишь с восточной стороны, где перешеек шириной около 50 м соединяет городище с плато. С этой, напольной, стороны городище защищено валом (высотой 3 м), а в 15 м перед ним расположен ров глубиной в настоящее время до 2,5 м при ширине около 23 м. Вал и ров с северной стороны перешейка не доходят на 10—12 м до берегового склона, образуя въезд.

Вся площадка городища густо заросла деревьями и кустарником, а в восточной ее части расположено кладбище. Подъемный материал встречается в небольшом количестве — это фрагменты керамики XIV—XV вв. В 1929—1930 гг. здесь производил раскопки Н. П. Милонов, выяснивший, что культурный слой чрезвычайно бедный и тонкий — всего около 15 см. На селище, расположенном восточнее, где культурный слой достигает толщины 1,5 м, Н. П. Милоновым были раскопаны жилища и мастерские¹.

ХОТУНЬ

Город Хотунь расположен на территории, вошедшей в состав Московского княжества уже в первые годы XIV в. в результате похода московского князя Даниила Александровича на рязанского князя Константина². Название города появляется в письменных источниках приблизительно через сто лет после присоединения этой территории к Москве, в духовной грамоте Владимира Андреевича, датируемой 1401—1402 гг.³ Позже Хотунь упоминается в княжеских договорах 1433 и 1447 гг., в духовной грамоте Василия Темного и других документах XV в.⁴ В договоре 1473 г. совершенно отчетливо сказано, что Хотунь являлась городом, т. е. укрепленным поселением⁵. В конце XV в. Хотунь была дана в удел бывшему казанскому царю Магмет-Амию⁶. Повидимому, к этому времени город уже потерял всякое военное значение, превратившись в село, центр волости⁷. На месте древнего города в документах XVII в. отмечено «старое городище»⁸.

Остатки Хотуни до настоящего времени сохранились в виде городища у современного с. Хотуни в Михневском районе Московской области⁹. Городище расположено в 0,5 км ниже села на левом берегу р. Лопасни (рис. 45—5). Западной стороной оно примыкает к краю береговой террасы высотой более 30 м и крутизной по склону около 25°. С юга и востока городище ограждает овраг «Городна», по дну которого проходит русло пересохшей речки. С этой стороны склоны несколько меньше по высоте, чем с береговой, но зато крутизна больше. С наполья городище защищено валом, в плане дугообразной формы. Наибольшая сохранившаяся высота его — 3,5 м. В средней части заметен проезд. Никаких следов рва перед валом нет.

¹ Н. П. Милонов. Археологические разведки в г. Радонеже. Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, стр. 65. К сожалению, полное отсутствие документации значительно обедняет эту работу.

² М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 40.

³ Духовные и договорные грамоты..., стр. 46.

⁴ Духовные и договорные грамоты..., стр. 70, 129, 194; Софийская 2-я летопись, 6970 г.

⁵ «Также и города... Хотунь...». Духовные и договорные грамоты..., стр. 233.

⁶ Воскресенская летопись, 7004 г. (1496 г.).

⁷ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 392.

⁸ В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., стр. 105.

⁹ Городище это кратко отмечено в Материалах к археологической карте Московского края — С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 175.

Площадка городища ровная, заметно понижающаяся в сторону мыса. Длина ее — 190 м, наибольшая ширина — 130 м.

Судя по материалам разведки, жизнь на городище протекала в основном в XIV—XV вв., однако возникновение поселения относится, видимо, еще к домонгольскому времени.

ВЫШЕГОРОД НА ПРОТВЕ

Первое упоминание Вышегорода на Протве относится к середине XIV в. В 1352 г. московский князь Семен Иванович двинулся в поход к Смоленску «и дошел Вышегорода на Поротве ста»¹. Далее город упоминается в договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем в 1374—1375 гг., в духовных грамотах Дмитрия Донского 1375 и 1389 гг.² Многократно упоминается он в документах XV в. и первой половины XVI в.³ Существовал город и во второй половине XVI в., так как в завещании Ивана Грозного также отмечен «Город Вышегород на реке на Петрове» (ошибочно — вместо Поротве. — П. Р.)⁴. Возможно, что крепость в Вышегороде существовала и в начале XVII в., поскольку город упоминается в «Книге Большому Чертежу»⁵.

Во второй половине XVII в. Вышегород уже превратился в село, и крепость в нем была заброшена. В писцовых книгах 7185, 7186 и 7189 гг. (т. е. 1677—1681 гг.) описывается «дворцовая Вышегородская волость, а в ней осыпь, на реке Поротве, на Пыченской горе с дву сторон . . ., а кто тое осыпь делал и для чего и в которых годех, того сказали старожильцы не ведают»⁶.

Таким образом, письменные источники свидетельствуют о том, что Вышегород на р. Протве существовал как укрепленный пункт с середины XIV в. до второй половины XVI в., а быть может, даже до начала XVII в.

В XVIII в. на городище были построены каменная церковь и помещицья усадьба. Остатки древней крепости отмечены в большинстве описаний Верейского уезда Московской губернии, исполненных в XVIII в. и начале XIX в. — «в селе Вышегороде крепость земляная построена в давних годах на высокой горе»⁷.

Городище в с. Вышегород (Верейского района Московской области) расположено на мысу, на правом берегу р. Протвы (рис. 45—1). Высота мыса над уровнем реки — около 30 м. С севера площадка ограничена крутым склоном, опускающимся в пойму реки. С юга и востока проходит широкий овраг, соединяющийся с пойменной долиной пересохшей р. Пычинки, правого притока р. Протвы. Склоны городища крутые — 35—40°. С юго-западной стороны примыкает более узкий овраг, посредине которого проходит гряда, делящая его вдоль как бы на два узких параллельных оврага. Склон с этой стороны также крутой (около 35°) и по краю площадки проходит вал высотой 2,6 м. На западном конце вала — округлое расширение диаметром около 7 м.

На самом конце мыса на краю площадки заметны два небольших отрезка вала, повидимому, соединявшиеся в древности, но перерытые в более позднее время для устройства спуска. В северо-западном углу городища —

¹ Московский летописный свод, 6860 г. (ПСРЛ, т. 25).

² Духовные и договорные грамоты. . ., стр. 23, 24, 33.

³ Там же, стр. 74, 108, 165, 208, 250; Воскресенская летопись, 6982 г.; Софийская 2-я летопись, 7027 г.

⁴ Духовные и договорные грамоты. . ., стр. 442.

⁵ Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 120.

⁶ ЧОИДР, 1910, кн. 4, стр. 51.

⁷ Описание к генеральному плану города Вереи и Верейского уезда. . . ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. № 207, л. 5, а также Экономическое примечание Верейского уезда. ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. № 98, л. 10.

небольшой круглый холмик (диаметром около 5 м), возвышающийся над площадкой на 1,5 м.

С северо-запада городище отделено от плато очень широким рвом (ширина его — около 40 м); очевидно, был использован естественный овраг, подрезанный и приспособленный для нужд обороны. Въезд на городище — очень незначительной ширины — расположен с западной стороны.

Разведка показала, что культурный слой сильно нарушен и в значительной степени, возможно, даже уничтожен при постройке помещицкой усадьбы. В подъемном материале на городище встречаются лишь единичные фрагменты керамики XIV—XV вв.

ВЫШЕГОРОД НА ЯХРОМЕ

В документах XVI—XVII вв. в Дмитровском уезде выше Дмитрова по р. Яхроме неоднократно упоминается Вышегородский стан. Этот стан иногда смешивали в научной литературе с другим Вышегородом, расположенным в районе Вереи на р. Протве. Однако уже в духовной грамоте Дмитрия Донского, кроме Вышегорода на Протве, среди Дмитровских волостей также указан Вышегород¹. И позднее он не раз упоминается именно в Дмитровском уезде, например, в 1433 г. в духовной грамоте галицкого князя Юрия Дмитриевича².

Отсутствие в районе Дмитрова остатков древнего Вышегорода заставило некоторых исследователей предположить, что Вышегородский стан назывался так потому, что занимал территорию, расположенную выше города Дмитрова³. Между тем само название совершенно недвусмысленно свидетельствует о наличии города, т. е. укрепленного пункта. Исходя из этого С. Б. Веселовский указывал, что «где-то на верховьях р. Яхромы находился исчезнувший бесследно городок Вышгород»⁴.

Археологическая экспедиция, проведенная в 1933 г., действительно обнаружила на р. Яхроме выше г. Дмитрова городище, которое, повидимому, и представляет собой остатки исчезнувшего городка⁵. Позднее краткие сведения об этом городище, уже под названием Вышгородского, опубликованы в «Материалах к археологической карте Московского края»⁶.

Городище, называемое Барановой горой (или Баран-горой), находится на левом берегу р. Яхромы в 2 км выше с. Ильинского Дмитровского района Московской области (рис. 45—2). Расположено оно на высокой и длинной гряде между пойменными долинами р. Яхромы и ее левого притока р. Комарихи (Комаровки). Высота площадки над уровнем реки — почти 40 м. Северный склон, в пойму р. Яхромы, имеет уклон около 20—25°, а южный, в сторону р. Комарихи, — до 30°. Узкая часть гряды, шириной около 50 м, перегорожена валом и рвом, защищающими городище с напольной стороны. Дугообразный в плане вал достигает 2,5 м высоты; глубина рва — 1,7 м при ширине около 22 м. На валу выделен округлый выступ диаметром около 6 м, выдвигающийся в сторону рва. Вал и ров с юго-западного конца не доходят до склона, образуя въезд шириной 7—9 м.

Узкий конец гряды не использован для расположения укрепления и отрезан от укрепленной части рвом. По краям склонов на площадке валов

¹ Духовные и договорные грамоты... стр. 34.

² Там же, стр. 74.

³ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 379.

⁴ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. Известия ГАИМК, вып. 139, М.—Л., 1936, стр. 95.

⁵ Известия ГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 51; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 58.

⁶ С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 172. Следует отметить, что как местоположение, так и форма и размеры городища здесь указаны неверно.

нет. Длина площадки — несколько более 300 м, ширина колеблется от 70 до 160 м.

Все городище заросло лесом. Разведка показала, что культурный слой здесь очень незначительной толщины (около 20 см). На конце мыса, отрезанном от площадки, культурный слой не обнаружен¹. Собранный материал целиком относится к XIV—XV вв.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что городище действительно представляет собой остатки древнего Вышегорода.

БРАШЕВА

В духовной грамоте Ивана Калиты среди Коломенских волостей упомянута Брошевая². Позже волость Брошевая (Брашевая или даже просто Брашева) упоминается во всех духовных грамотах московских князей — Ивана Ивановича (1358 г.), Дмитрия Донского (1389 г.), Василия Дмитриевича (1406 г.) и Василия Васильевича (1461 г.)³. В тексте Никоновской летописи, где описывается движение русских войск к Куликову полю, летописец отмечает, что князя Владимира Андреевича Дмитрий Донской «отпусти на Брашеву дорогою», в то время как другие отряды шли «Болвановскою дорогою» и «на Котел дорогою»⁴. Значительно позже, в 1451 г. Василий II, идя к Коломне против Мазовши, повернул назад «близ Брашевы»⁵.

В документах XVI в. также упоминается стан Брашева, расположенный в Коломенском уезде на границе с «Бронницким рубежом» Московского уезда⁶. В XVII в. название «Брашева» иногда писали уже как Боршева. На картах XVIII в. недалеко от Бронниц в сторону Коломны отмечено с. Боршево⁷.

Название это сохранилось и до наших дней в названии с. Борщево (Бронницкий район Московской области), которое местные жители называют не иначе, как именно Боршева́.

Несомненно, что под этим названием в древности понималась не только волость, но и одноименный населенный пункт — центр волости. Об этом достаточно ясно говорится в тех документах, где описываются события, происходившие близ этого пункта, причем иногда расстояние указано даже в верстах, — например, «прииде на Боршеву, не доходя Бранниц за три версты»⁸. Центры волостей, как правило, были не селами, а укрепленными пунктами, городами. Это дало основание К. Неволину включить Брашеву в список русских городов⁹.

В с. Борщево, действительно, есть небольшое городище (рис. 45 — 4), расположенное на мысу, возвышающемся более, чем на 20 м над поймой р. Москвы¹⁰ и образованном слиянием двух глубоких оврагов с чрезвычайно крутыми склонами. Несколько менее крут самый конец мыса. Пло-

¹ Предположение о том, что конец мыса является более древним городищем, материалами разведки 1954 г. не подтверждается. Ср. Известия ГАИМК, вып. 109, М. — Л., 1935, стр. 51.

² Духовные и договорные грамоты... стр. 7.

³ Там же, стр. 15, 33, 55, 193.

⁴ Никоновская летопись, 6888 г. (1380 г.).

⁵ Воскресенская летопись, 6959 г. (1451 г.).

⁶ Писцовые книги XVI в. Под ред. Н. В. Калачова. Отд. I, СПб., 1872, стр. 493 и 500.

⁷ Например, Атлас Московской губернии. ЦГИАЛ, ф. 1350, д. № 23, л. 14.

⁸ Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, стр. 16.

⁹ ЖМНД, 1844, № 12, стр. 406.

¹⁰ Городище коротко отмечено в статье Г. М. Коняшина «Материалы к археологической карте среднего течения Москвы-реки» — Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, т. I, М., 1940, стр. 184.

щадка городища заметно понижается в сторону мыса. Длина площадки — 100 м, наибольшая ширина — 55 м.

От прилегающего плато городище отрезано дугообразным валом высотой 4 м и расположенным перед ним рвом шириной более 20 м и глубиной несколько более 3 м. Проход на городище устроен в середине napольной стороны — это узкая насыпь, ведущая поперек рва, и очень узкий (менее 3 м) проход в валу. С остальных сторон по краю городища также заметны следы вала высотой 0,5 м, который в нескольких местах прерывается.

Материалы разведки позволяют думать, что городище относится к очень древнему времени, повидимому, к первым векам нашей эры, а может быть, даже к первым векам до нашей эры. Однако здесь же встречается также

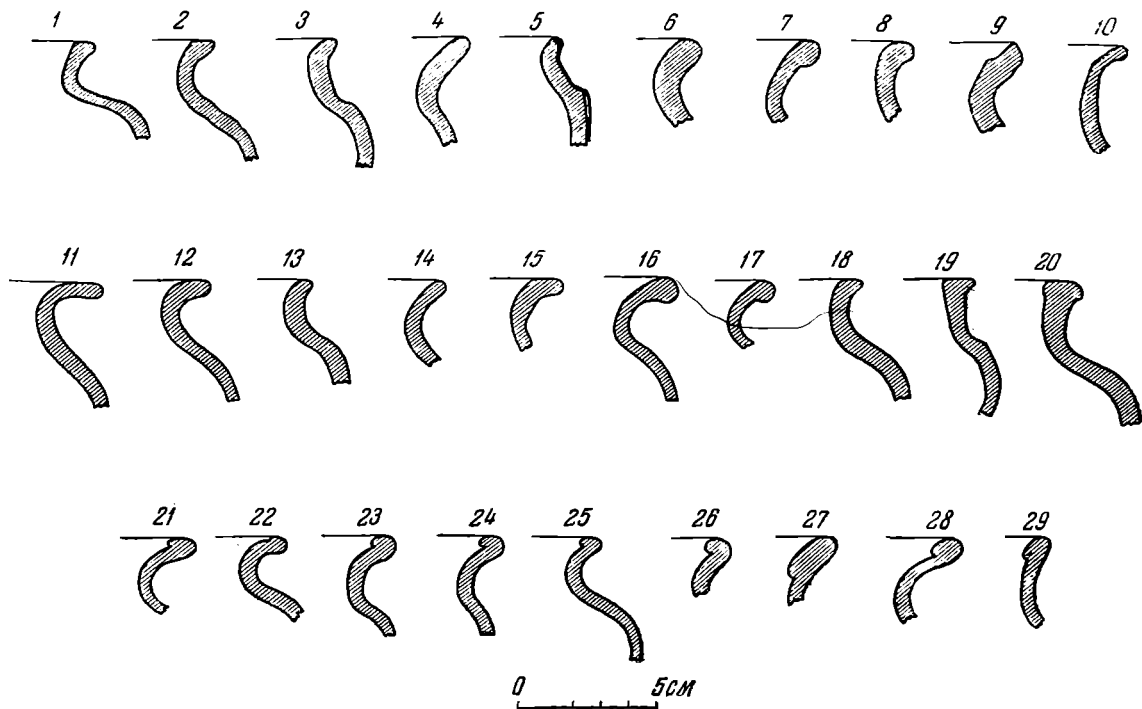

Рис. 46. Формы венчиков сосудов.

1—10 — первая группа; 11—20 — вторая группа; 21—29 — третья группа (1—3, 5, 13, 18—20 — с городища „Баранова гора“; 4, 6—8, 10—12, 14—16, 21—26, 28 — на Перемышля; 9, 17, 27, 29 — с городища „Хотунь“)

большое количество фрагментов русской керамики XIV—XVI вв. Таким образом, можно полагать, что центр волости Брашева представлял собою маленькую крепость, построенную, повидимому, в первой половине XIV в. на территории древнего заброшенного городища.

* *
*

При обследовании городищ, проведенном в 1954 г., керамика была единственным археологическим материалом, позволяющим датировать памятники.

Собранную керамику можно разделить на 4 группы (рис. 46):

1-я группа (рис. 46—1—10). Преобладающая форма сосудов — горшки, но иногда встречаются миски. Глиняное тесто большей частью красновато-коричневого, реже — серого цвета. Обжиг равномерный, хороший, черепок в изломе — одинакового цвета. В тесте незаметно крупных примесей. Поверхность сосудов довольно гладкая. С внутренней стороны часто видны бороздки от вращения на круге.

Венчики горшков обычно довольно сильно отогнуты и имеют скругленный край или же утолщение с наружной стороны. Однако довольно часто встречаются также слабо отогнутые и даже почти прямые венчики. Сосуды

большей частью не орнаментированы, но встречается линейный и волнистый орнамент, проходящий по плечикам. Одна лента волнистого орнамента иногда проходит по шейке сосуда. Изредка применялся орнамент в виде штампа — квадратики, треугольнички и гребенка.

2-я группа (рис. 46 — 11—20). Керамика 2-й группы количественно несколько преобладала над керамикой 1-й группы. По формам и профилю венчиков она почти совпадает с керамикой 1-й группы, но отличается по тесту и обжигу. Тесто обычно — серого или розовато-серого цвета. Обжиг хуже, в изломе черепка часто заметна полоска темной глины, а наружная и внутренняя поверхности лучше обожжены и более светлого цвета. В тесте встречаются зерна кварца, иногда довольно крупные. Поверхность сосудов шероховатая. На некоторых городищах (например, Хотунь) встречается подобная керамика почти чистого белого цвета (целиком, или же в изломе с темной полоской в середине). Изредка встречалась она также в Перемышле.

Собраны исключительно фрагменты горшков. На внутренней поверхности стенок не заметно четких бороздок — следов вращения на круге. Донца большей частью имеют слегка выпуклый рубчик по краю и отпечатки подкладной доски. Сосуды в основном количестве не орнаментированы, но встречается линейный и волнистый орнамент.

3-я группа (рис. 46 — 21—29). Фрагменты горшков, совпадающих с сосудами 2-й группы по тесту и обжигу, но отличающихся по профилировке венчика. Венчики их сильно, но плавно отогнуты, а край загнут внутрь, образуя с внутренней стороны характерный рубчик.

4-я группа. Отдельные, довольно редкие фрагменты керамики краснокирпичного цвета, хорошего обжига, с гладкой поверхностью и лощением в виде полосок.

Вопросы датировки керамики приведенных 4 групп не могут еще быть решены бесспорно и с большой точностью. Керамика 1-й группы в литературе обычно называется грубой красной и грубой серой, а также средней красной¹. Встречается она в слоях XIV—XVI вв., а быть может, даже и XVII в. Однако в Москве и городах Московской Руси для времени, начиная с XVI в., характерно наличие, наряду с подобной керамикой, также и лощеной. Полное отсутствие лощеной керамики (кроме красной) на обследованных городищах свидетельствует, таким образом, о том, что керамику 1-й группы, в данном случае повидимому, можно относить лишь к XIV—XV вв. Такой датировке не противоречит наличие отдельных фрагментов 4-й группы — красной лощеной (так называемой «болгарской») керамики, встречающейся в Московской Руси не только в XIV—XV вв., но и раньше.

Керамика 3-й группы, называемая иногда курганной, относится, очевидно, к XII—XIII вв. Она встречается в слоях XII—XIII вв. в городах Северо-восточной Руси, например, во Владимире, Боголюбове и др. Керамика, несколько отличающаяся по тесту, но точно такой же профилировки, характерна для поселений XII—XIII вв. также и в южных районах Руси².

Наиболее сложен вопрос о датировке посуды 2-й группы, которая, совпадая по качеству теста и обжига с керамикой XII—XIII вв., по профилировке венчиков почти аналогична керамике XIV—XV вв. Поскольку на обследованных городищах подобные сосуды всегда находятся вместе с посудой 1-й группы и встречаются даже на тех городищах, где домон-

¹ См., например, М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1950, стр. 61; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12, 1950, стр. 128; Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 186.

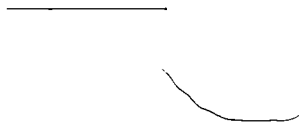
² См., например, П. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, 54, 1954, стр. 185.

гольская керамика (3-й группы) совершенно отсутствует, — следует полагать, что сосуды 2-й группы датируются в основном также XIV—XV вв. Повидимому, они представляют менее совершенный тип посуды XIV—XV вв., продолжающей (по тесту и обжигу) традиции домонгольского времени. В ряде случаев и по профилировке венчиков эта группа несколько ближе к домонгольской керамике, чем сосуды 1-й группы. Возможно, что 2-я группа в целом несколько древнее 1-й. Следует при этом отметить, что между 1 и 2-й группами керамики существуют и промежуточные формы, так что иногда фрагменты сосудов этих групп почти невозможно различить.

Форм, характерных для X—XI вв., во время разведки 1954 г. не встречено нигде, кроме отдельных фрагментов с городища Хотунь, не поддающихся, однако, более точной датировке вследствие крайне малого количества образцов.

На городище в с. Борщево, кроме средневековой русской, обнаружена также керамика дьяковской культуры.

О. С. ХОВАНСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ
г. БОЛГАРА

Одной из задач Болгарского отряда Куйбышевской экспедиции, работавшего в 1953 г. в подгорной части городища, было исследование восточного участка укрепления г. Болгара. Прежде чем перейти к изложению результатов раскопок, необходимо коротко остановиться на описании обороны города в целом и на материалах, полученных при исследовании западного вала в 1946 г.¹

Место для сооружения болгарской крепости было выбрано исключительно выгодное: верхняя волжская терраса делает здесь глубокий внутренний изгиб, с восточной стороны которого проходят два глубоких оврага, получивших у русского населения название Старо- и Ново-Иерусалимских.

Верхняя терраса возвышается на 35—40 м над второй — пойменной, протянувшейся на десятки километров к востоку и северу. У подошвы верхней террасы протекала когда-то река. В болгарское время от нее оставалась только заболоченная низина с небольшими озерами.

Верхняя терраса прорезана оврагами, один из них несколько уклоняется на запад, образуя естественную укрепленную площадку, где в IX в. и была построена небольшая дубовая крепость, о характере которой можно судить лишь по аналогии с другими болгарскими сооружениями. После разгрома г. Болгара татаро-монголами были не только восстановлены центральные укрепления — район знати, но и разросшийся посад окружен в начале XIV в. сложной системой обороны. В настоящее время от центрального укрепления не осталось и следа, но в 1732 г. возвышался еще вал, который был обмерен геодезистом Крапивиным и подполковником Савенковым².

Общая протяженность вала — 5633 м; характерны его волнообразные изгибы, позволявшие вести фланговый обстрел противника при штурме города.

В XIV в. валы и рвы были прорезаны дорогами, но нужно полагать, что количество их было невелико, так как это ослабляло бы оборону. По данным П. Н. Ефимова, размеры валов и рвов в среднем таковы (в метрах; см. таблицу на стр. 130)³. Проезжие ворота были, несомненно,

¹ Археологическая экспедиция ИИМК, ГИМ и Гос. музея Татарской АССР. Руководитель — А. П. Смирнов.

² С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 571.

³ А. С. Башкиров. Памятники булгарско-татарской культуры на Волге. Казань, 1929, стр. 15.

Место обмера	Высота вала	Ширина вала		Глубина рва	Ширина рва (сверху)
		вершины	основания		
Восточная сторона	4,9	0,9	12,6	2,4	10,3
Западная сторона	1,65	0,8	10,17	2,2	11,7

с западной стороны, где за стенами города располагалась армянская колония; дорога шла к предместью на берегу Волги — Ага-Базару. Другой проезд находился с южной стороны против Малого городка, а третий — в восточной части вала, где выделяется в настоящее время разрыв на 45 м, причем на северном участке вал и ров у разрыва поворачивают под прямым углом вглубь городища. Это типичный коленчатый проезд, широко практиковавшийся в средневековье.

Конструкция вала и рва крепостной стены была отчасти выявлена раскопками, проведенными в 1946 г.¹

По гребню вала шла деревянная стена, от которой сохранилась только нижняя часть столбов, заглубленных на 0,50—0,75 м.

При расчистке рва на протяжении 6 м были прослежены на глубине 0,3—0,4 м следы 28 столбов, четко выделявшихся на красном фоне суглинка. Повидимому, это остатки кольев, забитых в дно рва, заполненного водой. С внешней стороны по борту также обнаружены остатки столбов диаметром от 8 до 20 см, служивших, несомненно, надолбами.

Таким образом, выявлены следующие элементы обороны: вал, по гребню которого шла крепостная деревянная стена; ров, заполненный водой, с выступающими сваями; сплошная система надолб с напольной стороны рва. Остатки такой же стены открыты и на южном участке обороны, против Малого городка.

Хотя раскопки 1946 г. дали большой материал для характеристики конструкций основной линии обороны, все же ряд вопросов остался невыясненным. Мы не знаем, проходила ли стена по бровке верхней террасы, но можно утверждать, что стена имела и защищала также северную часть городища. В средневековье крепостные стены шли обычно и по краю холмов, как бы неприступны они ни были. Таковы укрепления Москвы, Нижнего-Новгорода, Ладоги, Свияжска.

Неясно также, каким образом были защищены овраги, уходившие вглубь городища (Старо- и Ново-Иерусалимские). Повидимому, крепостная стена, расположенная по бровке террасы, спускалась по западному склону оврага, проходила в подгорной части городища мимо двух оврагов, прикрывая их, и примыкала к окончанию главного вала у заболоченной низины. Здесь, на стыке двух крепостных стен, могла находиться угловая башня. Раскопки 1953 г. частично помогли ответить на этот вопрос.

Произведенная нивелировка показала, что протяженность вала от бровки верхней террасы до его окончания в низине равняется 85 м. Разности высотных отметок от террасы до низины по этой линии — 25,6 м. Глубокий ров спускается по склону верхней террасы; в подгорной части он не сохранился, так как частично заплыл, частично нарушен современной дорогой. Перпендикулярно линии вала и параллельно верхней террасе тянется всхолмление протяженностью 112 м, которое могло быть использо-

¹ А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 102—111.

вано для сооружения крепостной стены. Для выяснения этого вопроса была заложена траншея длиной 22 м, шириной 2 м, расширенная в процессе исследования. В результате выявлены несколько культурных слоев и связанные с ними объекты. Под незначительным дерновым покровом залегал аморфный слой слабо гумированного песка с незначительным количеством мелких фрагментов керамики, представлявший искусственную подсыпку для создания ровной площадки при сооружении крепостной стены, остатки которой прослеживались на глубине 15—20 см в виде округлых пятен с включением угля и древесины. Грунт при подсыпке был взят с южной стороны всхолмления, где благодаря этому образовалась выемка. Ниже слоя аморфного песка через всю траншею проходила на глубине 0,1—0,5 м сильно гумированная полоса темносерого цвета, мощностью 0,3—0,4 м. Местами здесь обнаружены ямы производственного назначения, заполненные углем, обломками песчаника.

В слое найдено 805 крупных фрагментов керамики, так называемой красной и серой; многие из них сохранили следы сажи. Из бытовых вещей встречены: глиняное пряслице, железный нож, голубая бусина, серебряная серьга в форме вопросительного знака с бусиной на конце (XIV в.).

Под гумированной полосой шел мощный слой слабо гумированного слоистого песка. Толща его достигала 1,2 м на гребне всхолмления и 0,6—0,7 м по склонам. В песке собрано 913 фрагментов болгарской керамики, почти исключительно красной. Фрагменты незначительных размеров хорошо отмыты, чем они отличались от черепков бытовой посуды из верхней гумированной полосы. Ниже, на глубине 1,6—1,7 м проходила вторая сильно гумированная полоса, насыщенная углем, мощностью 0,2—0,4 м. В этом слое вскрыты остатки сгоревшего строения. Ниже, по всей площади траншеи, залегал слабо гумированный песок (5—10 см), а затем чистый материковый песок. В слое стерильного песка в участках 9 и 10 найдены на глубине 1,77—1,95 м от поверхности ножевидные кремневые пластинки и обломок кремня со следами обработки.

На основании материалов раскопок можно до некоторой степени наметить изменения, происходившие в течение ряда столетий.

В глубокой древности, — может быть, в конце эпохи бронзы, — здесь находилось небольшое озеро, береговой рельеф которого выделяется и в настоящее время. На берегу, очевидно, существовала первобытная стоянка, о чем можно судить по находкам обработанного кремня в прибрежном песке. С течением времени озеро начало зарастать, а к периоду возникновения в IX в. болгарской крепости обратилось в сплошную заболоченную низину, с которой, плавно снижаясь, сливалась вторая терраса. Здесь поселились горожане, в результате чего образовался культурный слой, насыщенный углем (нижняя гумированная полоса). После пожара, уничтожившего строения, остатки поселения начали постепенно заплывать песком, смытым с верхнего плато городища.

Ориентировочно в конце XIII в. на всхолмлении поселились болгарские ремесленники (верхняя гумированная полоса), снова началась какая-то производственная деятельность, прекратившаяся в начале XIV в. в связи со строительством оборонительной линии вокруг Болгара. Так представляется нам историческое прошлое обследованного района.

При прохождении траншеи на глубине около 0,2 м от поверхности выступили темные пятна с включением угольков и древесной трухи. Диаметр пятен, представлявших несомненные остатки столбов, колебался от 17 до 46 см. На восточных участках обнаружено 19 столбов. Крайние ряды их — северные и южные — шли примерно по одной линии; расстояние между крайними рядами не превышало 1,6—1,8 м. Внутренние столбы — сваи — могли служить для укрепления грунта. Столбы на западном участке сохранились хуже, повидимому, южный крайний ряд совершенно смыт;

обнаружено 9 столбов, из них 4, расположенные на расстоянии 0,5—0,6 м друг от друга, выступают за линию предполагаемой крепостной стены.

Продолжать зачистку всхолмления в восточном направлении было невозможно, так как проходившая здесь дорога нарушила верхние слои, но на месте соединения всхолмления с главным валом у подошвы вала вскрыты остатки трех столбов (диаметр 0,3—0,4 м). Расположение столбов точно соответствовало направлению рядов, вскрытых с западной и восточной сторон траншеи. Отсюда ясно, что стена непосредственно примыкала к главному валу и шла в направлении восток—запад. Проследить остатки стены на запад от траншеи не удалось, так как здесь всхолмление деформировано.

Интересные результаты дало исследование главного вала, который на второй террасе сохранился только на протяжении 5 м, так как уничтожен проходившей дорогой. По гребню после снятия дернового покрова на глубине 5—8 см прослежены округлые ямки от 28 столбов, заполненные углем и древесной трухой. Диаметр их — 0,2—0,5 м. Столбы шли не только по гребню вала, но и по его склонам. Некоторые из них нарушали симметрию, являясь как бы лишними, следы других, повидимому, были размыты, но все же расположение столбов и их большое количество приводят к заключению, что здесь находилась угловая башня, необходимая на этом участке, так как стена под прямым углом поворачивала на запад.

Применение свай для крепления грунта широко практиковалось в русском крепостном строительстве (длина свай достигала 1,5 м, судя по материалам исследования стен Белого города и Китай-города в Москве)¹, но в большинстве случаев при сооружении валов использовались более сложные приемы: предварительно ставились деревянные срубы и затем насыпался вал. Таково устройство вала г. Суvara, вскрытого А. П. Смирновым². Куйбышевского вала, исследованного И. А. Талицкой в 1952 г. Из русских укреплений можно указать городской вал Великого Новгорода, имевший в толще засыпи деревянные камеры³. Строители болгарской оборонительной линии применили менее трудоемкие приемы, укрепляя песчаный грунт только сваями.

Попробуем на основании полученных данных реконструировать болгарскую башню и крепостную стену, прибегая главным образом к аналогиям. Остановимся прежде всего на выяснении форм башни и ее габарита.

Зачистка вскрыла только нижнюю часть столбов; одни из них могли входить в конструкцию башни, другие служили надолбами. Несомненно, что часть столбов полностью уничтожена временем. Учитывая все это, можно наметить несколько вариантов формы и размера башни. Так, включая все вскрытые столбы и добавив четыре, мы получаем башню двенадцатиугольной формы, размерами 7,2 × 7,2 м. Если столбы восточного и западного склонов считать надолбами, то обрисовывается башня в форме вытянутого восьмиугольника. В этом случае необходимо добавить два столба. Размеры башни будут 4,5 × 7 м. Наконец, можно реконструировать башню почти правильной восьмиугольной формы, размерами 5,2 × 4,4 м. В этом варианте, наиболее отвечающем характеру средневековых укреплений, приходится добавить два столба, а столбы, обнаруженные на восточном, западном и северном склонах, считать надолбами.

Трудно восстановить облик наземной части башни: ее высоту, перекрытие, внутреннее устройство. Реконструировать можно только на основании аналогии с поздними русскими деревянными крепостными постройками

¹ Н. М. Коробков. Стена Белого города. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 16—22.

² А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1952, стр. 234.

³ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 96.

XV—XVIII вв. Обычно нижняя часть башни заполнялась землей и камнями; оставались только узкие обшитые деревом проходы к узким продолговатым отверстиям для «нижнего» боя. На уровне прилегающих стен укладывался настил второго яруса, носившего в русском зодчестве название стрельниц. Для стрельбы в стенах также делали отверстия — бойницы. Перекрытие в большинстве случаев устраивалось шатровое (рис. 47)¹.

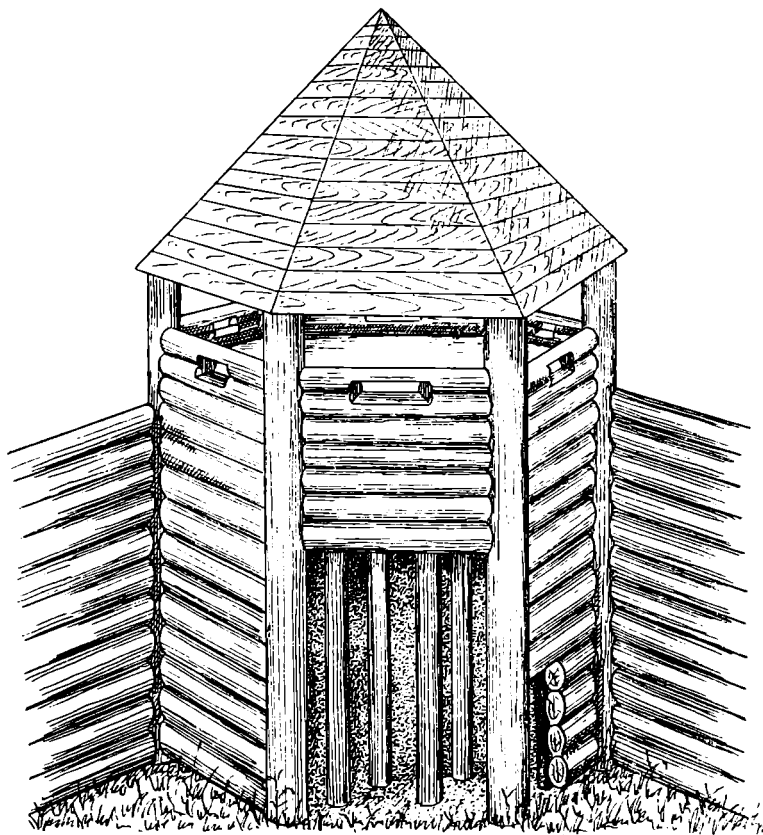

Рис. 47. Реконструкция башни в системе обороны г. Болгара.

Нужно полагать, что такова конструкция и болгарской башни, ибо заимствовать подобные приемы строительства болгары могли только у русских; среднеазиатские зодчие применяли для сооружения крепостей камень или кирпич.

Значительно труднее восстановить облик болгарской крепостной стены. Строители не использовали распространенный в средневековье прием возведения стен из вплотную поставленных срубов (городен), как, например, в стенах г. Сувары и крепостных сооружениях многих русских городов и острогов².

Болгарская стена представляла, повидимому, прототип тарас, которые возводились следующим образом. Рубились две параллельные деревянные стены, связанные на определенном расстоянии перевязями; внутреннее пространство заполнялось камнями и землей, сверху укладывался деревянный настил. Передняя стенка на несколько венцов возводилась выше, и в ней прорубали бойницы. Для защиты воинов устраивалась в большинстве

¹ Описание Новгорода 29 сентября 1675 г. Крепостные сооружения древней Руси, МИА, № 31, 1952, стр. 113.

² Ф. Ласковский. Материалы для истории военно-инженерного искусства в России. СПб., 1858.

случаев односкатная крыша. Такую конструкцию могла иметь и болгарская крепостная стена, только она отличалась незначительной толщиной (1,6 м) и была заполнена не камнями, а землей, — доказательством является отсутствие камня в заполнении рва.

Хотя болгарская стена несколько примитивна по устройству, но в соединении с рвом, заполненным водой, с острыми кольями на дне, с целым лесом надолб с напольной стороны, она являлась надежной защитой Болгара XIV в. В XIV в. применялись стенобитные приспособления, но подвести их к крепостным стенам при такой системе обороны было трудно.

А. М. ЕФИМОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БОЛГАРСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

В 1953 г. было продолжено археологическое исследование подгорной окраины Болгара и выявлена в заречье ремесленная слобода XIII—XIV вв. Было вскрыто 142 кв. м. Культурные напластования слагались из русского и болгарского слоев, разделенных погребенной почвой, сформировавшейся в период запустения подгорной части города. Общая толщина их — от 0,4 до 0,6—0,8 м.

Зачистка выявила отсутствие находок в верхнем пласте; при снятии нижнего встречались железистые шлаки. Найдена медная золотоордынская монета 1361 г. (Хызр-хана, чеканенная в Гюлистане, 762 г. х.).

Под погребенной почвой залегал слой XIII—XIV вв. мощностью 0,3—0,4 м. Верхняя его часть (16—20 см) более темного цвета, с большим содержанием гумуса, нежели нижняя, которая мало отличалась от суглинистого материкового грунта.

Довольно многочисленные находки залегали преимущественно в верхней части. В нижней они были единичны; это главным образом железистые шлаки. Находки состоят в основном из гончарной, хорошо обожженной красной, желтой и коричневой посуды. Встречено много керамики, получившей в результате недостаточного обжига неровный серый, иногда почти черный цвет.

Фрагменты керамики мелки и мало выразительны, но тем не менее можно отметить, что раннеболгарских форм и орнаментов не встречено.

Датирующее значение имеют найденные при расчистке дома и хозяйственной ямы золотоордынские монеты с именем халифа Наср-Эддина, чекан Болгар (времени хана Берке, около 1256—1259 гг.).

Керамический комплекс и нумизматический материал позволяют датировать слой золотоордынским временем, относя период его возникновения к середине XIII в. Прямых указаний на датировку верхней границы в материале раскопок мы не встречаем. Но нельзя не обратить внимание на то, что в перекрывающем болгарские напластования слое погребенной почвы найдена золотоордынская монета 1361 г. Залегание в слое погребенной почвы заречной слободы монет 60-х годов XIV в. выявлено и прежними раскопками. Это побудило высказать предположение о запустении слободы после 60-х годов XIV в. в связи с походом на Болгар Булак-Тимура в 1361 г. Более ранних культурных отложений на территории раскопа не было.

В болгарском слое выявлено несколько сооружений — металлургические горны, дома, хозяйственная яма и частокол. Дневная поверхность сооружений находилась в различных горизонтах слоя — в основании, в средней и

верхней его частях. Таким образом, относясь к одному историческому периоду, в пределах его они были разновременны.

О металлургическом производстве свидетельствует большое количество железистых шлаков (1548 экземпляров). Рассеянные находки их были распространены на всей территории раскопа. Шлаки залежали в нижних, предматериковых напластованиях болгарского слоя и в его верхних отложениях, а также в граничащей с ним погребенной почве.

Шлаки в нижней части болгарского слоя малочисленны; основная их масса — до тысячи экземпляров — залежала в верхней части, местами находясь на поверхности слоя и образуя скопления, перекрытые погребенной почвой. Шлаки в русском слое находились во вторичном залегании, выброшенные из нарушенного болгарского.

Остатки производственных сооружений — горны и пригорновые ямы — и связанные с ними кучи шлака обнаружены в северо-восточном углу раскопа и в западной его части. Культурный слой центральной части раскопа был перерыв подпольями двух домов конца XIII в. и середины XIV в.

По диагонали, в направлении юго-восток—северо-запад, территорию раскопа пересекала линия следов бревчатого частокола, стратиграфически связанного с нижним пластом IV слоя; частокол продолжался за пределами раскопа.

Металлургический горн довольно хорошей сохранности был расположен на западном краю раскопа в яме, заваленной шлаками. Яма (4,4 × 2,4 м) имела очертания эллипса; северо-восточный край нарушен более поздним сооружением — подпольем дома XIV в., что не позволяет уточнить ее контур.

Дневная поверхность ямы, прослеженная по профилям стенок, находилась в основании болгарского слоя. Сооружение ямы относится ко времени возникновения слоя, т. е. к середине XIII в. Стенки ее отвесные, переход к дну округлый, дно плоское, глубина в центре 0,9—1 м, по краям — 0,8 м.

В юго-восточном конце ямы, у стенки, на останце материкового грунта до 0,4 м высотой находился горн. Не занятое горном пространство ямы было заполнено шлаками. Верхняя часть горна разрушена, а нижняя на высоту 0,5 м сохранилась хорошо. Корпус низа горна — цилиндрической формы: диаметр — 0,9 м, толщина стенок — 0,3 м, диаметр рабочего пространства — 0,6 м. Стенки сложены из блоков сырцово-красной глины, прокалившейся до красного цвета (рис. 48).

Рабочее пространство горна конической формы завершалось открытой керамической камерой, помещенной вертикально в середине нижней части. Пространство в 10—17 см между камерой и примыкающими к ней краями стенок заполнено прокаленным песком — красным и зеленовато-серым.

Камера горшкообразная, грубой, небрежной лепки. Диаметр верхнего отверстия — 22—24 см, нижнего — 13 см, высота — 13—15 см. Толщина стенок — 1,5—2 см; от действия высокой температуры они ошлакованы. В северо-западной стенке, на уровне основания, проделан канал, соединявший рабочее пространство горна с ямой (рис. 49).

Горн относится к числу сыродутных. Этнографический материал позволяет полагать, что высота всего сооружения достигала 1 м; таким образом, верхняя часть горна была на 0,4—0,5 м выше бортов ямы. Устройство нижней части рабочего пространства выявляет совершенствование конструкции сыродутных горнов. В процессе развития профиля домниц в XVI—XVII вв. выработалась, как более эффективная, усеченно-коническая форма нижней части рабочего пространства печи, завершавшейся узким горном с отверстиями для вдувания воздуха и выпуска шлака.

Через канал производилось нагнетание воздуха. Никаких других отверстий на сохранившихся стенках не обнаружено. После того как печь была заправлена и разожжена, в отверстие горна вставляли воздуходувные меха. Работал мехами стоявший в яме рабочий.

Накопавшийся шлак через нижнее отверстие камеры и канал стекал в яму, где за время работы горна его накопилось большое количество. По окончании плавки через канал производилась выемка крицы и очистка

Рис. 48. Metallургический горн XIII—XIV вв.

горна. При этом канал расширялся и камера выламывалась, отбросы сыпались в яму, где найдено 30 обломков подобных керамических камер, сильно ошлакованных, с коркой железистых шлаков на внутренней стороне.

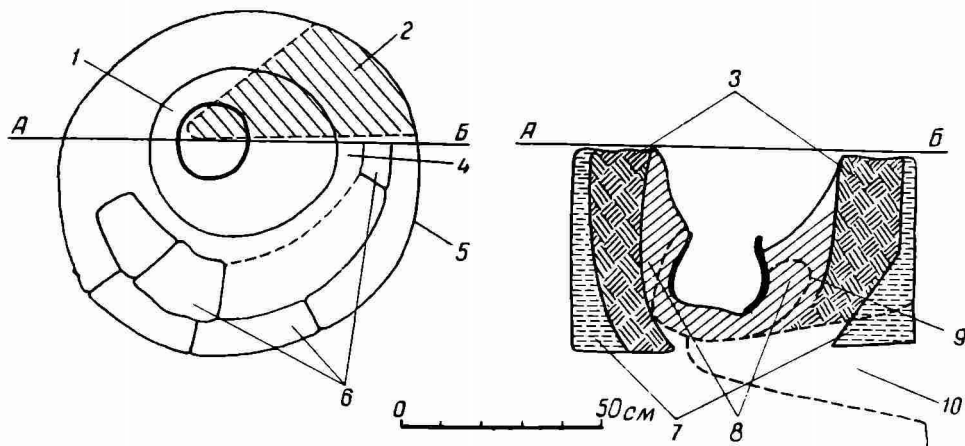

Рис. 49. План и разрез горна XIII—XIV вв.

1 — камера; 2 — нижнее отверстие; 3 — слой прокаленной глины; 4 — верхний внутренний край горна; 5 — внешний край горна; 6 — кирпичные блоки; 7 — слой сырой глины; 8 — песок, местами прокаленный; 9 — контур — граница прокаленного песка; 10 — ход нижнего отверстия.

Горн и яма составляли единое производственное сооружение. В яме помещался рабочий; она же служила для очистки горна по окончании цикла работ.

Большое количество отбросов, заполнявших яму, свидетельствует о продолжительности работы горна; затем он был заброшен, и верхняя часть его разрушена еще в период существования заречной слободы.

На соседнем участке в верхнем пласте болгарского слоя выявлены крупные и мелкие включения обожженной глины — остатки разрушенного корпуса горна.

По конструкции и организации производственного процесса вскрытый в 1953 г. горн отличается от известных нам в центральном металлургическом районе X—XIV вв., открытом под стенами городской цитадели (раскопки 1947—1949 гг.). Эти болгарские горны являлись наземными печами без специальных производственных помещений и предгорновых ям. Иной была и конструкция их рабочего пространства, которое, как и корпус печи, имело форму цилиндра или конуса основанием вниз, дно плоское, ровное или с небольшим наклоном для стока шлака. В одном случае на дне была впадина 0,3 м в диаметре и 0,2 м глубиной, где скапливалось железо. Нижняя часть корпуса горна замкнутая; небольшие (13 × 14 см, 17 × 24 см, 20 × 55 см) отверстия для воздуховодных трубок и стока шлака находились на высоте 20—30 см от основания. Характер разрушения некоторых горнов позволяет полагать, что для стока шлака и выемки крицы проламывались отверстия в груди печи.

Своеобразное устройство вновь открытого болгарского горна находит аналогии среди средневековых металлургических сооружений Восточной Европы. Горны подобной конструкции известны из раскопок финских городищ X—XIV вв.¹ Производственный металлургический комплекс — горн в яме — заставляет вспомнить домницы-землянки и сыродутные горны в специальных производственных помещениях — ямах-землянках, открытые при раскопках древнерусских городищ — Кузнецовского IX—X вв. на р. Воронеж, Стерженского XI—XII вв. на оз. Стерж (верхнее Поволжье), городища Старой Рязани. Выявленные горны находились в больших ямах глубиной до метра, где найдено большое количество отбросов металлургического производства. К сожалению, плохая сохранность древнерусских горнов не позволила до настоящего времени в полной мере определить особенности их конструкции.

В северо-восточной части заречья, в нескольких десятках метров восточнее, в 1953 г. открыто древнерусское ремесленное поселение XIII—XIV вв. Обитатели его были связаны с металлургическим производством: в землянках найдены крицы и шлаки; интересна находка костяного молота, по форме напоминающего каменные сверленные топоры-молоты, и имевшего, очевидно, пережиточное ритуальное значение, связанное с древним языческим культом бога-кузнеца Сварога.

Вскрытые нами яма и горн по стратиграфическим условиям залегания датируются второй половиной XIII в. После разрушения горна металлургическое производство на исследованной территории продолжалось. Об этом свидетельствуют шлаки, залежавшие в вышележащих, более поздних, нежели горн, горизонтах болгарского слоя. В громадном скоплении шлаков, до метра толщиной, различаются два горизонта: верхний мощностью 0,6—0,7 м, менее плотный, с меньшим содержанием шлаков, и нижний, достигающий 0,3—0,4 м толщины, отличающийся монолитностью и насыщенностью шлаками и содержащий прослойки красного прокаленного песка и обломки камер.

Нижний пласт заполнения ямы соединялся с углистым слоем, заполнявшим отверстие горна. Он образовался в процессе работы при стоке шлака и очистке по окончании плавки.

---

¹ Finskt Museum, 1894, т. I, вып. 4, 6, 7.

Залегание шлаков в яме и над ней приведено в таблице.

Глубина, м	Культурный слой	Число кусков шлака
0,2—0,35	Слои I, II, начало слоя III	200
0,4—0,5	Конец слоя III, начало слоя IV	1 800
0,6—0,75	Слой IV, дневная поверхность ямы № 6	1 380
0,8—1,2	Яма № 6 — верхний пласт металлургических отбросов	5 448
1,2—1,5	Яма № 6 — нижний пласт металлургического выброса, связанный с работой горна	25 000

После прекращения эксплуатации горна яма использовалась для выброса шлаков продолжавшегося близ нее металлургического производства. После того как она была заполнена шлаками, их продолжали сваливать на ее поверхности и по краям. Отлагающийся болгарский слой перекрывал шлаки. После прекращения производства в XIV в., в связи с общим запустением подгорной слободы, шлаки перекрыла формирующаяся почва.

Остатки металлургического производства обнаружены также на расстоянии 12 м от горна № 1 в северо-восточной части раскопа (участки 25, 27, 31, 32). Большое скопление шлаков (до 4000 кусков) залегало на протяжении около 5 м в верхнем пласте болгарского слоя, перекрывая остатки разрушенного частокола. Здесь же частично вскрыта и прослежена в профиле стенки северо-восточного угла раскопа яма до 1,2 м в поперечнике, заполненная черным, сильно гумированным слоем с железистыми шлаками. Дневная поверхность ее находится в верхней части болгарского слоя, на 10—15 см ниже его поверхности. Характер заполнения и непосредственная близость к большому скоплению шлаков заставляют думать, что и эта яма связана с металлургическим производством, и что она была выкопана перед горном, находившимся на северо-востоке за пределами раскопа. Стратиграфические условия залегания шлаков и дневной поверхности ямы позволяют датировать этот комплекс первой половиной или даже началом XIV в.

По восточному краю раскопа обнаружена часть разрушенного и смещенного горна в виде деформированного полукольца блоков красной обожженной раскрошившейся глины (размером 30 × 48 см), залегавшего в толще болгарского слоя на границе верхнего и нижнего его пластов.

В непосредственной близости к металлургическим производственным сооружениям находились остатки двух жилых деревянных домов конца XIII в. или начала XIV в. (дом № 1) и второй половины XIV в. (дом № 2). Наземные остатки построек невыразительны, лучше сохранились подполья, где уцелели куски деревянной обшивки стен, следы провалившихся перекрытий и развал печей из глины и кирпича. Расположение домов исключает возможность их одновременного существования: дом № 2, погибший от пожара, сменил в свое время дом № 1; судя по стратиграфическим данным, он связан с поздним периодом существования заречной слободы: верхняя граница подполья находится на расстоянии 2—4 см от поверхности болгарского слоя, слой погребенной почвы заполнил верхнюю часть подполья после разрушения. Датировущее значение имеет находка в слое погребенной почвы, перекрывшей остатки дома, золотоордынской монеты 1361 г.

Дневная поверхность дома № 1 залегала на 28—30 см ниже, на границе верхней и нижней частей болгарского слоя. Для датировки дома имеют значение находки в нижней части подполья и хозяйственной яме медных золотоордынских монет середины XIII в.

Обращает на себя внимание своеобразный характер находок в доме № 1 — наличие в нем ясно выраженного древнерусского бытового комплекса.

Древнерусская керамика составляет 28% общего числа фрагментов, найденных в завале подполья. Керамика курганного типа — сосуды в форме горшков с грушевидным туловом, плоским дном и сильно отогнутым венчиком; на плечиках — резной линейный орнамент. Сосуды изготовлены на ручном гончарном круге; на фрагментах дниц встречены части рельефных знаков, видимо, ремесленных клейм. Керамика датируется второй половиной XIII—XIV вв.

Интересна находка сильно сработанного шиферного пряслица. В составе кухонных остатков найдено 3,3% костей свиньи, тогда как обычно в составе культурных остатков болгарских домов кости свиньи или отсутствуют, или находки их единичны.

Дома современны находившемуся на данной территории металлургическому производству. С полным основанием можно полагать, что они принадлежали ремесленникам-металлургам, среди которых, очевидно, имелись и русские.

В итоге исследований территории заречной окраины Болгара можно установить, что в раннезолотоордынский период здесь возникло металлургическое производство, дававшее железо, столь необходимое разоренному монголами городу. Очень интересна своеобразная, ранее неизвестная в Волжской Болгарии, конструкция горна. Изучение ее дает новые материалы по истории болгарской металлургии и ставит вопрос о возможных культурных связях и взаимодействиях в ее развитии.

Возникнув в середине XIII в., металлургическое производство в заречье значительно развилось в XIV в. и продолжало существовать до запустения заречной слободы в конце XIV в. в связи с наступившим упадком Болгара.

Одновременная работа в XIII—XIV вв. железодобывающих промыслов в центральной части города и в заречной слободе свидетельствует о большом значении металлургии в экономике восстанавливавшегося феодального города и тяготевшего к нему сельскохозяйственного района, о росте потребностей в орудиях труда, как сельскохозяйственных, так и ремесленных, и в разного рода оружии и военном снаряжении.

Т. А. ХЛЕБНИКОВА

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В БОЛГАРАХ

При археологических работах на городище Болгары в течение многих лет встречался материал, свидетельствующий о тесных связях Волжской Болгарии с Русью. Попадались отдельные славянские вещи, славянская керамика; вскрыты остатки древнерусского дома.

Работами 1953 г. на раскопе 4 в подгородной заречной части нынешнего села открыта часть древнерусского поселения середины XIII в. — первой половины XIV в., расположенного на северо-восточной окраине города. Здесь была вскрыта площадь в 306 кв. м и выявлены следующие культурные напластования:

1. Дерновый слой с отложениями современной деревни, с поздними вещами.

2. Русский слой XVI—XIX вв.

3. Слой темносерого цвета, сильно гумированный от большого содержания перегноя и имеющий зернистую структуру. Толщина его на ровных местах — от 4 до 18 см, над впадинами нижележащего слоя — до 0,7 м. В слое нет никаких остатков построек; датировка его определяется комплексом находок, состоящим из русской серой керамики XVI в., болгарской поздней кирпично-красной керамики XIV в., поливной хорезмийской посуды XIII—XIV вв. и золотоордынских монет середины и второй половины XIV в. (большинство их чеканено в 1360 г.).

Время образования слоя на основании перечисленного материала относится ко второй половине XIV в. — XVI в. Прослежен он во многих местах северной, заречной части городища. Его образование связано с запустением района во второй половине XIV в., что невольно сопоставляется с нашествием Булак-Тимура в 1361 г.

4. Ниже залегает буроватый, сильно гумированный суглинок. С ним-то и связана жизнь древнерусского поселка. В нем были обнаружены жилища, открытый очаг, ямы и частокол. Мощность слоя вне строительных объектов — от 0,1 до 0,5 м.

Слой насыщен находками; в нем много керамики, среди которой 40% составляет славянская. Много металлических бытовых вещей, изделий из кости, стекла, камня и драгоценных металлов. Датировочным материалом служат монеты, чеканенные в 1256—1350 гг., поливная хорезмийская керамика XIII—XIV вв., бусы из белой массы с голубой поливой, также датированные золотоордынским временем, люстровая керамика из плотного белого теста, с желтовато-золотистой росписью по поливе (70-е годы XIII в.). К наиболее ранним вещам относятся желтая стеклянная желобчатая бусина и пряслице из розового шифера.

По всему комплексу находок и монет слой датируется второй половиной XIII в. — первой половиной XIV в.

5. Под 4-м слоем, четко отделяясь от него, залегает суглинистый слой белесоватого оттенка, слабо гумированный, плотный, толщиной от 0,1 до 0,4 м.

Культурными остатками он беден. Дата определяется по стратиграфическому положению его между описанным выше слоем и нижележащим, относящимся к VI—VIII вв. Он датируется периодом с IX—X вв. до середины XIII в.

6. Ниже, в северо-восточной части раскопа, залегает доболгарский слой с послегородецкой керамикой, наслоившийся с VI в. по VIII в. включительно.

Таким образом, выделяется 6 культурных напластований, отложившихся за период с VI—VIII вв. до наших дней. Они залегают непосредственно один над другим без стерильных прослоек. Исследование их позволяет предполагать, что жизнь на данном участке городища возникла еще в доболгарское время. Позднее здесь продолжает отлагаться культурный слой, но до середины XIII в. говорить об интенсивной жизни нет оснований.

Около середины XIII в. на этом месте возникает древнерусский поселок. Нами раскопана только часть его. Вскрыты 4 жилища, 9 хозяйственных и мусорных ям, открытый очаг и частокол, вероятно, огораживавший поселок. Все жилища в общем — одной конструкции. Это полуземлянки прямоугольной формы со ступенчатым входом, с деревянными стенами и двускатной крышей. На полу в каждом жилище — очаг. Но есть и некоторые отличия в их устройстве.

Ж и л и щ е 1 (рис. 50—1). Полуземлянка прямоугольной формы с закругленными углами, вытянута в направлении с юга-запада на северо-восток. Длина ее — 7,5 м, ширина — 2,7 и 2,9 м, глубина — 1—1,1 м. Стенки котлована жилища отвесны, дно ровное. Ступенчатый вход расположен в западном углу. С севера и юга, т. е. по бокам, вход ограждали бревенчатые стены, следы которых замечены в виде гумированных пятен. Стены полуземлянки были сделаны из бревен и полубревен диаметром 8—16 см, плотно поставленных друг к другу. Они были обмазаны глиной; в заполнении жилища встречено большое количество кусков глиняной обмазки. Крыша была двускатной, опиравшейся на ряд столбов, стоявших в середине по продольной оси помещения, а по краям — на его стены.

При расчистке восточной стены полуземлянки обнаружены следы вбитых параллельно полу бревен. Ряд их прослежен на высоте 45—55 см от пола. Они образуют почти сплошной настил, подпорками для которого мог служить ряд столбов, обнаруженных в жилище, на расстоянии 1,1—1,2 м от восточной стенки. Это были, вероятно, нары, устроенные во всю ширину помещения.

Пол был земляным. На нем посередине устроено 3 небольших очага круглой формы, размером 0,6 × 0,7 м.

Ж и л и щ е 2 (рис. 50—2). Расположено в 1,5 м восточнее первого. Оно ориентировано с северо-запада на юго-восток и составлено как бы из двух половин, из которых южная несколько смещена к востоку. Длина жилища — 5 м, ширина — 3,2 м. Заглубленность в грунт в северной половине — 0,98—1,04 м, в южной — 1,16—1,20 м. Вход обращен к северо-западу.

Конструкция стен, видимо, несколько иная, чем в первом жилище. Вдоль восточной стены котлована обнаружена обугленная доска. Может быть, она входила в дощатую конструкцию стен полуземлянки. Вокруг котлована, немного отступая от края, обнаружены следы наземной части жилища — столбы, стоявшие на некотором расстоянии друг от друга. Они могли быть переплетены прутьями, образующими сплошную стену. По продольной оси прослежены следы столбов, поддерживавших двускатную крышу. У входа внутри, в стенке прослежены следы бревен, вбитых параллельно полу, как и в первом жилище. Очаг расположен в северной части.

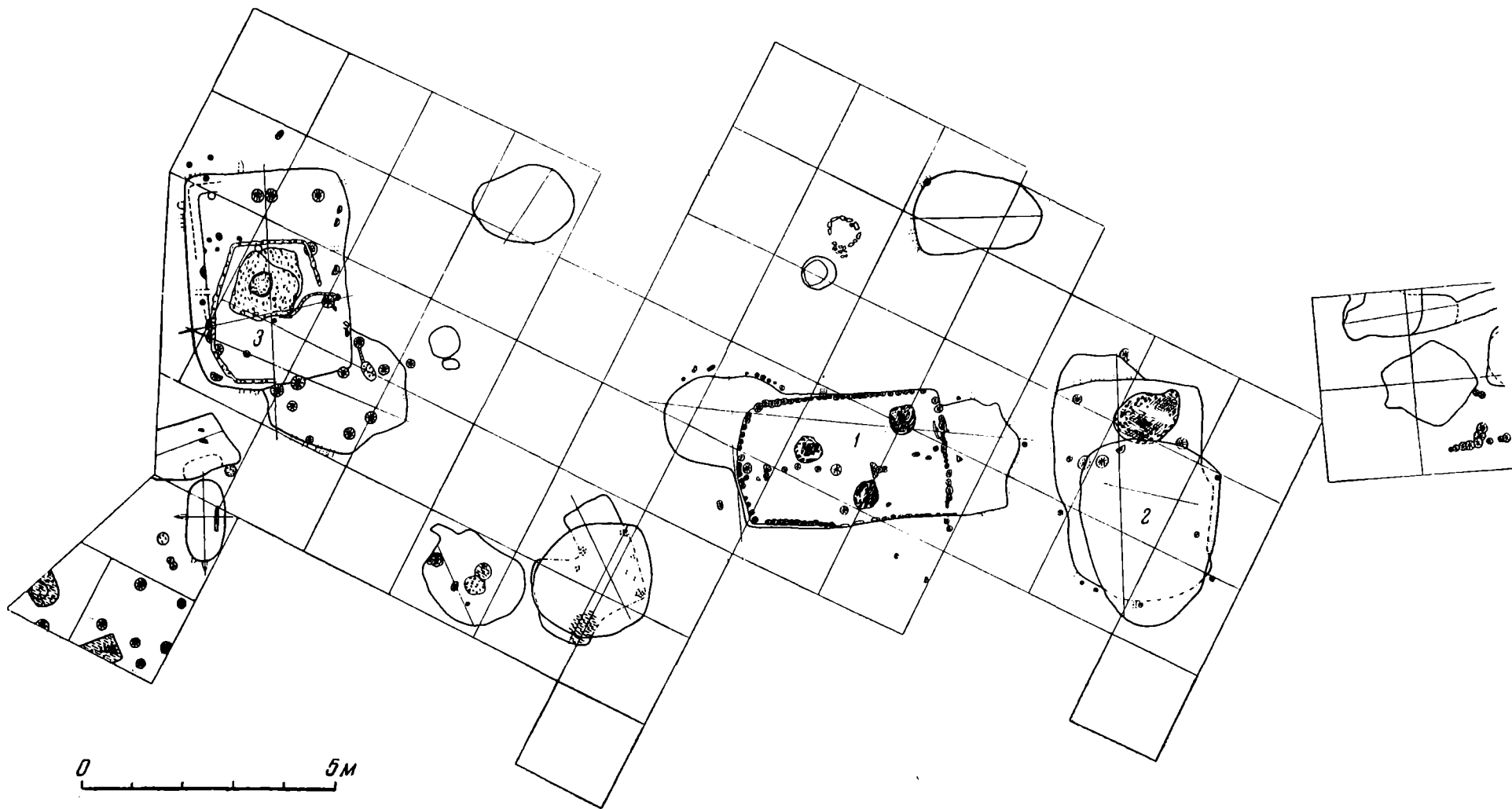

Рис. 50. Генеральный план раскопа. Западная часть.
1—3 — номера открытых жилищ.

Жилище 3 (рис. 50—3). Землянка прямоугольной формы с входным выступом, с двускатной крышей и с очагом на полу. Она делится на два помещения: большее (основное) с той же конструкцией стен, как и в первом жилище, и меньшее (подсобное), входное. Первое помещение заглублено в землю на 1,6—1,7 м, второе — на 1,1—1,2 м. Такая большая глубина позволяет считать это жилище землянкой.

Крыша была двускатная, опирающаяся в середине на ряд столбов, расставленных по продольной оси, а концами — на стены и прямо на землю у края котлована.

Размеры основного помещения: 4,7 × 3,5 м, второго (подсобного) — 2,6 × 2 м. Выход огражден столбами и обращен к востоку. В стенах обоих помещений, как и в предыдущих полуземляных, — следы бревен, вбитых параллельно полу и связанных с внутренним устройством жилья.

Жилище 4. Вскрыто только частично. По конструкции оно, видимо, очень схоже с первым. Ширина его — 4 м. Очаг, в отличие от очагов первых трех построек, находился в углублении.

Таким образом, все четыре жилища отличаются друг от друга лишь большей или меньшей заглубленностью, деталями в устройстве стен и очагов. Конструкция жилищ совершенно не характерна для волжских болгар. Но она находит очень близкие аналогии в славянских жилищах и особенно в полуземлянках и землянках в Суздале, раскопанных А. Ф. Дубыниным в 1936—1940 гг.¹, которые автор датирует XIII—XIV вв., и в Перыни близ Новгорода, относящихся, по мнению В. В. Седова, к XII в. — началу XV в.² Сходство их выражается не только в общем облике и в том, что те и другие углублены в грунт; сходны формы жилищ, бревенчатая конструкция стен, двускатной крыши, очагов.

Принадлежность вскрытых нами жилищ славянам определяет также комплекс находок, обнаруженных в слое, к которому относятся строения. Прежде всего в этом убеждает нас огромный процент славянской керамики: в первом жилище он равен 50% от всего числа керамики, во втором и третьем — несколько меньше. Это серая и желтоватая керамика с примесями в тесте дресвы, толченого кварцита, известняка, толченой раковины и крупного песка. Поверхность ее шероховатая. Черепок хрупкий. Толщина его — 5—8 мм. Есть фрагменты с более плотным черепком из лучше отмученной глины с примесью мелкого песка. В небольшом количестве представлена белая посуда, имеющая часто в изломе серую прослойку. Примеси в ней мельче, черепок плотный, крепкий и меньшей толщины.

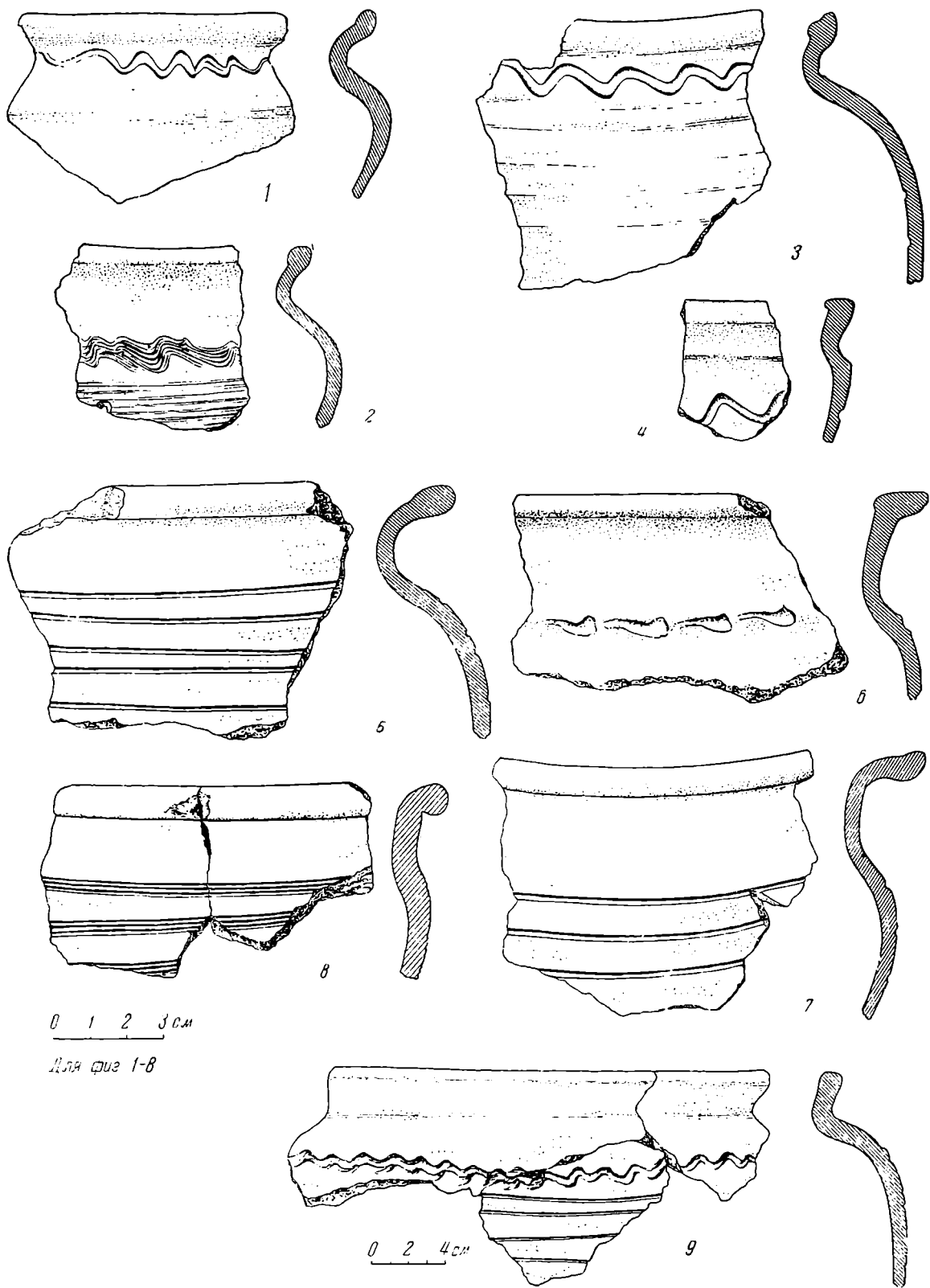
Форма славянской керамики — исключительно горшки с плоским дном, как правило, имеющим едва заметную закраину. Плечики выпуклые, шейка обычно невысокая, край утолщен и более или менее отогнут. По краю изнутри всегда чувствуется желобок. Орнамент на славянской керамике — обычный для нее, — волнистый и линейный по плечу, а иногда и по тулову (рис. 51).

Встречены также отдельные славянские вещи. У первого жилища найдено трехбусинное височное серебряное кольцо (рис. 52—1). Такие височные кольца разных видов, как известно, были весьма распространены у славян. Техника изготовления этих колец им издавна была хорошо знакома. Близкую аналогию найденному в Болгаре представляет кольцо из Старо-Рязанского клада 1868 г., изданное А. С. Гушиным³.

¹ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, XI, 1945, стр. 91—99.

² В. В. Седов. Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни. Публикуется в настоящем выпуске.

³ А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М., 1936, табл. XXVII, рис. 18.

0 1 2 3 см

Для фиг 1-8

0 2 4 см

Рис. 51. Образцы славянской керамики с городища Великие Болгары.

В том же жилище обнаружены обломки стеклянных коричневых браслетов и четырехконечный каменный крест-тельник с отверстием для подвешивания. Размеры его — $2,8 \times 2,2 \times 0,8$ см (рис. 52 — 2). Подобные кресты-тельники обычны в славянских курганах и на поселениях¹.

В третьем жилище также найдены обломки стеклянных браслетов коричневого цвета и, кроме того, пряслице из розового шифера, а у очага — роговой, украшенный циркульным орнаментом топорик. На нем заметны следы пребывания в огне. Рабочий край его сильно сработан. Роговые и костяные топорики находили на славянских поселениях; например, топорик из рога лося был найден В. К. Гончаровым на месте древнего Любеча, а топорик из рога лося, хранящийся сейчас в ГИМ (№ 82114), обнаружен под Новгородом.

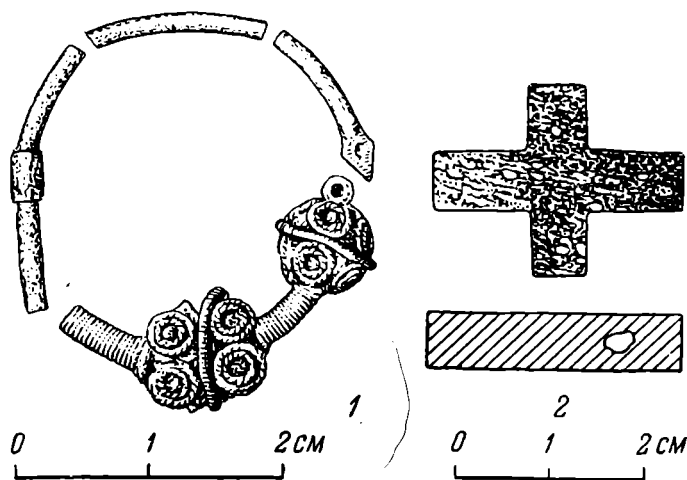

Рис. 52. Серебряное трехбусинное височное кольцо (1) и каменный крест-тельник (2).

Описанная конструкция полуземлянок, характерная для Руси, в сочетании со славянской керамикой, найденной в них, и другими перечисленными вещами дает полное основание считать эти жилища славянскими — древнерусскими.

Этот вывод подтверждается и процентным соотношением видов домашних животных, кости которых в большом количестве встречаются в слое поселения. Обитатели поселения разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. Кости свиней составляют 4%, что для болгарского стада невероятно: обычно в нем свиньи составляли десятые доли процента.

В жилищах найдено много различных бытовых вещей из металла, камня и глины: украшения, керамика, прясла, предметы домашнего обихода и орудия производства. В третьем жилище, например, и возле него обнаружены цепь, дверные железные петли, цилиндрический замок, гвозди, скобки, ножи с медной накладкой на черенке и без нее, светец, два разбитых глиняных сосуда коричневого цвета, обломок жернова, железный ковш и украшения. Обращает на себя внимание находка орудий производства — ювелирного молоточка и долота. В заполнении жилища найдены также куски криц и шлаков.

Возле жилищ вскрыто 9 ям, различных по форме и назначению. Интересна яма № 2. Она прямоугольная со ступенчатым входом, дно неровное. В ней, наряду с керамикой, найдены опиленные кости и значительное ко-

¹ См. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности..., вып. 5, стр. 109, рис. 259; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 143, рис. 216; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские..., Кресты и образки, 1899, табл. 1; Селиванов. Древности Старой Рязани, Тр. VII АС, т. II, стр. 212, табл. V.

личество медных накладок на черенок ножа, в виде готовых изделий и заготовок. Тут же обнаружен железный нож с такой же накладкой. Яма имела какую-то деревянную конструкцию, следы которой (обугленная древесина) обнаружены в заполнении на дне. Находки заготовок и готовых изделий позволяют предполагать, что яма № 2 имела производственное назначение.

Интересно открытие частокола, огораживающего сооружения и одновременного им. Это сплошная стена из кольев диаметром 10—20 см. Она прослежена на протяжении 10 м в северо-восточной части раскопа (рис. 50). Следы кольев отмечены на том же уровне и в крайней юго-западной части раскопа. Вероятно, частокол продолжался и там.

Таковы сооружения слоя второй половины XIII в. — первой половины XIV в. Среди них можно выделить более ранние и более поздние. К первым относятся третье жилище и ямы № 8, 9, 12 и 13, ко вторым — жилища первое, второе и четвертое и ямы № 2, 6, 7, 10 и 11. Такое деление устанавливается стратиграфически, по наблюдениям над заполнением жилищ и ям, по монетным данным и по комплексу находок.

Таким образом, перед нами предстает какая-то часть древнерусского поселка, раскинувшегося на окраине г. Болгара. Окраинное положение поселка, как поселения иноземцев, характерно для средневековья. Такое же положение занимала армянская колония, открытая у западной окраины г. Болгара.

У нас еще мало данных для окончательного решения вопроса о занятиях жителей поселка, размеры которого определить пока трудно. Однако можно предполагать, что жители здесь занимались ремеслами. Об этом свидетельствуют находки орудий производства (ювелирный молоточек, долото, шилья и т. д.), ремесленных изделий, заготовок (медных накладок на ножи, опиленных костей) и отбросов производства (шлаков). Обращает внимание большое количество железных бытовых вещей (особенно ножей). В заполнении третьего жилища и севернее его были обнаружены 25 кусков шлаков и криц. Тут же, в слое, было много обожженной глины, уходящей в профиле раскопа в северную и западную стены. Может быть, все это можно рассматривать как следы производства, расположенного где-то поблизости.

Материал раскопок свидетельствует о теснейших культурно-экономических связях Руси с Волжской Болгарией.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Е. В. МАХНО

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА И ПРОРЕЗНЫХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЯХ

В Бердичевском краеведческом музее хранится большая глиняная миска на кольцевом поддоне, поступившая в музей в 1940 г. от директора средней школы с. Бураки, Янушпольского района, Житомирской области. Обстоятельства находки неизвестны. Миска изготовлена на гончарном круге; в отмученной глине заметна примесь песка. Поверхность сосуда — серого цвета, со следами лощения. Венчик горизонтальный, широкий; биконический корпус украшен на переломе рельефным ободком, который соединен с венчиком тремя симметрично расположенными ручками. Высота сосуда — 21,3 см, диаметр венчика — 30,5 см, тулова — 32 см, дна — 12,5 см (рис. 53—1).

Подобная форма мисок обычна для памятников черняховского типа. Они встречаются на поселениях и в могильниках, хотя и в небольшом количестве¹.

Обычно ручки у этих мисок — одинаковой ширины в верхней и нижней частях, причем ширина их всегда меньше высоты.

В отличие от остальных, у ручек миски из с. Бураки ширина больше высоты; они трапециевидной формы (высота — 8,8 см, ширина внизу — 13 см, вверху 11,7 см), украшены ажурным орнаментом. На одной из них прорезаны четыре почти равнобедренных треугольника, образующих углы четырехугольной фигуры, в центре которой помещено круглое отверстие; на двух других ручках вместо верхних треугольников сделаны круглые отверстия (рис. 53—1, 1а).

Подобная ажурная орнаментация на глиняных сосудах до сих пор не была известна. Между тем аналогичный мотив широко распространен и постоянно встречается на предметах с прорезными выемчатыми эмалями. Например, обломок прорезной фибулы с выемчатой эмалью из с. Михайловки² украшен, кроме эмалевых вставок, прорезным орнаментом, полностью повторяющим орнамент ручек миски с той лишь разницей, что

¹ Такие миски известны в Черняховском могильнике, Кагарлыкского района, Киевской области; на поселении около с. Жуковцы, Обуховского района, той же области; в могильнике около с. Быстрик; на Ягнятинском поселении, Ружинского района, Житомирской области; в Сабатиновке, Ульяновского района, Одесской области; на поселении Лука-Врублевская, Хмельницкой области и района; у сел Федоровки и Августинówki (Надпорожье), Днепропетровской области; у Кантемировки, Чутовского района, Полтавской области; в с. Беседовке, Смеловского района, Сумской области.

² В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья..., вып. IV, 1901, стр. 19, табл. IV, рис. 195.

центральному круглому отверстию ручек миски на фибуле соответствуют четыре маленьких отверстия, образующих четырехугольник.

Эта комбинация на обломке фибулы повторена трижды, причем в верхней части две комбинации сдвинуты рядом так, что два правых треуголь-

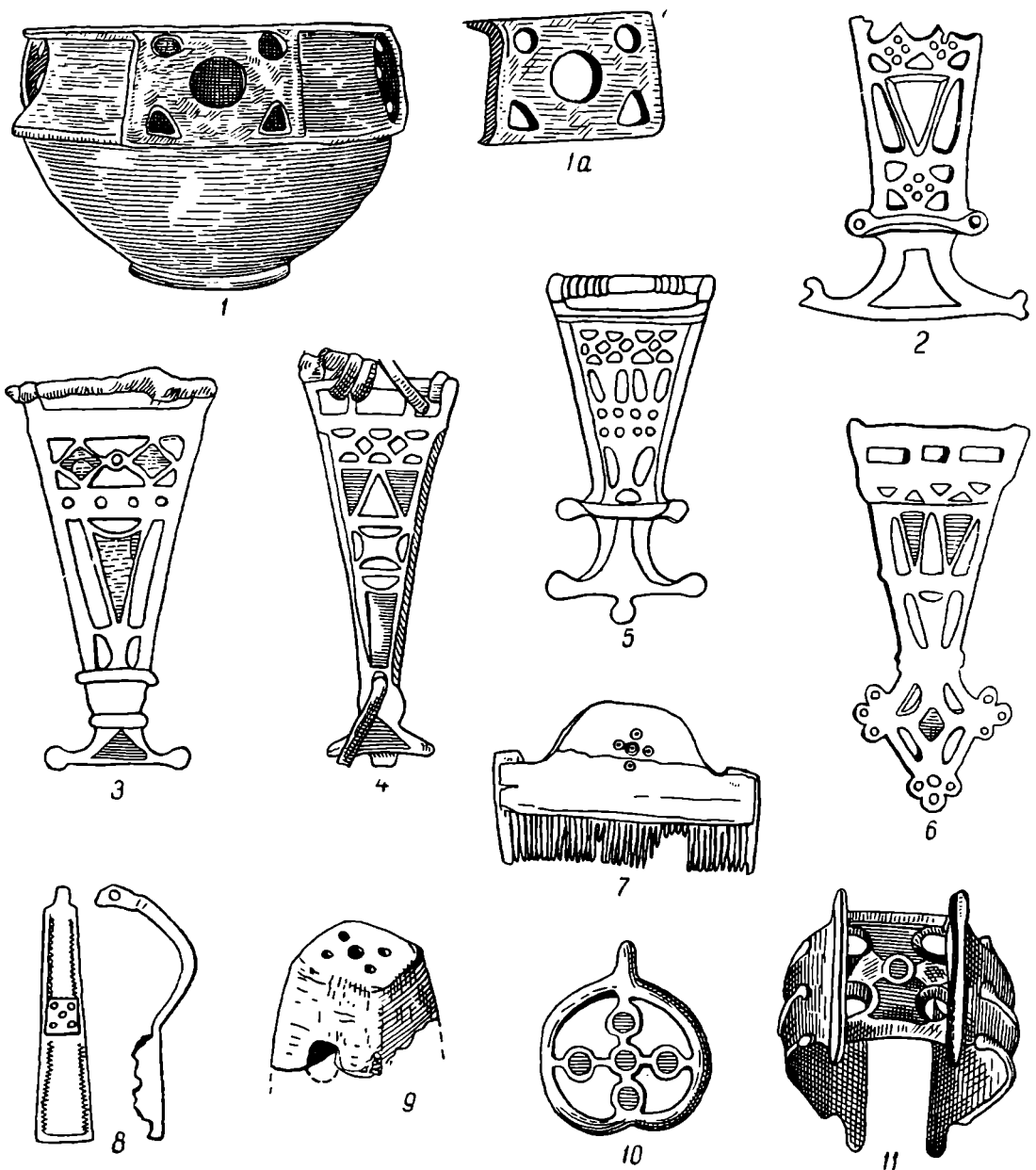

Рис. 53. Прорезной орнамент на миске из с. Бураки (1) и вещи черняховского периода с аналогичным мотивом орнамента (2—11).

ника одного узора слились с двумя левыми треугольниками другого и образовали новую, усложненную композицию (рис. 53—2). Аналогии такой композиции мы находим на двух фибулах Мощинского клада¹ (рис. 53—3) с тем отличием, что на одной фибуле в центре каждого из четырехугольников помещен заполненный эмалью ромб, а на другой центральная фигура отсутствует.

Очень близкое сочетание узоров можно видеть и на двух других фибулах Мощинского клада. Разница состоит только в том, что боковые

¹ А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. СПб., 1903, стр. 183, рис. 263. 264.

треугольники заменены сегментобразными прорезями, которые напоминают центральные прорези рисунка из сдвоенных треугольников на михайловской фибуле (рис. 53—4). Одна и та же сегментобразная прорезь на этих фибулах становится составной частью основной комбинации — четырехугольника.

Так же расположены основные элементы на фибуле из Гертрудендорфа¹; различие лишь в том, что удвоенный комплекс из пяти элементов соединяет в один ряд еще один дополнительный центральный прорезной ромб (рис. 53—5).

Близкую комбинацию из четырех сегментовидных прорезей с эмалевым ромбом в центре можно видеть на фибулах из Черняхова (рис. 53—6) и из Борзны².

Во всех указанных случаях основным элементом орнамента служит прорезной четырехугольник с обозначенным центром. Таких примеров можно было бы привести гораздо больше, но и приведенные параллели достаточно убедительно свидетельствуют о том, что орнаментальный мотив, воспроизведенный на ручках миски из с. Бураки, является обычным для прорезных фибул с выемчатыми эмалями, а трапециевидная форма ручки как бы копирует отрезок такой фибулы.

Известно, что подобная композиция — четырехугольник с обозначенным центром — широко распространенный мотив не только на прорезных треугольных фибулах с выемчатой эмалью, но и на других близких им вещах. Так, браслет из Мощинского клада³ украшен четырехугольником из небольших круглых отверстий, в центре которого находится эмалевая вставка (рис. 53—11). На ажурной привеске из этого же клада⁴ по обычной схеме расположены 5 круглых эмалей (рис. 53—10) и т. д. Этот же мотив встречается довольно часто и на других ювелирных изделиях, распространенных в Приднепровье и на сопредельных территориях приблизительно в середине I тысячелетия н. э., т. е. в эпоху, к которой относится и миска из с. Бураки.

Наличие на миске широко распространенного на ювелирных изделиях орнаментального мотива дает основание видеть в нем оригинальную попытку гончара заимствовать у ювелиров популярный, а значит, и любимый в то время узор. Другое объяснение этому интересному явлению, повидимому, будет трудно найти.

О том, что подобные элементы орнаментации были общими для черняховской посуды и прорезных выемчатых эмалей, свидетельствуют и некоторые другие факты. Так, например на обломке бронзовой фибулы арбалетного типа из Масловского могильника выгравирована такая же комбинация из пяти кружков⁵ (рис. 53—8). Аналогичный орнамент есть и на одном из черняховских костяных гребней⁶ (рис. 53—7).

В несколько усложненном виде подобный мотив, повторенный дважды, встречен на плечиках трехной миски⁷ из черняховского могильника (рис. 54—1 и 2). Обе фигуры исполнены штампом, в центре обеих — не-

¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 163, рис. 173 и 266; М. Макаренко. Борзеньські емалі і старі емалі України взагалі. Збірник «Чернігів і північне Лівобережжя», Київ, 1927, стр. 84, рис. 2.

² М. Макаренко. Указ. соч., табл. I.

³ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 183, рис. 273; М. Макаренко. Указ. соч. стр. 198, рис. 15.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 179, рис. 244; М. Макаренко. Указ. соч. стр. 89, рис. 8.

⁵ Виктор Петров, М. Л. Макарович. Масловский могильник на р. Товмач. табл. III, № 57 из погребения № 82. (Рукопись).

⁶ С. В. Коршенко. Черняховский могильник..., табл. XXIII, рис. 379, инв. № 6429.

⁷ Киевский исторический музей. Инв. № 39-к.

большая круглая ямка, а по углам четыре угольника — розетки. Четыреугольник окантован пролощенными линиями, соединяющими розетки. Узор усложнен диагональными линиями, сходящимися к центральной ямке. На одной из фигур между диагоналями вписаны еще четыре штампованные розетки несколько иной формы, чем угловые. Они образуют дополнительно внутренний четырехугольник. Комбинацию из пяти круглых ямочек, оттиснутых круглым штампом по сырой глине, видим на верхней площадке пирамидального четырехугольного грузила из раскопок 1946 г. на Жуковецком поселении (рис. 53—9) ¹.

Эти факты, как нам представляется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что предметы с выемчатой эмалью были хорошо известны среди черняховцев. Приведенные нами сопоставления дают право выдвинуть предположение о непосредственном контакте мастеров выемчатых эмалей и черняховских гончаров.

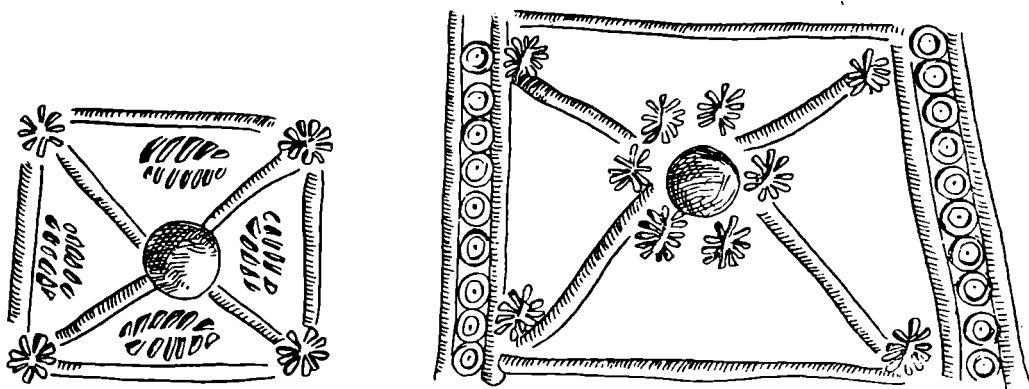

Рис. 54. Орнамент на плечиках миски из Черняховского могильника.

Вопрос о связях выемчатых эмалей с памятниками черняховского типа уже ставился в археологической литературе, но до сих пор остается нерешенным. Полвека назад А. А. Спицын решал его отрицательно, противопоставляя предметы с выемчатыми эмалью вещам, относящимся к культуре полей погребений, и считал их памятниками культуры совсем иного характера. Им же высказано мнение относительно аланского происхождения выемчатых эмалей ²; позже А. А. Спицын отказался от последнего предположения, однако все же не сделал попытки увязать между собой памятники черняховского типа и выемчатые эмали ³. Не сделал этого и Н. Е. Макаренко, считавший, что в создании выемчатых эмалей определенная роль могла принадлежать славянам ⁴.

Б. А. Рыбаков, опираясь на находки эмалей В. В. Хвойко при раскопках могильника черняховского типа в Ромашках и на находку фибулы с эмалью в Черняхове, высказал соображения (остающиеся до сих пор гипотезой) о том, что расцвет эмалевого производства совпадает с расцветом культуры полей погребений черняховского типа ⁵.

Находка миски в с. Бураки может служить еще одним фактом, указывающим на прямые связи памятников черняховского типа и прорезных выемчатых эмалей, — фактом, в какой-то степени подтверждающим гипотезу Б. А. Рыбакова и предположения Н. Е. Макаренко об участии славян в создании прорезных выемчатых эмалей.

¹ Инв. № 5553.

² А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 12.

³ А. А. Спицын. Мои научные работы. *Seminarium Kondakovianum*, 1928, II, стр. 397.

⁴ М. Макаренко. Указ. соч., стр. 100.

⁵ Б. А. Рыбаков. *Ремесло древней Руси*. М., 1948, стр. 50.

С. А. ТАРАКАНОВА

КАМЕННЫЕ ПЛИТКИ С РИСУНКАМИ
С ГОРОДИЩА КАМНО

При раскопках городища Камно, расположенного в 8 км северо-западнее Пскова, найдены очень интересные каменные плитки с загадочными резными рисунками. Подобного рода находки на славянских поселениях обнаружены впервые.

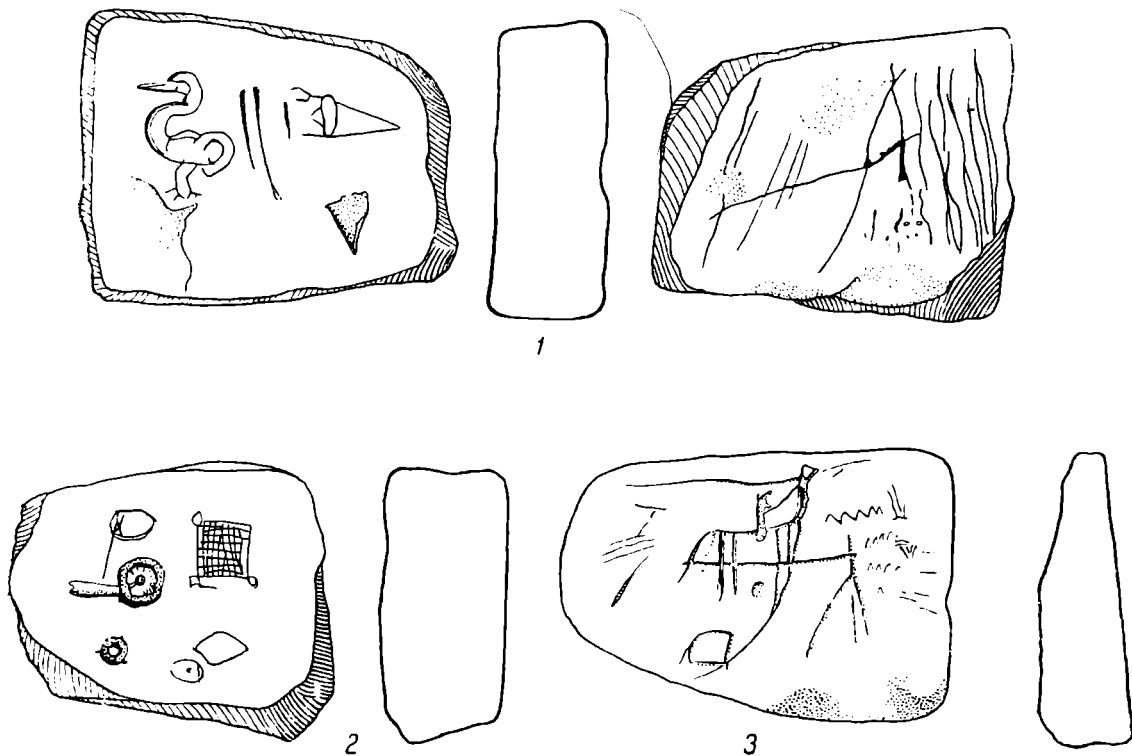

Рис. 55. Каменные плитки с рисунками с городища Камно.

Городище Камно (площадь его — около 3600 кв. м) имеет два культурных слоя: верхний (от 0,4 до 0,6 м) датируется IX в.—началом XII в., нижний (от 0,5 до 0,6 м) — с III—IV вв. до IX в.¹

Судя по материалам раскопок, городище во второй половине I тысячелетия н. э. было крупным ремесленным поселком. Среди находок, характеризующих различные отрасли ремесленного производства обитателей, — 67 каменных литейных формочек и большое количество каменных обрабо-

¹ С. А. Тараканова. Псковские городища (статья в данном выпуске).

танных плиток — заготовок для форм¹. Некоторые плитки и были использованы местным художником. Одна из них обнаружена в нижнем горизонте верхнего слоя; длина ее — 7 см, ширина с одного конца 4,5 см, с другого — 5,5 см, толщина — от 1,5 до 2,5 см. Одна сторона плитки отшлифована, другие ровно оббиты. Плитка являлась заготовкой литейной формочки для отливки маленьких круглых бляшек, но осталась недоделанной и была использована для рисунка. На ней изображено перевесье, два знака, связанные с магией плодородия, и еще один непонятный знак округло-прямоугольных очертаний (рис. 55 — 2).

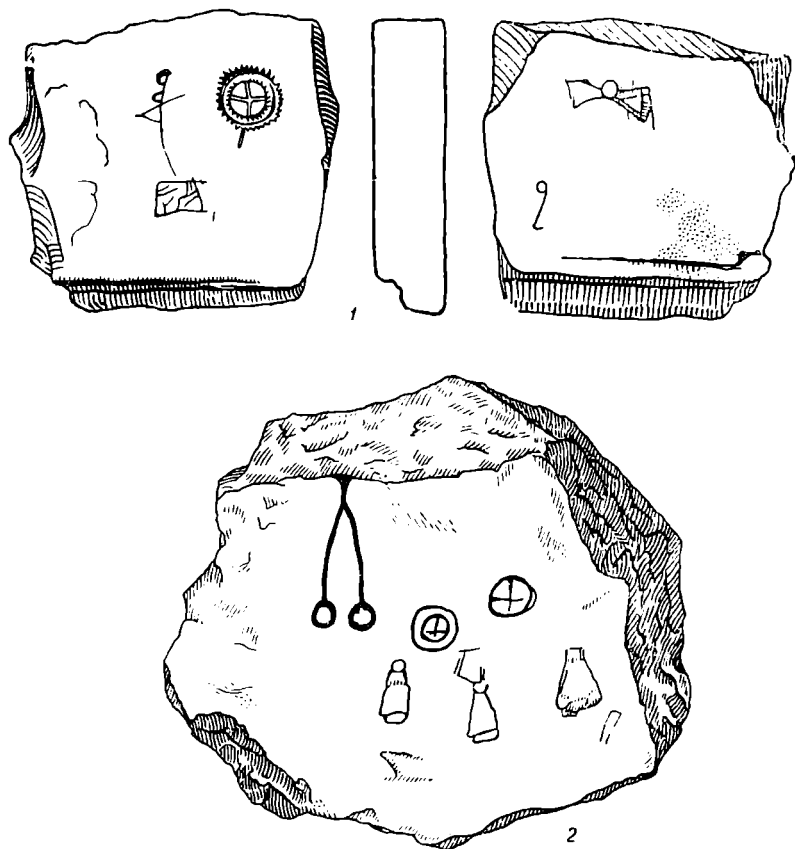

Рис. 56. Каменные плитки с рисунками с городища Камно.

Вторая плитка ($7 \times 5 \times 2,5$ см) также найдена в нижнем горизонте верхнего слоя. Она обработана со всех сторон. Одна ее сторона покрыта тонкими резными линиями, на другой — резное изображение гуся или лебедя, три изогнутые линии и треугольный знак (рис. 55 — 1).

Третья плитка ($6 \times 5 \times 1,5$ см) найдена в верхнем горизонте нижнего слоя. Все ее стороны обработаны и одна из них, на которой сделан рисунок, отшлифована; на ней изображен всадник на лошади, перед которой лежит большая жердь, укрепленная с одной стороны на стойке (козлах). Под задними ногами лошади помещается четырехугольная, неправильных очертаний, фигура (рис. 55 — 3).

Четвертая плитка ($6 \times 5,5 \times 1,2$ см) происходит также из нижнего слоя. Две ее стороны отшлифованы, боковые поверхности не обработаны. На одной отшлифованной стороне три резных изображения: 1) солярный знак в виде двух concentрических кругов с расходящимися от них мелкими лучами и четырехконечным крестом, вписанным во внутренний круг; 2) изображение паруса; 3) изображение четырехугольной фигуры, заполненной

¹ Формочки изготовлялись на самом поселении, что доказывается находками полуобработанных экземпляров.

резными линиями, проходящими в разных направлениях. На другой стороне — резное изображение двух маленьких трапециевидных подвесок, соединенных одним кольцом, и поодаль от них — знак в виде арабской двойки (рис. 56 — 1).

Пятая плитка, найденная в верхнем горизонте верхнего слоя, отличается от всех описанных выше бóльшими размерами и неправильностью очертаний. Только одна ее сторона отшлифована, другие не обработаны. На отшлифованной стороне — резное изображение двух солярных знаков, трех трапециевидных маленьких подвесок, двух маленьких кружков на жгутиках, соединенных вместе (рис. 55 — 2).

Эти находки дают некоторые представления о верованиях восточных славян.

-

Б. А. ТИМОЩУК

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ ДЛЯ ПИСЬМА («СТИЛЯХ»)

При раскопках древнерусского городища Ленковцы (в окрестности Черновиц), проведенных экспедицией Черновицкого краеведческого музея в 1953 г., была раскрыта мусорная яма. Она находилась в северной части детинца на месте разрушенного пожаром подвального помещения. В яме найдено много разнообразных вещей, относящихся к XII—XIII вв.

Из числа находок особый интерес представляет бронзовый инструмент (рис. 57). Он состоит из двух частей: гладкого заостренного книзу стержня круглого в сечении, и орнаментированного щитка с прямым лезвием шириной 1,7 см наверху. Длина всего предмета — 11,5 см. Стержень изогнут, а его острие с одной стороны стерто, что указывает на длительное пользование инструментом. Щиток — пятиугольной формы. На обеих его плоскостях имеются различные узоры; на одной — более сложный орнамент: трехлепестковая пальметка, заключенная в пятиугольник. Возможно, это лицевая сторона инструмента; на другой стороне нанесен более простой орнамент: два пятиугольника, заключенные один в другой.

Находки подобного рода были известны и раньше. В древнерусском Звенигороде¹ встречен такой же бронзовый инструмент², состоящий из заостренного книзу стержня и щитка с прямым лезвием шириной 2 см. Длина предмета — 12 см. Стержень орнаментирован, а щиток украшен прорезным крестиком.

В древнерусском Галиче найден такой же инструмент, но железный³. Он также состоит из заостренного книзу стержня и щитка с прямым лезвием наверху. Железный инструмент подобного же типа, но плохой сохранности, обнаружен и во время раскопок Ленковецкого городища на территории посада, при исследовании остатков наземного жилища⁴.

В научной литературе такие инструменты упоминаются под названием «орудия для линеваия пергамента»⁵. Внимательное изучение дает возможность утверждать, что они имели другое назначение.

Известные нам инструменты происходят из разных мест (Галич, Звенигород, Ленковцы), разнообразно украшены, изготовлены из разных металлов (бронза, железо). В то же время для всех инструментов обязательно

¹ Село Звенигород, Бобркского района, Львовской области.

² Инструмент хранится в Львовском историческом музее под названием «бронзовый стилус», инв. № 612.

³ Я. И. Пастернак. «Старый Галич». Львов, 1944, стр. 186, рис. 73 — 2.

⁴ При раскопках Ленковецкого городища в 1955 г. на территории детинца найдены еще два железных инструмента подобного типа.

⁵ Я. И. Пастернак. Указ. соч., стр. 186.

наличие двух рабочих частей: заостренного стержня и щитка с прямым рабочим лезвием, что указывает на одинаковое назначение предметов. Если допустить, что стержни служили для линейвания пергамента, тогда становится непонятной функция щитков с рабочим лезвием. Можно предположить, что прямое заостренное лезвие щитка служило для подчисток и выскабливания ошибок в тексте; но достаточно провести первый опыт и можно легко убедиться, что для этой цели оно совершенно непригодно. Кроме того, известно, что для подчисток и выскабливания ошибок в тексте служил перочинный ножик, который был в распоряжении каждого писца¹. Если лезвие щитка непригодно для выскабливания, то оно вполне пригодно

для заглаживания, а стержень — для выдавливания линий и процарапывания.

Таким образом, перед нами инструмент, который одновременно служил и для вдавливания или процарапывания (стержень) и для заглаживания (щиток). Орудие, имеющее, кроме стержня, еще и щиток для заглаживания, не могло предназначаться для выдавливания линий на пергаменте, хотя использование его для этой цели вполне возможно. Это не орудие для линейвания пергамента, которое в старой письменности выступает под названием шильца².

Назначение инструмента становится понятным, если принять его за орудие для писания на навощенных дощечках. В таком случае стержень мог служить для выцарапывания на воске нужного текста, а щиток — для затирания, исправления написанного. Инструменты для писания на навощенных дощечках принято называть стилями³.

Находки стилей на территории древнерусских городов дают право говорить о возможности употребления в древней Руси для письма навощенных дощечек.

Известно, что грамотность на Руси была распространена довольно широко. В XI—XIII вв. грамотность была не только достоянием господствующего класса, но и проникала в среду городских ремесленников и торговцев⁴. Об этом убедительно свидетельствуют материалы археологических раскопок в Новгороде, где найдены берестяные грамоты, содержащие переписку горожан⁵. На широкое распространение грамотности в древней Руси указы-

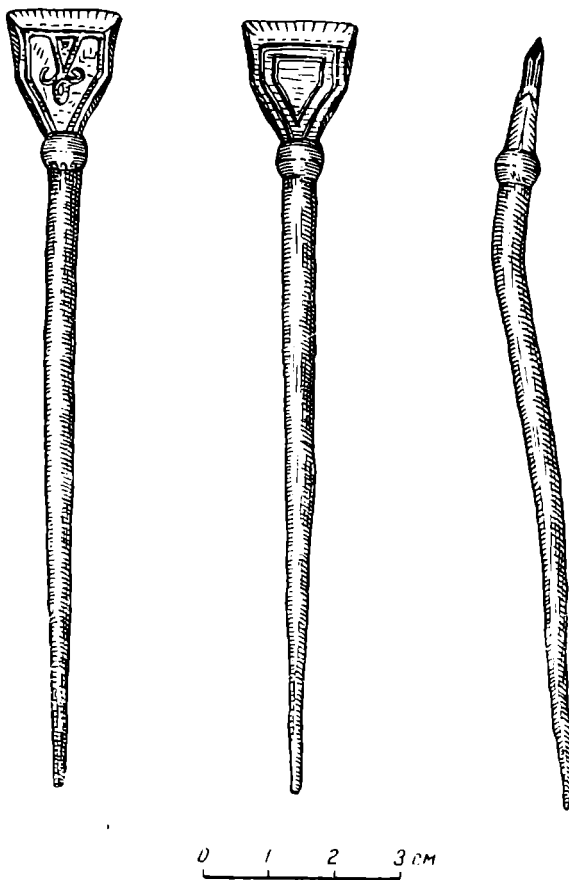

Рис. 57. Бронзовый стиль с Ленковецкого городища.

¹ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 118.

² Там же, стр. 118.

³ Толковый словарь русского языка. М., 1940, т. IV, стр. 517.

⁴ П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси. М., 1951, т. II, стр. 138.

⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953.

вает и тот факт, что находки памятников древнерусской эпиграфики сосредоточиваются не только в крупных городах; много предметов с древнерусскими надписями найдено и при раскопках сравнительно небольших городов. Примером может служить Ленковецкое городище. Это был небольшой город, возникший на перекрестке торговых путей¹. Несмотря на незначительный масштаб раскопок, на территории городища в 1953 г. были найдены предметы с древнерусскими буквами. В мусорной яме на территории дитинца обнаружено шиферное пряслице с выцарапанными на боковой плоскости древнерусскими буквами Н, Н, Н (рис. 58 — 1)². При раскопках помещения полуземляночного типа на площади посада найдено клеймо в виде буквы «Ж» (рис. 58 — 2)³.

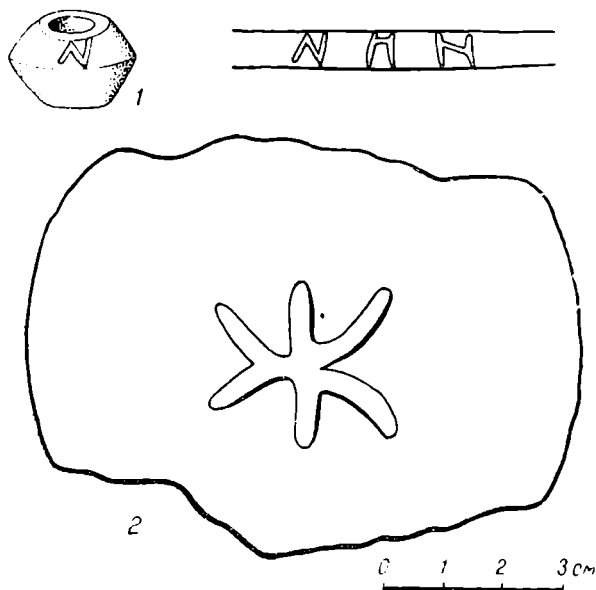

Рис. 58. Шиферное пряслице с процарапанными древнерусскими буквами (1) и гончарное клеймо на днище горшка (2) из находок на Ленковецком городище.

Надписи на предметах быта говорят не только о грамотности ремесленников, изготовивших эти вещи, или владельцев, сделавших метки на своих вещах, но и о грамотности тех, для которых надписи предназначались. Развитие ремесла и особенно торговли⁴ обусловило и распространение грамотности среди торговцев и ремесленников, что потребовало дешевых писчих материалов (особенно при обучении письму). Дорогостоящий пергамент⁵, — основной материал для письма в древней Руси, — был малодоступен ши-

¹ Б. А. Тимошук. Древнерусские поселения Северной Буковины. КСИИМК, 57, 1955, стр. 111—113.

² В 1955 г. при раскопках жилища, входившего в конструкцию вала Ленковецкого городища, найден обломок шиферного пряслица с надписью на боковой плоскости. Хорошо читаются буквы А, Б. Другие знаки отрываются на изломах. Интересна находка обломка костяной ложки, на ручке которой вырезаны древнерусские буквы Н, И.

³ Клеймо в виде древнерусских букв А, Б, Д, Ж найдено на городище в с. Коршев, Ровенской области, О. О. Ратиц. Підсумки досліджень древньоруських археологічних пам'яток на території Галицької і Волинської земель. Наукові записки Інституту суспільних наук, т. II, Київ, 1954, стр. 13.

⁴ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 26, 27.

⁵ О дороговизне пергамента см. Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 96.

роким слоям населения. Находки при археологических раскопках А. В. Арциховского в Новгороде берестяных грамот указывают на использование для письма березовой коры. Могли использоваться и другие дешевые материалы. Найденные на территории древнерусских городов металлические стили свидетельствуют о том, что в древней Руси для письма могли служить деревянные навощенные дощечки. Они должны были сыграть важную роль в обучении письму, как это было в античном мире¹.

---

¹ Г. Е. Жураковский. Очерки по истории античной педагогики. М., 1940, стр. 47, 48 и 313.

В. Ф. ГЕНИНГ

РОМАНОВСКИЙ КЛАД

В 1937 г. в Усольский краеведческий музей гражданином В. И. Ильиных был доставлен клад, найденный во время пахоты на так называемом Крестовом поле, недалеко от с. Романова, Ворошиловского района, Молотовской области. В 1938 г. М. В. Талицкий выяснил местонахождение клада, но, очевидно, вещей не видел, что и привело к предположительной датировке клада временем VI—IX вв.¹, к которому относят большинство находимых в Прикамье кладов восточного серебра.

В 1952 г. при ознакомлении с материалами Усольского музея мною были просмотрены вещи, найденные в с. Романово. К сожалению, не удалось установить, все ли они сохранились, или часть их утрачена. Сейчас в составе клада насчитывается 11 предметов: серебряные чаша, два перстня, два навершия кинжалов, три пронизки-бусы и три хрустальные бусины.

1. Серебряная чаша (рис. 59—1). Чаша невысокая, плоскодонная. Диаметр ее — 14 см, высота — 4,5 см, диаметр дна — 10 см; изготовлена она путем проковки толстого листа металла, о чем свидетельствуют слегка волнистая поверхность и мягкие контуры у перехода от стенок к дну. У верхнего наружного края припаяно ушко, в которое продето колечко (диаметр его — 2 см), покрытое неглубокими нарезками (рис. 59—1 б). В центре дна внутри была приклепана тонкая шестилепестковая розетка (наибольший диаметр ее — 4 см, высота по ободку — 0,4 и центрального полушария — 0,6 см), изготовленная из тонкого листа серебра техникой тиснения. Все узоры розетки мягкие, не совсем четкие. По краю ее идет выпуклый ободок, а в середине возвышается полушарие, на котором вытиснена звезда из двух взаимно перекрещивающихся треугольников. В шестиугольник внутри звезды вписаны окружности и S-образный знак (рис. 59—1 в). Все полушарие со звездой окаймляется двумя слабо заметными окружностями. На углах трех лепестков розетки нанесены плохо очерченные завитки в виде незаконченного S-образного знака. В дне чаши проделаны три отверстия, совпадающие с отверстиями на лепестках розетки. Заклепки в них не сохранились.

2, 3. Серебряные перстни. В кладе сохранились два перстня, сходные по форме и технике изготовления. Различаются они по узору и размерам.

Большой перстень (рис. 59—3, 5) сделан из тонкого листа серебра, диаметр кольца — 25 мм, наименьшая ширина — 5 мм. На щитке (ширина его — 20 мм) выгравирован узор зигзаговыми и простыми линиями. Углубления были заполнены чернью, которая сейчас в некоторых местах вывалилась. Центральный мотив узора состоит из древнерусской плетенки в виде двух переплетающихся петель.

¹ И. А. Талицкая. Материал к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, 1952, стр. 152 № 1161.

Диаметр второго перстня (рис. 59 — 4, 6) равен 22 мм, ширина щитка — 18 мм, наименьшая ширина кольца — 5 мм. Этот перстень более массивный, чем предыдущий. Узор на щитке выгравирован прямыми или слегка волнистыми линиями, заполненными чернью, теперь почти полностью выпавшей. Основной мотив узора — перекрещивающаяся лесенка, образующая восьмерку с острыми углами по краю щитка. Пространство между этими деталями заполнено орнаментом в виде елочки.

4, 5. Серебряные навершия (рис. 59 — 2, 9). Определить точно назначение предметов трудно, так как в археологическом материале Прикамья мы не можем указать им аналогии. Возможно, что это навершия рукоятей или ножен кинжалов. Навершия восьмигранные, наглухо запаянные с одного конца. Высота их — 26 мм, ширина — 31 мм; изготовлены они из толстого листового серебра и украшены сканной проволокой и крупной зернью. Проволока наложена двумя рядами вдоль верхнего и нижнего краев и в один ряд вдоль узких боковых сторон, образуя вертикальные орнаментальные ленты. На одной узкой стороне ленты заполнена тремя треугольными пирамидками из зерни (рис. 59 — 2), на другой — прикреплено небольшое плоское ушко. Передняя широкая сторона украшена пирамидками и крестиками из шариков зерни (рис. 59 — 9), задняя сторона гладкая, без орнамента.

6, 7, 8. Серебряные полые бусы (рис. 59 — 10—12). В кладе их три. Все они изготовлены из тонкого листового серебра, полые внутри и украшены узором из сканной проволоки и зерни. Один экземпляр (рис. 59 — 10) имеет форму шара, два других — боченкообразные. Диаметр бус — 26—28 мм.

Шаровидная бусина сделана чрезвычайно тщательно и тонко. Диаметр шариков зерни — менее 1 мм. Таково же и сечение проволоки. Вторым экземпляром (рис. 59 — 11) — несколько грубее. Он сходен по отделке с навершиями. Третий экземпляр (рис. 59 — 12) сделан грубо, зернь крупная (около 1,5 мм), проволока скручена неумело.

9, 10, 11. Хрустальные бусы (рис. 59 — 7, 8). Всего их в кладе три: две больших и одна маленькая. Поверхность хорошо отшлифована, грани четкие; сверление, как и у всех каменных бус, с двух сторон.

Находки кладов в верхнем Прикамье нередки, но чаще это или наборы украшений, или только серебряные сосуды. Совместно в кладах эти вещи встречаются очень редко.

Часть вещей Романовского клада — местного происхождения (серебряные полые бусы, навершия и хрустальные бусы). В археологическом материале Прикамья полые серебряные и хрустальные бусы подобных типов встречаются весьма часто. Полые бусы часто бывают медные. Эти вещи могут быть датированы XII—XIV вв.¹

Вторая часть клада состоит из привозных вещей. Это серебряные перстни и чаша. По форме серебряная чаша из Романовского клада имеет ряд близких аналогий. Укажем чашу с Северного Кавказа² той же формы, также с кольцом, но без розетки на дне; края сосуда слегка отогнуты наружу. По размеру она меньше романовской. И. Я. Смирнов датирует ее XIII в.³ Вторая чаша, из Самарово на р. Иртыше⁴, по форме аналогична найденной в с. Романове, но боковое колечко, также с нарезками (а возможно, и крученое), имеет шарнирное скрепление с чашей.

¹ М. В. Т а л и ц к и й. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 27 — 13, стр. 60; А. А. С п и ц ы н. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, 1902, табл. XXIV — 79, XXXI — 8 — из коллекции Кыласова городища по раскопкам 1952 г. Музей археологии при Молотовском университете.

² И. Я. С м и р н о в. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. СII — 224.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же, табл. XLI — 74.

Рис. 59. Романовский клад.

1 (а, б, в) — серебряная чаша; 2 — серебряное навершие кинжала; 3, 4 — серебряные перстни; 5, 6 — прорисовка узоров на перстнях; 7, 8 — хрустальные бусы; 9 — прорисовка узора на лицевой стороне навершия; 10—12 — серебряные полые бусы.

Особенно интересна тисненая шестилепестковая розетка на дне романовской чаши. Такой узор встречается на серебряных сосудах довольно редко. На одном из сосудов в «Атласе» И. Я. Смирнова есть контуры шестилепестковой розетки, но в середине ее изображен хищник¹.

Розеткой несколько иного типа, составленной из шести полуокружностей, пересекающихся в центре, украшено дно чаши из Губдорского клада². Подобные же розетки есть еще на двух чашах³, где они вписаны внутри шестиугольной звезды, составленной из двух пересекающихся треугольников. Звезды эти аналогичны звездочке на полушарии розетки чаши из Романовского клада.

Гораздо больше для определения происхождения и датировки чаши может дать анализ техники ее изготовления. Мы склонны видеть в чаше произведение древнерусского ювелирного искусства, вероятнее всего, северных Новгородских земель. В русском ювелирном деле в послемонгольское время входит в обычай украшение тонкой пластинки металла накладными на штифтах рельефными фигурками⁴. Правда, фигурки чаще всего литые, а фон вокруг них заливается эмалью, в романовской же чаше розетка тисненая. Но тиснение было широко известно в домонгольской Руси. В послемонгольское время этот прием был распространен гораздо меньше, но все же существовал⁵.

Ушко с кольцом на чаше из с. Романова очень сходно с кольцами на пластинчатых браслетах из Новгородских земель периода XIII—XIV вв.⁶ Подобные же колечки имеются у накладок (от поясных ремней), найденных в составе Губдорского клада вместе с упомянутым выше сосудом⁷. На щитках накладок изображен медведь. В составе клада находятся вещи, характерные для Прикамья X—XIII вв. Не чужды русской орнаментике и S-видные завитки, которые сделаны на лепестках розетки. Они встречаются в орнаменте тисненых бляшек на саккосе московского митрополита Алексея (конец XII—начало XIII в.)⁸.

Время изготовления чаши из Романовского клада, вероятнее всего, относится к середине XIII в., так как в технике изготовления сочетаются приемы древнерусского ювелирного искусства, появившиеся в послемонгольское время, и некоторые сохранившиеся еще традиции домонгольского периода. Место изготовления, как уже указывалось, — северные Новгородские земли древней Руси.

Этот вывод подтверждают и перстни, найденные в составе Романовского клада, древнерусское происхождение которых не вызывает никакого сомнения. Форма перстней в виде кольца с сильно расширенным щитком была широко распространена также в Новгородских землях⁹. Находили их и в Прикамье¹⁰. Перстни могли быть изготовлены и в домонгольское время, так как в послемонгольский период чернь применялась довольно редко.

По времени изготовления различные предметы, входящие в состав клада, очевидно, не могут быть далеки друг от друга. Общая дата вещей Романовского клада — XIII в.

¹ И. Я. Смирнов. Указ. соч., табл. СIII — 225.

² Там же, табл. СXXVII — 315 — с. Губдор, Чердынского района, Молотовской области.

³ И. Я. Смирнов. Указ. соч., табл. CVI — 234 — из курганов в Верненском уезде, Семиреченской области; табл. CVIII — 262 — из курганов близ станции Белореченской, Кубанской области.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 628.

⁵ Там же, стр. 634.

⁶ Гдовские курганы. МАР, № 29, СПб., 1903, табл. XXV — 18, 19.

⁷ И. Я. Смирнов. Указ. соч., табл. СXXVII, рис. 64—67.

⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 536; Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. VI, рис. 115, 116.

⁹ МАР, № 20, 1896, табл. XIII — 8, 24 и др.

¹⁰ МАР, № 26, 1902, табл. XV — 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки
АС — Археологический съезд
ВОКМ — Владимирский областной краеведческий музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГРМ — Государственный Русский музей
ДАН — Доклады Академии Наук СССР
ЖМВнД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
РАНИИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей	3
Н. Н. Воронин. Археологические заметки	17
С. А. Тараканова. Псковские городища	33
И. Г. Спасский. Из истории древнерусского товароведения	45
Л. А. Давид и Б. А. Огнев. Забытый памятник московского зодчества XV в.	51
П. А. Раппопорт. Перси Псковского Крома	56
В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска	59
М. А. Безбородов. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия (Химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок)	66

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.	84
Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области	95
В. В. Седов. Поселение XII в.—начала XV в в Перыни	108
П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г.	113
О. С. Хованская. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара	129
А. М. Ефимова. Новые данные о болгарской металлургии	135
Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах	141

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях	148
С. А. Тараканова. Каменные плитки с рисунками из городища Камно	152
Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма («стилях»)	155
В. Ф. Генинг. Романовский клад	159
Список сокращений	163

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева

Технический редактор Т. В. Полякова

РИСО АН СССР № 120—66В. Сдано в набор 16/ХІ 1955 г. Подп. в печать 6/ІІ 1956 г. Формат бум. 70 × 1081/16. Печ. л. 10,25 = 14,04. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1600. Т-01629. Изд. № 1304. Тип. зак. 343.

Цена 8 р.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
154	3 сл.	(рис. 55 — 2)	(рис. 56 — 2)
159	14 сл.	чаши	чаши

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры, вып. 62